

А. Линин
А.С. ПУШКИН НА ДОНУ

РОСТИЗДАТ 1941

8(c) / ДИМИТ, А.

7-913 Я.С. ПУШКИН

на дому ИИ

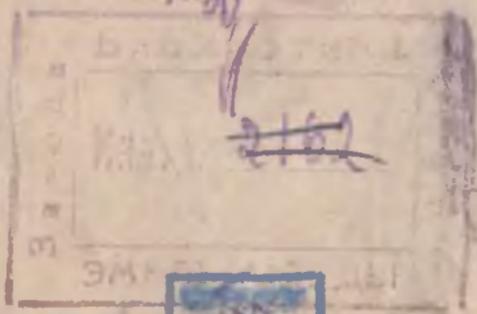
2-65к ИИВ 2.633

ИИВ	252	Кривой
ИИВ	232	Сидоров
		Кочетков
		253

2011
29
А. ЛЕНИН

А. С. ПУШКИН НА ДОНУ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

4/3

РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов на Дону — 1941

Под общей редакцией
доцента Ростовского н-Д.
педагогического института
кандидата филологических наук
М. А. ПОЛТОРАЦКОЙ

ПАМЯТИ А. М. ЛИНИНА

Предлагаемые читателю работы написаны безвременно скончавшимся весной 1938 г. в г. Ворошиловске доцентом Анатолием Михайловичем Лениным.

Жестокая затяжная болезнь (туберкулез легких) унесла в могилу человека, который ярко проявил себя и в области научно-исследовательской работы, и как талантливый преподаватель.

Пройдя начальный научно-исследовательский стаж под руководством проф. Азербайджанского государственного университета А. В. Багрия, А. М. Ленин совсем еще молодым доцентом прибыл в Ростов в 1929 г. и работал в Ростовском педагогическом институте в течение 8 лет, большую часть которых он являлся руководителем кафедры русской литературы.

С первых же месяцев пребывания в Ростове Ленин привлек живейшие симпатии студенчества любовью к своему делу, неизменной добросовестностью и методичностью в работе, яркой выразительностью лекторского стиля. Исключительно требовательный к себе, он был требователен к студентам и к сотрудникам по кафедре,

но именно эту выдержку и принципиальность нельзя было не ценить в нем.

Большая преподавательская нагрузка, казалось бы, оставляла А. М. слишком мало времени для литературной, научно-исследовательской деятельности. Однако он настойчиво, не щадя своего здоровья, вел эту работу.

Ранние (бакинские) работы Линаина были посвящены А. Н. Островскому (солидный библиографический справочник) и творчеству Леонида Андреева. В Ростове Линаин продолжал изучение драматургии Островского и помимо отдельных этюдов о нем (напр., „К вопросу о влиянии Гоголя на Островского“, „Изв. Р. П. И.“, т. 6) издал имеющую ряд оригинальных и ценных высказываний монографию „Творчество Островского“ (1937 г.). Солидную, — правда, не законченную, — работу посвятил Линаин характеристике известного в свое время романиста П. Д. Боборыкина. В сборнике „А. П. Чехов и наш край“, вышедшем под редакцией Анатолия Михайловича в 1935 г., он дал три статьи: „Чехов и наши дни“, „К вопросам творческой теории“, „Степи“, „Чехов и наш край (библиография)“. В ряде журнальных статей А. М. Линаин дал разбор критической литературы об А. М. Горьком. В 1935 г. был издан сборник критических статей А. М. Линаина о произведениях Горького, Серафимовича, А. Чехова („Литературные очерки“, 1935 г.).

С приближением исторической даты столетия со дня смерти Пушкина внимание А. М. Линаина естественно было перенесено и в эту область. Он ведет в институте специальный семинар по Пушкину, деятельно участвует в подготовке и организации большой областной Пушкинской выставки, а что самое главное, Линаин углубляется в изучение, преимущественно по архивным дан-

ным, вопросов, связанных с пребыванием Пушкина на Северном Кавказе. Так возникла большая статья Линаина „Историк войска Донского В. Д. Сухоруков и А. С. Пушкин“, где нашла яркое освещение фигура одного из самых передовых деятелей Дона в первой половине XIX века. Сюда же относится законченная лишь перед смертью Анатолия Михайловича работа „А. С. Пушкин на Дону и Кубани“, также напечатанная в настоящем издании.

Я не назвал здесь десятков мелких критических статей, рецензий и заметок, помещенных Линаиным в ростовских журналах и газетах. В течение ряда лет Линаин близко соприкасался с ростовской областной писательской организацией и постоянно помогал ей в качестве литературоведа и критика.

Большую работу провел А. М. Линаин и как редактор ряда книг по художественной литературе, издававшихся Азчериздатом.

О большой историко-литературной эрудиции Линаина говорили и лекции, читанные им в стенах Педагогического института. При этом внимательные слушатели лекций Линаина могли без труда отметить наиболее увлекавшие самого преподавателя разделы его курсов. Излюбленными и особо тщательно разработанными Анатолием Михайловичем страницами лекций по истории литературы XIX—XX вв. были: Пушкин и его современники, Л. Толстой, символисты, Горький, Маяковский.

Я лично очень хорошо помню, например, одну из его блестящих лекций о Маяковском, на которой уже заметно больной Анатолий Михайлович воодушевленно цитировал на память огромное количество иллюстрировавших его положения стихов великого советского поэта.

Все это заставляет тепло вспомнить о нем, как о советском культурном работнике с качествами, достойными всяческого уважения и подражания, и приветствовать выход в свет этих работ талантливого литературоведа и критика.

Н. Сретенский

ОТ РЕДАКЦИИ

Очерк А. М. Линаина „А. С. Пушкин на Дону и Кубани“ не был вполне подготовлен к печати — рукопись не сохранилась, а правки после перепечатки на пишущей машинке автор не успел сделать. Поэтому мы вынуждены были сами завершить правку очерка и снабдить его соответствующими примечаниями.

Все наши примечания вынесены в тексте под строку со знаком *, а примечания, принадлежащие автору, приведены в конце книги под цифровыми указателями.

М. Полторацкая

А. С. ПУШКИН НА ДОНУ И КУБАНИ

I

Впервые Пушкин побывал на Дону вскоре после того, как разъяренный колкими политическими эпиграммами и свободолюбивыми стихами поэта Александр I решил выслать его по этапу на поселенье в Сибирь или в Соловецкий монастырь и, лишь благодаря заступничеству друзей Пушкина, изменил место ссылки—на юг России. Пушкина направили на службу в Екатеринослав в канцелярию Главного попечителя южных колонистов Инзова. Это было в 1820 г.

Вскоре в Екатеринослав приехала дружески относившаяся к Пушкину семья Раевских: старик генерал Раевский, младший сын Николай и дочери Мария и Софья. Они разыскали поэта где-то на окраине города, в бедной хате, больного, в лихорадочном бреду.

Уговорив Инзова разрешить его новому подчиненному, больному Пушкину, отпуск, Раевские в начале июня вместе с поэтом отправились в каретах на Кавказ.

Основным источником для определения маршрута Пушкина в этом путешествии являются

письма Н. Н. Раевского к одной из дочерей, Екатерине Николаевне, представляющие собой „путевой журнал“ генерала. В письме, писанном 13 июня 1820 г. в Горячеводске, передавая дорожные впечатления, Раевский сообщает, что из Екатеринослава ехал он по Мариупольской дороге, совершив переправу через Днепр при деревне Нейенбург (немецкая колония):

„Тут Днепр только что перешел свои пороги, посреди его — каменные острова с лесом, весьма возвышенные, берега также местами лесные; словом, виды необыкновенно живописные... За рекой мы углубились в степи, ровные, одинакие, без в какой перемены и предмета, на котором бы мог взор путешествующего остановиться; земли, способные к плодородию, но безводные и посему мало заселенные. Они отличаются... множеством травы, ковылем называемой, которую и скот пасущийся в пищу не употребляет, как будто бы почитает единственное их украшение. Надобно признаться, что при восходе или заходе солнца, когда смотришь на траву против оною, то представляется тебе чистого серебра волнующееся море“.*

Кортеж Раевских являл собой эффектное и внушительное зрелище. Помимо Пушкина, с семьей Раевских ехали военный врач, состоявший при генерале, доктор Рудыковский¹, англичанка мисс Мятен и русская няня девиц Раевских, а также „компаньонка“ Анна Ивановна (крестница генерала), „родом татарка, удержавшая в выговоре и лице свое восточное происхождение“². Все это общество и прислуга с вещами и утварью расположились в нескольких экипажах. Две кареты были заняты стариком-генералом, доктором, женщинами и детьми, а Пушкин с младшим Раевским уселись в коляску. Ехать предстояло несколько дней, и Раевские позаботились о необходимом путевом комфорте и об охране. Последняя, как мера предосторожности, была тем

* „Архив Раевских“, т. I, СПб. 1908, стр. 518—19.

более необходима, что уже в Екатеринославе Раевские узнали о крестьянских „волнениях“, охвативших юг России. Слышал о них и Пушкин.

Несмотря на предупреждения о „дорожных опасностях“, Пушкин был рад этой поездке. Она обещала приятную новизну кавказских впечатлений. Но ехать было тяжело: трясла лихорадка.

Как ни крепился Пушкин, а нещадные мучительные приступы заставили его подчиниться приказу генерала Раевского и перебраться к нему в карету. „Я, — писал потом Пушкин брату (24 сентября 1820 г.), — лег в коляску больной: через неделю вылезлся“. Быть может, помог режим строгого Рудыковского, который настойчиво кормил Пушкина горькими микстурами и хиной. Но лихорадка потом не раз возвращалась.

Почтовые станции и местные власти были предупреждены о поездке Раевского; репутация славного боевого генерала, участника Отечественной войны, обеспечивала ему быстроту путешествия; на почтовых станциях ждали заготовленные для него лошади. Как сообщает Бартенев, „путешественников наших встречали с большим почетом“, в некоторых городах „славному защитнику отечества“ были организованы встречи с хлебом-солью („Пушкин в южной России“, — „Русский архив“, 1866, № 8—9, стр. 1105).

Почтовый тракт, которым ехали Раевские и Пушкин, шел через Мариуполь. „Близ Мариуполя, — писал Н. Н. Раевский дочери, — открыли глаза наши—Азовское море. Мариуполь, как и Таганрог, не имеет пристани, но суда пристают по глубине ближе к берегу. 40 лет как населен он одними греками, торгуют много хлебом, скотом, в 120-ти верстах от Таганрога, окружены землями плодородными, а хлеб, то-есть, пшеница, и в теперешнее дешевое время продается до

16-ти рублей. На первой почте за Мариуполем встретили мы жену Гаевского³, которая дожидалась меня трое суток и отправилась к мужу; ей не дали лошадей, для меня приготовленных. Она зато приготовила нам завтрак; мы поели, я написал с нею вам письма, и поехали“.*

Путь к Таганрогу шел на близком расстоянии от моря. В одном месте — это могло быть (как предполагает П. П. Филевский)⁴ у той части берега, где потом была выстроена станица Ново-Николаевская, или дальше, вблизи от буйной Лакедемоновки**, — экипажи пошли вдоль самого берега.

Мария Николаевна Раевская вспоминала потом: „Недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Завидев море, мы приказали остановиться, вышли из кареты и всей гурьбой бросились любоваться морем. Оно было покрыто волнами и, не подозревая, что поэт шел за нами, я стала забавляться тем, что бегала за волной, а когда она настигала меня, я убегала от нее. Кончилось тем, что я промочила ноги. Понятно, я никому ничего об этом не сказала и вернулась в карету. Пушкин нашел, что эта картинка была очень грациозна и, поэтизируя детскую шалость, написал прелестные стихи; мне было тогда лишь пятнадцать лет.

Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!

* „Архив Раевских“, т. I, стр. 519.

** „Буйная“ Лакедемоновка в 1820 г. была центром крестьянского восстания в Ростовском уезде.

Позже, в поэме „Бахчисарайский фонтан“, он сказал:

... ее очи
Яснее дня,
Темнее ночи.

В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел“.*

Спустя более пятидесяти лет (в 1872 г.) этот эпизод описал в поэме „Русские женщины“ („Кн. Волконская“) Н. А. Некрасов, изменив ряд фактических деталей и перенеся место действия в Крым:

Все наше семейство поехало в Крым.
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот, наконец,
И горы, и Черное море.
Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.
Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелою вперед
Умчалась с курчавым поэтом.
Без шляпки, с распуценной длинной косой,
Полуденным солнцем палима,
Я к морю летела,— и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добегала;
Когда же прилив возвращался опять
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..
И Пушкин смотрел.. и смеялся, но я
Ботинки мои промочила:
— „Молчите! идет гувернантка моя!“
Сказала я строго.. (я скрыла,
Что ноги промокли).. Потом я прочла
В „Онегине“ чудные строки.

* „Записки кн. М. П. Волконской“, изд. II, стр. 62,

Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я стара, так далеки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня... но по правде сказать—
В кого он тогда ни влюблялся!
Но думаю, он не любил никого
Тогда, кроме музыки: едва ли
Не боле любви занимали его
Волненья ее и печали.

Ранним утром 5 июня кортеж Раевских въезжал в Таганрог.

В каком виде предстал Таганрог глазам Пушкина?

„Город на хорошем месте,— записал свои впечатления о Таганроге Н. Н. Раевский,— строем бедный, много домов, покрытых соломой, но торговлей богат и обыкновенно вдвое приносит правительству против Одессы. Способов ей не дают, купцы разных наций не имеют общественного духа, от сего нет никакого общественного заведения...“ Раевский отмечал отсутствие пристани в Таганроге: „по мелководию суда до берега далеко не доходят, а при мне сгружали и нагружали оные на подмощенных телегах, которые лошади, в воде по горло, подвозили к судам“*.

В Таганроге Раевские и Пушкин остановились в доме градоначальника Петра Афанасьевича Папкова.⁵ Раевские и Пушкин были приняты в том доме на Греческой улице, в котором за два года до того останавливался со своей свитой Александр I**.

* Архив Раевских, т. I, стр. 519.

** См. статью П. П. Филевского „К вопросу о посещении А. С. Пушкиным Таганрога в 1820 г.“, „Зап. Сев.-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии“, кн. I, 1927 г.

это был один из лучших, существовавших в то время в Таганроге ста шести каменных домов.

С 1814 г. по сентябрь 1816 г. Папков производил в доме капитальный ремонт по планам и под надзором архитектора Молле, а перед приездом в 1818 г. в Таганрог Александра I предписал Строительному комитету: „Назначая для пребывания государя императора дом, мною занимаемый, я предлагаю сему комитету сделать в оном нужные для сего случая исправления, а также устроить, по данному мною архитектору наставлению, плацдарм и кордегардию“. После нового ремонта и постройки прекрасной кирпичной оранжереи, дом, снаружи выкрашенный в палевую краску с белыми карнизами, блестел и сверкал, как игрушка.

Раевским и Пушкину были отведены комнаты на верхнем этаже (в нижнем размещалась прислуга).

Здесь Раевские и Пушкин обедали у Папкова, ночевали и 6 июня утром поехали дальше „в Ростов, что прежде был предместием крепости святого Димитрия“.

„Крепость сия,— вспоминал старик Раевский в письме к дочери,— есть то место, где 37 лет тому назад жил почти год с матушкой⁶, по той причине, что Лев Денисович, командовавший полком, ходил на Кубань под командой Суворова, а чтоб рассмешить тебя, мой друг, напомним песенку, мной сочиненную девице Пеленкиной и тебе известную, в которой я назвал ее Лизетой, потому что к ее имени, т. е. Алены, я рифмы приискать не мог. В первый раз ехал на Кавказ, при жизни ее мужа, тому 25 лет, я у них обедал, нынче, узнав, поехал к ней, застал у них гостей; одна дочь замужем, другая же, 17 лет, в девицах, и так хороша, как мало видал я хороших. Я посидел, посмеялись насчет ребяческих лет наших и... расстались¹ без слез, ни сожаленья*.

* „Архив Раевских“, т. I, стр. 520.

Крепость св. Димитрия (как и крепость св. Анны) имела значение опорного пункта в борьбе против татар и турок; но она же рассчитана была и на отпор казакам на случай их восстания. Мятежи вольного казачества были на памяти у петербургского двора. Один из наблюдательных путешественников, побывавший в 1809 г. в Ростове („Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море“, 1810), записал: „Екатеринославская губерния идет по берегу Азовского моря, начиная от сего рубежа до самого Крымского. Как донские казаки и до сих пор в малом находятся доверии, то еще и не отдано им во владение берегов...“.

Мы не знаем, сопровождали ли старика Раевского в визите к Пеленкиной его спутники, либо занялись осмотром Ростова.

Впрочем, тогдашний Ростов был малоинтересен для путешественников. Выросший из основанного в 1749 г. торгового поселения „Темерницкая таможня“, он не имел еще того значения, какое приобрел позже, к тридцатым, а особенно к шестидесятым годам.

Даже в 1850 г. журнал „Москвитянин“ говорил о Ростове, как о новоявленном торговом пункте Южной России⁷. К двадцатому же году Ростов еще не завоевал себе значения. Его не решались называть городом, не присоединив к этому упоминания, что был он крепостным предместьем — „форштадтом“. Равное с Ростовом, если не большее, значение имел тогда и другой форштадт: Нахичевань. Побывавший в этих местах в 1812 г. граф Илья Андреевич Безбородко в описании своего „вояжа из Петербурга через Москву, Воронеж, Новочеркасск, Георгиевск Кавказской губернии, к минеральным водам горячим и кислым и обратного пути в Малороссию“ оставил такие записи:

„Сентября 2-го выехал в Нахичевань, армянский город Екатеринославской губ., круговую дорогою, 20 верст от Аксая. Прибыл в Нахичевань в 10 ч. утра, осматривал город. Был в гостинном дворе, город многолюдный, регулярно расположенные улицы. Строения в армянском вкусе. Дома чистые, но большей частью крыты черепицей. Есть и хорошие каменные дома, церквей каменных несколько, довольно огромные. Положение города прекрасное на горе при реке Дону“.

Граф Безбородко ездил и в крепость св. Димитрия Ростовского „за полторы версты от Нахичевани. Крепость св. Димитрия Ростовского — регулярная и обширная, имеет 8 бастионов и к реке Дону несколько батарей, но запущена. В ней строение каменное, казармы, дом коменданта и еще несколько домов каменных; есть арсенал, в коем много пушек и старинных и вновь привезенных, много старинного оружия, более 20 старинных, прежних государей, знамен... Трое ворот в крепости, магазейны: пороховой и хлебный. Город или предместье — Ростов — в полуторы или двух верстах от крепости. Город сей уездный, Екатеринославской губернии. Положение при той же реке Дону весьма прекрасное! Много судов по сей реке, домов несколько каменных, а более деревянные⁸. Через реку Дон в городе мост на барках для переезда на сию сторону...“ („Шукинский сборник“, т. X, М., 1908).

То малозначительное место, которое Безбородко отвел в своем „вояже“ Ростову, очень типично для описания путешествий и других лиц, побывавших в этих местах в 10—30-х годах прошлого века. Ростов играет роль конкурирующего с Нахичеванью крепостного предместья, причем нередко путешественники отдают пред-

почтение чистоте, порядкам и предприимчивости жителей Нахичевани.⁹

В 1837 г. совершил свое „Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию“ (Москва, 1853) один из представителей русского капитализма Анатолий Демидов. Вскользь бросив о Ростове замечание, что „в здешней гавани, несмотря на то, что она не велика, однако, довольно значительное торговое движение“, Демидов уделил значительное место описанию Нахичевани. „Нахичевань,—писал он,—город замечательный по своей странной наружности, свидетельствующей, впрочем, о господствующей здесь торговой деятельности... Народонаселение Нахичевани отличается смышленностью и ловкостью к торговле... Хотя Нахичевань находится не в таком счастливом географическом положении, как Ростов, зато жители ее несравненно способнее к торговым сделкам, нежели ростовские. Из глубины этой пустыни, почти никем не посещаемой, они содержат постоянные торговые сношения со своими соотечественниками, живущими в Астрахани, Лейпциге, Малой Азии... Многочисленные магазины этого небольшого города наполнены прекрасными шелковыми тканями и разными восточными, преимущественно персидскими, товарами. Улицы здесь прямые и так же, как и дома, содержатся в большой чистоте...“

Неудивительно, что и в „журнале“ генерала Раевского, фиксировавшего важнейшие путевые наблюдения,—рядом с Ростовом, не вызвавшим никаких этнографических замечаний, заняла свое место Нахичевань, на осмотр которой Раевские и Пушкин уделили часть дня 6 июня. „За крепостью,—писал Раевский,—есть другой форштат, или город армянский, Нахичевань называе-

ый, пространный, многолюдный и торговлей
весьма богатый. Образ жизни, строенье, лица,
одеянье — все оригинальное*.

Тогдашняя Нахичевань была действительно
живым, бойким и оригинальным городком, рас-
положенным у берега Дона и населенным (коли-
чество жителей в Нахичевани 1820-г. приближа-
лось к десяти тысячам) исключительно армянами,
этнографическое своеобразие которых не могло
не остановить внимания наших путешественни-
ков¹⁰. Заинтересовать их могли костюмы нахи-
чеванок: красивые накидки из атласа, которые
надевались поверх платья, к этим накидкам при-
креплялись две перекрещивающихся золотых пла-
стинки („этеклу“); украшенные жемчугами „ху-
ла“ — пояса с серебряными застёжками; „поши“ —
шелковая цветная материя, из которой старухи
сооружали головной убор; у девиц — выши-
тые золотом фески, из-под которых спускались
на плечи заплетенные мелкими косичками во-
лосы.

На городских порядках, на общем строе взаи-
моотношений нахичеванцев сказывалась социаль-
ная специфика его расслоения: это был в осно-
ве своей буржуазный город и своеобразные чер-
ты его социальной структуры также не могли
не броситься в глаза путешественникам.

Нахичеванцы вели торговлю зерном, шерстью,
сырыми кожами, салом, занимались ремеслом,
ковкой лошадей, кузнечным делом, выделкой
оружия, сбиванием войлока, плотничеством, порт-
няжеством, лужением, выделкой вьючных седел
и пр. К началу 20-х гг. здесь была хорошо раз-
вита мелкая промышленность, работало несколь-
ко заводов. К Нахичевани прикреплены были

* „Архив Раевских“, т. 1, стр. 520.

пять армянских селений: Крым (Топти), Салла, Султан-Салла, Несветай, Чалтырь с почтовой станцией (впоследствии к ним присоединилась вновь заселенная деревня Катаринаван) и тридцать шесть хуторов.

Все они, как и Нахичевань, находились в ведении подчиненного (с 1807 г.) таганрогскому градоначальнику нахичеванского магистрата, состоявшего из трех отделов: полицейского управления, судебного („суд и расправа“ производились по установившимся у крымских поселенцев-армян правам и обычаям) и городского („дума“)¹¹. Управление находилось в руках городских богатеев, эксплуатировавших крестьянство и горожан бедняков. „Способ внутреннего управления в Нахичевани,— писал автор работы „Нахичевань и нахичеванцы“ Ерванд Шах-Азис¹²,— был господский, не только не признававший прав деревенских жителей, но также пренебрегавший и низшим классом города, т. е. бедняками. Учрежденный на основании указа 1779 г. магистрат избрал своих управителей из городских жителей, предоставив выборные права только „почетным“, материально обеспеченным господам, не находившимся в зависимости ни от кого. Потом дело пошло к тому, что на выборные собрания, в которых формально имели право участвовать все горожане и крестьяне окрестных селений, последних не приглашали, а иногда эти „замасленные головы“ и вовсе не допускались до подачи голоса и баллотировки и с интересами их никто не считался. Последствием этого было усиление враждебных отношений городских заправил с массой крестьянства и бедняков“.

Ростов явился естественным переходом от одного края к другому. Находясь еще в пределах Екатеринославской губернии, куда админи-

стративно входил Ростов, путешественники встретились здесь уже с этнографическими особенностями, присущими донскому краю. Географически и экономически Ростов был связан с Землей войска Донского больше, чем с Екатеринославом. Через него шли все пути из Земли войска Донского к важному для внешней торговли порту Таганрогу, куда направлялась донская пшеница для вывоза за границу (так, в 1820 г. экспортировано через Таганрог зерна, масла, икры и пр. на 7 317 961 руб.).

Проехав Нахичевань, Раевские и Пушкин добрались к ночи до Аксая. Аксайская станица, в прежние времена оспаривавшая у будущего Новочеркаска право стать местом для нового центра Земли войска Донского, ко времени посещения ее Пушкиным была еще бойким, хорошо заселенным торговым местом, лежавшим у переправы через Дон.

Путешествовавший в 1812 г. граф И. А. Безбородко отмечал, что „положение Аксая весьма хорошее и город преизрядный и торговый“. Но с конца 20-х гг. Аксай стал утрачивать свое значение, и когда декабрист барон А. Е. Розен в 1837 г. переезжал из Сибири на Кавказ, то застал „станицу Аксай свидетельствовавшей своими каменными зданиями и лавками о прежнем благосостоянии края; в проезд мой,— писал Розен,— все большие дома были необитаемы, грозили совершенным разрушением, без оконниц или без стекол; половина железных крыш свалилась“.

В Аксае Раевские и Пушкин остановились на ночлег. Раевский лишь отметил в путевом журнале, что Аксай расположен „на устье реки Аксай, вверх по которой в 35-ти верстах перенесена столица донских казаков и названа Новым

Черкасском. В Аксаях должен был я,— пишет Раевский,— переправляться через Дон“*.

Донским атаманом был в то время Адриан Карпович Денисов, которого Раевский знал еще по польскому походу**. Раевский решил навестить старого знакомого и из Аксая послал к нему в Новочеркасск с нарочным письмо, в котором извещал, что завтра „со всей гурьбой“ будет у него обедать.

На следующий день, 7 июня, Раевские и Пушкин приехали в „Новый Черкасск, заложенный Платовым,— город весьма обширный, регулярный, но еще мало населенный, на высоком степном месте, на берегу реки Аксай, которая теперь в половодье разливами соединяется с Доном, но различить их весьма можно по разности цвета воды“***.

Новочеркасск 1820 года представлял неинтересную для наблюдателя картину.

Прежде всего здесь ярко бросалась в глаза смесь различных национальностей. С северо-запада к городу вплотную примыкала татарская станица; к северо-востоку, за рекой Тузловом, располагалось калмыцкое становище (хутун); с юга — из Нахичевани и Таганрога сюда наезжали с товарами армяне и греки.

В донской столице остро ощущались социальные противоречия. Казачья масса была недовольна дворянской верхушкой, захватившей войсковые земли; отзвуки крестьянского восстания на Дону; борьба казацкой старшины, возглавляемой атаманом, против проектов Чернышева, ограничивающих войсковое землевладение на Дону; взаимная вражда разных прослоек донского дво-

* Архив Раевских“, т. I, стр. 520.

** Польский поход 1792 г.

*** Архив Раевских, т. I, стр. 520—521.

ринства; перепалка, вызванная тем, что атаман Денисов ввел винный откуп, сдав его нескольким крупным землевладельцам, что стеснило свободу винокурения и продажи вина и урезало доходы многих помещиков — все это создавало напряженную обстановку в жизни донской столицы*. Обогащение казацкой верхушки, овладевшей захваченными ею землями, шло быстрыми темпами. Целинные земли давали неслыханный урожай. На речках для перемола зерна было поставлено большое количество мельниц; при усадьбах появились винокуренные заводы. Донские скакуны стали известны далеко за пределами Дона, за ними приезжали из Польши и Венгрии. Земельная вакханалия безмерно обогащала казацкую старшину, которая в бытовом обиходе стала подражать роскоши петербургских вельмож. Золото, драгоценные камни, жемчуг украшали костюмы донских богатеев. На званых вечерах велась большая картежная игра и рекою лились заморские вина, доставлявшиеся через таганрогский порт; в разговорах казачья речь перемежалась с французской; сам А. К. Денисов хорошо говорил и писал по-французски.

Пушкин и Раевские могли познакомиться с этой жизнью донской столицы лишь в той мере, в какой позволило недолгое их пребывание здесь.

Отобедав у Денисова, они вскоре выехали в шлюпке назад. Ехали вдоль берега „с разнообразными долинами, холмами, рощами, виноградными садами“, — все были восхищены этим видом „степного уголка земного шара“. „Ты можешь, — писал Раевский дочери, — легко представить чув-

* См. И. Игнатович, Из истории движения крепостных крестьян на Дону, „Историк-марксист“, № 2—3, 1935, стр., 104—105.

ства смотрящего на сии картины человека, коего сердце к приятным чувствам открыто быть может!“*.

По берегу Дона разбросались дачи. Среди них находилась и дача Екатерины Дмитриевны Орловой, второй жены наказного атамана Донского войска (с 1797 г.) В. П. Орлова (ум. в 1801 г.), урожденной Иловайской. Подъехав к этой даче, наши путешественники вышли на берег. „На пути,— писал Раевский,— спросив на даче граф. Кат. Дмитр. Орловой, вдовы атамана, тещи Палена, и узнав, что с час как приехал сосед наш Орлов Алексей Петрович, который теперь здесь на водах, мы вышли на берег, я с ним повидался“**. (Генерал-майор А. П. Орлов до 1809 г. был командиром лейб-гвардии казачьего полка).

Дальнейший путь происходил уже вечером.

Все ощутительнее становилась сырость, а Пушкин поехал без шинели. В Аксай вернулись поздно ночью. Пушкина трясла лихорадка. Рудыковский укоризненно напомнил, что Пушкин не внял его советам надеть шинель. К тому же,— вспоминал потом Рудыковский,—„на Дону мы обедали у атамана Денисова. Пушкин меня не послушался: покушал бланманже и снова заболел.—„Доктор, помогите!“—„Пушкин, слушайтесь!“—„Буду, буду!“ Оять микстура, оять пароксизмы и гримасы.—„Не ходите, не ездите без шинели“.—„Жарко, мочи нет“.—„Лучше, чем лихорадка“.—„Нет, уж лучше лихорадка“. Оять сильные пароксизмы.—„Доктор, я болен“.—„Пртому что упрямы. Слушайтесь!“—„Буду, буду!“— И Пушкин выздоровел“.

* „Архив Раевских“, т. I, стр. 521.

** Там же.

На другой день после визита в Новочеркасск, Раевские с Пушкиным — исключительно ради этнографической своей любознательности — в шлюпке совершили поездку в старый центр войска Донского — Старый Черкасск. „Низложения“ в 1806 г. атаманом Платовым старая столица войска Донского к 1820 г. представляла живой памятник исторического прошлого казачества. Поводом для перенесения „столицы“ послужило неблагоустройство Черкаска*. Всегда страдавший от наводнения, веснами он представлял собой своеобразное зрелище: построенные на высоких срубах дома высились над огромным озером. В озеро сваливались нечистоты, гниение которых летом, когда убывала вода, отравляло воздух. Тем не менее казаки с большой неохотой расставались со старым войсковым центром: разливы их мало беспокоили, земледелием старочеркасцы не занимались, а в местоположении Черкаска** находили свои красоты. По косогорам и среди садов и тенистых кладбищенских деревьев прятались маленькие домики. Память о

* Есть другие сведения, более достоверные, о причинах перенесения центра войска Донского из Старочеркаска в Новочеркасск в 1806 г. Царское правительство стремилось уничтожить значение Старочеркаска: во-первых, потому, что Старочеркасск был связан с опасными для царской России именами С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачева; во-вторых, затем, чтобы ослабить политико-административную силу донской старшины; в-третьих, чтобы удалить войсковой центр от растущего экономически Ростова, в котором скопился рабочий люд.

(См.: Де-Романо: „Coup d'oeil philosophique sur le pays occuré par les cosaques du Don, 1807 (напечатано в Милане на французском языке);— „Донская старина“. Черкасск и войско Донское в 1802 г. по описанию Де-Романо. Составил М. Калмыков. Новочеркасск, 1896,— „Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море“, 1810.

** Черкасск — название до 1807 г. нынешней станицы Старочеркасской.

вольном казачьем прошлом, которая дорога была старожилам, поддерживалась памятниками былой архитектуры. С гордостью старочеркасцы показывали гостям законченный постройкой в 1719 г. девятиглавый Воскресенский собор, план которого акад. В. Суслов („Очерки по истории древне-русского зодчества“, 1889) называл „настолько странным, что его нельзя подвести к какому-нибудь типу христианских построек“. Впрочем, последующие знатоки архитектуры определяли стиль собора то как елизаветинское барокко (Г. Лукомский, „Старые годы“, 1914, кн. 3), то как украинское барокко, измененное в соответствии с типом деревянных донских церквей (Н. Лаврский, „Черкасск и его старина“, М., 1917). Не могли старочеркасцы не обратить внимания генерала Раевского и Пушкина и на так называемую Ратную церковь, построенную в 1751 г.*; на торговые ряды (имевшие, правда, всего 30-летнюю давность) и на две-три большие каменные постройки, которые выделялись на фоне жавшихся друг к другу кривых улиц и переулочков.

Пушкину суждено было увидеть Старочеркасск во время разлива. „Сей разжалованный город в станицу,— писал Н. Н. Раевский,— еще более обыкновенного залит водою. В нем осталось домов до 700, в том числе несколько старых фамилий чиновников, как-то Ефремовых и пр., другие же перевезены в Черкасск**. Но церквей не перевезли и их богатства. Не могли увезти памяти, что это первое было гнездо донских казаков. Словом, Старый Черкасск останется вечно монументом как для русских, так

* Ратная церковь стояла на урочище, куда собирались казаки, отправляясь в походы.

** Здесь „Черкасск“ употреблен в смысле Новочеркасск.

и для иностранных путешественников* . Раевские и Пушкин проявили живой интерес к старому „казачьему гнезду“ и обошли все, „что там есть достойного“**.

Затем, переправившись на левый берег Дона, сели в кареты и пустились в путь, 200 верст ехали землями, принадлежащими донскому войску, кои в мое время,—пишет Н. Раевский,—равно и 170 верст Кавказской губернии, до называемой Донской крепости, составляли степь безводную и необитаемую, и на всем сем расстоянии, кроме одних землянок, ничего не было, ныне ж нашел я большие селенья, колодцы, пруды, и все необходимо нужное для жизни проезжающего***.

9 июня Раевские прибыли в Ставрополь и, проехав далее, ночевали, не доезжая Георгиевска. 10 июня Пушкин был в Георгиевске, 11-го — в Горячеводске, где и прожил до 5 августа.

II

Мы прошли бы мимо очень существенного момента в характеристике донских впечатлений Пушкина, не отметив важных событий социальной борьбы, происходивших на Дону как раз во время путешествия Пушкина, а также в пору, предшествовавшую этой поездке. Сальские слободы, Миусское начальство и Ростовский уезд были охвачены крестьянским восстанием.

Восстание это было одним из крупнейших крестьянских движений в России за время с семидесятых годов XVIII века до 1861 г.¹³. Большая часть дел, которые касались усмирения дон-

* „Архив Раевских“, т. 1, стр 522.

** Там же.

*** Там же.

ских крестьян, была уничтожена по царскому велению, а другая часть погибла потом при пожаре войскового архива в 1858 г.

Отвоеванное при Екатерине II право русским судам свободно проходить через Дарданеллы способствовало развитию скотоводства и земледелия в южных степях. На внешний рынок через азово-черноморские порты поступала южнорусская пшеница. Особенным ростом хлебного рынка и увеличением помещичьих запасок отмечена вторая половина 10-х гг. XIX века. Жадно захватывая южные степи, стремясь извлечь как можно более выгод из сельского хозяйства, помещики усиливают крепостническую эксплуатацию крестьянства.

Но крепостное право не имело здесь большой давности; прикрепление крестьян к войсковым землям, захваченным донской старшиной, произошло впервые по ревизии 1796 г. Потом крестьяне либо покупались помещиками в других губерниях и переводились на Землю войска Донского (до 1816 г.), либо сами, спасаясь от тягот крепостничества, бежали на донское приволье. Здесь их помещики сначала приманивали льготами, а потом в ближайшую ревизию обманным путем записывали за собой. Эти новоселы, бежавшие сюда в надежде на то, что им разрешат стать вольными казаками, не могли примириться со своим закрепощением. К тому же они знали, что донские помещики не имели прав собственности на захваченные ими войсковые земли*.

Имея правительственное задание ослабить политико-административную силу донской стар-

* См. И. Игнатович, Из истории движения крепостных крестьян на Дону, „Историк-марксист“, № 2—3. 1935, стр. 103.

шины, выехал в 1819 г. на Дон ген. Чернышев. Он стал действовать здесь демагогическими обещаниями обеспечить благосостояние казаков, оградив их от произвола старшины. Ту же лицемерно-демагогическую позицию „защитника угнетенных“ пытался он занять и тогда, когда в ответ на жалобы крестьян на самоуправство донских крепостников, внес в Донской комитет предложение ограничить права донских помещиков „точными правилами“. Под влиянием Чернышева, и Александр I в рескрипте 10 ноября 1819 г. ставил атаману А. К. Денисову на вид „множество жалоб в настоящем управлении войска Донского, доходящих к правительству от крестьян, поселенных на войсковой земле. Жалобы эти, вероятно, происходят от жестокого обращения с ними помещиков и непомерного изнурения работами“. Александр предписывал атаману: „употребить все вверенные ему способы для искоренения сего зла и заняться в том же комитете рассмотрением оного“.

Весть о рескрипте достигла крестьян. Пошел слух о том, что Чернышев привез от царя бумагу о воле, а атаманы с помещиками задерживают ее. Стала распространяться, — замечает А. А. Карасев („Исторический вестник“, 1903, VII, стр. 227), — пропаганда „некоторых лиц, особенно одного писца, принявшего на себя фамилию Комитетскова, который успел уверить некоторых крестьян, что комитет желает-де наделить их землею, а помещики препятствуют“.

Таким образом, рескриптом 10 ноября 1819 г. Денисов был поставлен в трудное положение. Чернышев разыгрывал роль защитника казачьих и крестьянских прав. Царь требовал „ослабить“ жестокость помещиков. Крестьяне считали виновником угнетения атамана, как выразителя поме-

щичьих интересов. Все это заставило Денисова принять решительные меры к проведению в жизнь царского рескрипта. Но широкая огласка рескрипта, вызвавшая недовольство донских помещиков, привела и к усилению беспокойных и мятежных настроений крестьянства. Чернышев же и Александр I обвиняли потом Денисова в том, что он сознательно придал широкой огласке рескрипт, желая возбудить крестьян и, вызвав движение среди них, затруднить проведение правительственных реформ на Дону (см. рапорты Чернышева от 6 и 26 июня 1820 г., „Столетие военного министерства“, т. XI, ч. I, стр. 166—168).

Движение донского крестьянства началось еще с подачи прошений Александру I в 1818 г. и при его проезде через Землю войска Донского. Ковалев, крестьянин донских помещиц Ефремовых, и Сорокин, писавший от имени крестьян пяти сальских слобод, говорили в прошениях о том, как крепостные были измучены трудом на помещика.

В крестьянском прошении 16 августа 1818 г. рассказывалось, как помещики „лестью и обманом поприписывали“ к себе „вольноташенных“ на Дон разного звания людей: „тогда они, господа помещики, обнадеживали и уверяли нас не отягощать никакими работами и податями“, а теперь „большими работами нас обременяют“ и „поодиночке друг другу продают и в рекруты кому надобно тоже продают, словом сказать, бедным народом, как скотом, торгуют ...несносною барщиною и оброком отягощают и изнуряют нас до бесконечности“. В 1818—1820 гг. подано было еще несколько просьб крестьянскими ходаками Васильченковым и Шляховым. Считая себя вольными поселенцами, осевшими на

донских землях, не теряя свободы и не закрепощаясь, — они требовали лишить старшину права пользоваться крестьянским трудом, как крепостным.

Волнение вспыхнуло в связи с расследованием крестьянских жалоб чиновниками. Крестьяне слобод Орловки, Несмеяновки и Сальской-Городищенской отказались отвечать на вопросы следователей, стали оказывать „неповиновение“ при исполнении господских повинностей и сменили атамана, заменив его своим. Войсковая канцелярия направила для усмирения казачий полк с двумя орудиями. Были схвачены сто пятьдесят человек и преданы суду, часть посажена в тюрьму, остальные высечены. Но экзекуция производилась и без суда.

В 1819 г. крестьянское движение возобновилось с новой силой сначала в слободе Городищенской, потом в Орловке и Несмеяновке. Узнав о предании суду их ходоков*, крестьяне совершенно отказались от господских работ и самовольно сдавали рекрутов из числа крестьян, повинующихся помещикам. В 1820 г. Чернышев, сначала из желания усугубить ответственность Денисова уклонявшийся от помощи ему в „усмирении“ восставших, в феврале вызвал 12 доверенных из волновавшихся сальских слобод и потратил два дня на „уговаривание“ их. Крестьяне, выслушав доверенных, ответили отказом сдать на милость Чернышева. В конце января 1820 г. движение уже перекинулось на Миус, и слух о событиях на Дону проник в Ростовский уезд. В половине февраля вспыхнуло восстание в слободе Лакедемоновке Ростовского уезда, принадлежавшей помещику Варвацию.

* Васильченкова и Шляхового. См. И. Игнатович. Из истории движения крепостных крестьян на Дону, „Историко-марксист“, № 2—3, 1935, стр. 110.

В апреле темпы развития движения сальских крестьян стали угрожающими. 28 апреля Александр I подписал рескрипт на имя Чернышева: „Усмирение непокорных крестьян слобод Городецкой, Орловой, Несмеяновки и Андреевки я возлагаю собственно на Вас, как моего генерал-адъютанта. Вы можете употребить к тому нужное число полков войска Донского и привести оное в исполнение всею мерою власти вашего звания“.

А 1 мая Денисов писал в донесении, что „дух, толико противный общему покою, час от часу более распространяется“ и кроме четырех слобод называл новые 10 восставших селений Донского округа (до 4 000 душ).

К концу же мая огонь восстания пылал уже в 19 слободах 1-го Донского начальства и ряде селений Черкасского и Миусского начальства и Ростовского уезда.

Усмирение крестьян Чернышев начал с исполнения над крестьянскими ходоками, заключенными в тюрьму, судебного приговора, еще не утвержденного Сенатом, а затем перешел к „усмирению“ сальских слобод. Отряд, с 19 мая предводительствуемый Чернышевым и состоявший из трех казачьих полков при четырех пушках, окружил Орловку, Городецкую и Несмеяновку и произвел зверскую расправу над восставшими. 60 человек были присуждены к телесному наказанию, 27 — сосланы в Сибирь на каторгу и поселение. 6 июня Чернышев сообщал, что к концу апреля восстанием было охвачено восемь тысяч человек в десяти миусских „значительнейших селениях“. Исполняющий должность судьи Греков, посланный 1 мая для усмирения слободы Мартыновки, констатировал в рапорте от 26 мая „мечтательство о вольности“ не только у мар-

тиновцев, но и у крестьян слобод Ровенецкой, Исаевки и др. Восстание распространялось с такой быстротой, что Миусское сыскное начальство еле успевало сообщать о новых, охваченных неповиновением, слободах. За один день 29 мая, например, начальство послало войсковой канцелярии 6 рапортов. 6 июня Чернышев сообщал царю, что „неповиновение крестьян помещичьих в начальстве Миусском... обнаружилось почти во всех селениях, начальство то составляющих“. Центром движения явилась Мартыновка, куда стягивались все силы повстанцев и где был создан руководящий орган под названием „общественной канцелярии“.

Здесь находилось „главное и дерзновеннейшее скопище ослушников, мечтающих о вольности“, сюда „стекались жители прочих слобод в большом числе, бывшие возбуждаемы к своеволию через разосланных от Мартыновки поверенных. А. А. Карасев в статье „Донские крестьяне“ („Труды Донского войскового статистического комитета“, вып. I, стр. 84) определяет число собравшихся в Мартыновке крестьян 20 тыс. человек. Согласно донесению Болгарского*, производившего, по назначению Чернышева, расследование, „слобода Мартыновка имела в союзе своем 34 слободы, 10 поселков и 16 хуторов, а слобода Дмитриевка успела привлечь к себе 28 селений“. „В единомысленном союзе

* Болгарский — член следственной комиссии (См. И. Игнатович, Из истории движения крепостных крестьян на Дону, 1818 — 1829 гг., „Историк-марксист“, № 2—3, 1935, стр. 116. См. также — Н. И. Краснов, „А. В. Иловайский“ („Русский архив“, 1875, апрель, стр. 702): „Чернышев известил Иловайского, что в помощь ему он посылает в Донской комитет из Петербурга чиновника Министерства юстиции Болгарского“.

буйного своевольтва“ Мартыновка—Голодаевка имела „не только соседственные с нею, но даже и отдаленные селения Миусского начальства и уезда Ростовского“. „Обуявшие крестьяне,— писал Чернышев Аракчееву,—всюду предались своевольтву и, бросив господские и собственные свои работы, сливались в значительные толпы от 500 до 800 человек, и в таких партиях начали подходить к слободе Мартыновке“. Вожаки движения приводили к присяге всех желающих быть вольными, убеждали их стойко защищать права на свободу, а колеблющимся говорили, что „кто теперь не даст подписки быть с прочими вольными и останется в подданстве у помещика,— тот будет жестоко наказан и сослан в Сибирь“. Перепуганные донские помещики просили Чернышева „охранить жизнь их с семействами присылкою казачьих команд“. Но Чернышеву, боявшемуся ослабить свой отряд, оставалось лишь советовать им „удаляться на время в близлежащие города“.

Чернышев пробовал действовать на мятежников „увещаниями“ и угрозами, выпустив даже лживое воззвание к крестьянам: „Не вы ли (в прошении на высочайшее имя) дерзнули сказать,— писал Чернышев,— что вы от своих помещиков угнетены, отягощены работами и доведены до разорения и не открылось ли по исследовании совсем тому противное? Изобилие домов ваших, хутора ваши, богатые ваши житницы, избыток ваших стад и самая многих из вас торговля на собственные и значительные капиталы обвинили вас в том“. Воззвание это не имело успеха.

31 мая к Мартыновке подошел Атаманский полк, присланный для расправы. Крестьяне встретили его, готовые к защите. Ночью и днем слободу охраняли караулы и разъезды. Сотня каза-

ков, успевшая войти в слободу, была вытеснена крестьянами и еле спаслась переправой вплавь через реку Миус. Остальные сотни не были допущены крестьянами в Мартыновку, и полк отступил, ограничившись блокадой слободы. 11 июня явился к Мартыновке Чернышев с пятью казачьими полками (в том числе Атаманским), Симбирским пехотным полком, двумя батальонами лейб-гвардии и шестью пушками и предложил крестьянам выйти в поле для „увещаний“. Крестьяне отказались. Тогда Чернышев занял слободу, „сделав несколько залпов в голодаевских крестьян“. „Холостые выстрелы из орудий не испугали поселян, только картечь заставила побросать колья и бунтовавшие разбежались“. (А. Карасев, „Донские крестьяне“). Захватив и обезоружив крестьян, Чернышев вывел их из слободы в поле и потребовал от них „смирения“ и выдачи „возмутителей, яко главных злодеев“. Два дня эти увещевания длились почти безо всякого успеха. Только 8 человек из 4 тысяч арестованных выразили раскаяние.

Вслед за тем Чернышев занялся усмирением другого образовавшегося здесь центра восставших в слободе Дмитриевке. Затем следственная комиссия приговорила: по Мартыновке — двадцать одного человека к телесным наказаниям, семнадцать — к ссылке на каторгу и в поселение, и по сл. Дмитриевке четырнадцать человек — к телесным наказаниям. Во всех других слободах, по донесениям Чернышева, подверглись истязаниям 88 человек, но цифра эта явно преуменьшена. Даже в официальном донесении Денисова министру внутренних дел, относящемся, повидимому, только к селениям Миусского округа, называется двести семнадцать крестьян, подвергнутых сечению кнутом, розгами и плетью. Из

них отправлено в каторжные работы шесть, в Сибирь на поселение — восемнадцать, в работы на Луганский литейный завод — шестьдесят шесть и в солдаты в Сибирский корпус — три человека.

Наконец, подавив сальских и миусских повстанцев, Чернышев взялся усмирять крестьянство Ростовского, Бахмутского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии. Возникшее в феврале в имении помещика Варвацкя крестьянское движение разгорелось здесь к весне. Шестого апреля Варвацкий, сообщая командиру Симбирского полка Рындиному о том, что крепостные крестьяне слободы Лакедемоновки (близ Таганрога), „отыскав вольность, вышли совершенно из повиновения“, просил прислать вооруженную силу. Рындин послал в тот же день роту солдат под начальством капитана Родионова, а 8-го Родионов уже рапортовал о своем поражении. 9 апреля таганрогский градоначальник Папков доносил министру внутренних дел графу Кочубею, что в Таганроге тревожное положение и что необходимо принять меры к ликвидации возмущения.

К началу июня пожаром восстания был охвачен ряд имений Ростовского уезда, а 2 июня вспыхнуло восстание в слободе Ряженой, которая играла некоторое время роль такого же центра, как Мартыновка на Миусе. 5 июня в Лакедемоновке произошло новое столкновение крестьян с командой „усмирителей“, а 6 июня ростовский земский исправник Палама донес Чернышеву, что неповиновение, проявившееся в слободах Лакедемоновке и Ряженой, разливаясь по другим помещичьим селениям, стало общим. Палама писал, что крестьяне „пренебрегали всем увещаниям местной власти“. В таких же тонах описывал восстание и Папков в донесении Кочубею от 7 июня.

Отвечая ростовскому земскому исправнику генерал Чернышев писал 8 июня:

„Употребляемыми мною доселе средствами сальские слободы, около четырех тысяч душ в себе заключающие, совершенно укрощены и раскаялись и бывшие очевидцами наказания, их постигшего, крестьяне начальства Миусского отпущены в селения их для засвидетельствования перед своею собратиею того, сколь строго преследуются законом те, кои остаются преслушны увещаниям начальственным, и сколь снисходительно прощаются те, кои принесли повинную, а совокупно с личным очевидцем сих свидетелем, разослано от меня печатное воззвание ко всем возмутившимся селениям Миусского начальства. Впечатление, тем и другим произведенное, должно будет... поселить в них некоторую боязнь. Решительное движение оставляемого мною в начальстве Миусском воинского отряда, отнимая у возмутителей возможность к сопротивлению или соединению, заключает в себе главную меру усмирения буйных невежд... и пример должен будет внушить страх безумцам уезда Ростовского, по соседству с Миусским...“

18 июня Александр I дал новый рескрипт, возлагавший на Чернышева обязанность усмирения ростовских крестьян, но еще до этого, 10 июня, на помощь Чернышеву для расправы выехал и екатеринославский вице-губернатор Шемиот, общивший Кочубею о том, что только хорошо вооруженные войска могут справиться с крестьянами, против стойкости которых бессильны карательные отряды, ибо даже „женщины кричат, повергая младенцев на землю, что готовы всем жертвовать к отысканию вольности“.

К июню волны крестьянского восстания бушевали уже и в Бахмутском и Славяносербском уездах, внушавших Чернышеву и Шемиоту особенные опасения потому, что они граничили со Слободско-Украинской и Воронежской губерниями. Чтобы восстание не перекинулось в другие губернии (с большей густотой крепостного населения, „с беспокойным любопытством,— как пи-

сал Чернышев, — взиравшего на возмущившихся соседей своих и... готового за ними последовать"), нужно было оградить их от бунтующих бахмутских и славяносербских крестьян. Шемиот распорядился также поставить пикеты на границе Земли войска Донского, чтобы донские крестьяне не имели общения с екатеринославскими. К 15 июня в распоряжении Шемиота находились четыре эскадрона Мариупольских гусар и тысяча двести казаков под начальством Адрианова, с 2 пушками. Только к концу июня было закончено усмирение Бахмутского уезда, и Шемиот поспешил в Ростовский уезд, где к этому времени еще держалась Лакедемоновка. (В одном из донесений Шемиот сообщал, впрочем, что до того он в Ростовском уезде усмирил 16 деревень с населением свыше 2 тыс.).

2 июля Папков извещал министра внутренних дел, что скоро „общее спокойствие, благодаря богу, восстановится без дальнейших неприятных последствий“. И действительно, разобщенные, изолированные от миусских крестьян и от наиболее энергичного и смелого отряда мартыновцев, напуганные рассказами о зверских расправах Чернышева, восставшие были „усмирены“ к началу июля, а 10 июля окончила работу и следственная комиссия.

Александр щедро осыпал наградами палачей, а Чернышеву выразил исключительное благоволение и наградил орденом Александра Невского. Министр же внутренних дел в секретном циркуляре 10 июля, ссылаясь на опыт подавления восстания в Земле войска Донского и Екатеринославской губернии, писал, что всякие крестьянские „неповиновения“ „должны быть немедленно пресекаемы“. На восстание царское правительство ответило усилением крепостнического гнета.

Указами 1822, 1823 и 1824 гг. оно восстанавливало право помещиков ссылатъ крестьян в Сибирь на поселение по своему желанию без всякаго расследования судебными органами крестьянских поступков и без ограничения лет ссылаемого.

* * *

Описанные события не могли не быть известны Пушкину, не могли не интересоваться его. Картина крепостного гнета, с такой откровенной реалистичностью намеченная в его „Деревне“, получала в донских впечатлениях поэта свое яркое дополнение и развитие в гневном и законном протесте крестьян, решивших свергнуть с себя ярмо гнета.

Уже в Екатеринославе Пушкин погрузился в гущу тревожных сообщений и слухов о бунте. В Екатеринославе Пушкин приехал в тот день (16 мая), когда Чернышев сообщал уже в Петербург о составлении им отряда из 3 полков при 4 пушках для усмирения сальских слобод.

Неделя, проведенная Пушкиным в пути от Екатеринослава до Георгиевска (с 4 по 10 июня), была неделей напряженнейшей схватки миусских и ростовских крестьян с царскими палачами-усмирителями.

Проезжая по степям и полям Екатеринославской губернии и войска Донского, Пушкин не мог не встречать крестьян, спешивших то в одиночку, то целыми отрядами к Мартыновке (на Миусе) и Лакедемоновке (в Ростовском уезде). Путь Пушкина и Раевских пролегал недалеко от этих слобод, являвшихся средоточием сил повстанцев. Многие села, хутора, слободы стояли опустошенные: большинство крестьянского населения ушло в Мартыновку, Дмитриевку, Лакеде-

моновку. Вся территория, по которой проезжали Раевские, волновалась и кипела, вся она была охвачена событиями борьбы Чернышева с крестьянами. Ни помещики, ни крепостные не знали, конечно, темы более важной и животрепещущей, чем тема восстания.

Остановившись в Таганроге у градоначальника П. А. Папкова, находившегося в курсе всех событий и сильно озабоченного ими, посылавшего рапорт за рапортом министру внутренних дел Кочубею, Пушкин не мог миновать разговоров о восстании. Папков, вероятно, знакомил Раевского с перипетиями этой борьбы. Не менее обеспокоен был за судьбы донских помещиков и атаман А. К. Денисов, у которого гостили Раевский и Пушкин в Новочеркасске. Одну из главных тем их бесед составило, конечно, взбудоражившее и напугавшее всю казацкую старшину крестьянское возмущение.

Только строгой „запретностью“ темы крестьянского бунта объясняется то, что ни в дошедших до нас письмах Пушкина, ни в „журнале“ Раевского не сохранилось сведений о восстании. Если даже Пушкин и Раевские в своем июньском путешествии случайным образом не оказались свидетелями одного из эпизодов крестьянского движения, то разговоров, жалоб и слухов они, конечно, слышали немало. Вспомним, однако, как по приказу царского правительства старательно уничтожались все дела, вся переписка, касавшиеся восстания, — сметались с лица земли все следы неприятных для самодержавия событий, в туманной перспективе которых вырисовывался грозный призрак рецидива пугачевщины. В переписке современников Пушкина заметна исключительная осторожность в подходе к этой теме. Так А. И. Тургенев ограничился лишь скупым вопросом в

письме к П. А. Вяземскому: слышал ли он что-нибудь про „екатеринославскую мечту о свободе“? и в ответ на это так же лаконично просил Вяземский сообщить „о подвигах Чернышева“.

Быть может, той же осторожностью объясняется и умолчание, которым обошел тему о черноморских и донских казаках Пушкин в письме к Льву Сергеевичу Пушкину, содержащем обстоятельный очерк впечатлений южного путешествия. На фоне этого детального описания дороги на Кавказ и возвращения отсутствие сведений о донском казачестве представляется тем более выразительным, что Пушкин сам подчеркнул эту вынужденную фигуру умолчания: „Когда-нибудь,— писал он,— прочту тебе мои замечания на черноморских и донских казаков — теперь тебе не скажу об них ни слова“. Язык намеков и недомолвок — это обычный язык пушкинской корреспонденции, вызванный опасениями перлюстрации. Адресату следовало понять, очевидно, что замечания о крае казачества у Пушкина есть и, быть может, уже написаны, но их можно сообщить только при личном свидании, можно *прочсть*, а не доверить почтовой бумаге. Возможно, что уже в годы южной ссылки Пушкин уничтожил свои записки о казачестве,— до нас они не дошли.

III

Около двух месяцев прожил Пушкин на Кавказских водах. Путешествовать в то время по Кавказу без предосторожностей и охраны было не безопасно. Теснимые русскими войсками, горцы отчаянно защищали свое право на независимость, совершали смелые набеги на пограничные

* См. статью В. Л. Закруткина „Екатеринославская мечта о свободе“, „Таганрогская правда“ от 24 окт. 1936 г. (№ 4454).

станции кубанских казаков (Кубань в то время отделяла русские владения от черкесских племен). Поэтому Раевские путешествовали с многочисленным казачьим конвоем, с пехотой и артиллерией. Пушкин писал брату Льву Сергеевичу: „Ехал в виду неприязненных полей свободных горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за ними тащилась заряженная пушка с зажженным фитилем“ *.

В этот раз Пушкин побывал только в преддверии Кавказа, не проникнув дальше „однообразных равнин, где возвышаются на дальнем расстоянии друг от друга четыре горы, отрасль последняя Кавказа“, он только „с вершин заоблачных бесснежного Бештау видел в отдалении ледяные главы Казбека и Эльбруса“ (письмо Пушкина к Гнедичу). Здесь, на берегах Подкумка, возникли в воображении поэта образы „Кавказского пленника“.

В первой половине августа Раевские и Пушкин по правому берегу Кубани (левый принадлежал еще черкесам) через Темижбек и крепость Кавказскую приехали на Таманский полуостров. Гераков в своих „Путевых записках“ (стр. 99—100) говорил, что в Темижбеке он встретился с Пушкиным и Раевским 8 августа, а 14-го Пушкин был в Тамани.

„С полуострова Таманя, древнего Тмутороканского княжества,— писал поэт (в письме к брату),— открылись мне берега Крыма“.

15 августа Пушкин был уже в Керчи, куда приехал морем. „Здесь увижу я,— писал он брату Льву Сергеевичу,— развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я— на ближней горе посреди кладбища увидел

* * Письмо Л. С. Пушкину 24 сент. 1820 г., Кишинев.

в груду камней, утесов, грубо высеченных, заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на *Золотом холме*. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею, — вот все, что осталось от города *Пантикапеи*. Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землей, насыпанной песками, какой-то француз прислан из Петербурга, для разысканий — но ему недостает ни денег ни сведений, как у нас обыкновенно водится**.

Здесь, сопровождаемый французом А. А. Дюбрюксом (1774—1835), Пушкин мог в последний раз окинуть взглядом таманский берег. С Золотого холма, — свидетельствует бывший в Крыму за два года до Пушкина А. И. Михайловский-Данилевский, — „открывается все пространство залива, отделяющего Черное море от Азовского, часть Черного моря и Еникале...“ „Вид с (керченских) крепостных укреплений отменно пространен; залив, разделяющий Азовское море от Черного, виден весь; на другом берегу уже Азия, Тмутаракань и весь край, называемый ныне Таманом: даже приметно устье Кубани, где обитают черкесы. („Русская старина“, 1837, VII, 93).

17 августа Пушкин с Раевскими прибыл в Феодосию; в Гурзуфе прожили около трех недель, а оттуда Пушкин один поехал в Кишинев, куда была переведена канцелярия Инзова. В Кишиневе поэт жил до июля 1823 г.

IV

Вторично поэт побывал на Дону в 1829 г., когда, отчасти спасаясь от гнетущих впечатлений личной и общественной жизни в Петербурге,

* Письмо к Л. С. Пушкину 24 сент. 1820 г.. Кишинев.

отчасти в поисках материала для десятой главы „Евгения Онегина“, он устремился на Кавказ. На Кавказе в 1829 г. служило свыше тридцати бывших членов тайных обществ. Первая встреча с одним из декабристов (Мусиным-Пушкиным) произошла уже в начале мая по пути на Кавказ, в Новочеркасске.

В Новочеркасске, по воспоминаниям старожилов, Пушкин остановился вначале в доме, где находилась почтовая станция (на углу нынешних Советской ул. и ул. им. Свердлова), а потом пробыл некоторое время в доме на Базарной улице. С 60-х годов дом этот стал собственностью подрядчика Кирюнина, а до того в нем находился этапный пункт для переселенцев на Кавказ. Приводимые сведения нуждаются, однако, в документальном подтверждении.

Пушкин вспоминал потом в „Путешествии в Арзрум“ о своем благополучном приезде в Новочеркасск, где он „нашел гр. Вл. Пушкина, также едущего в Тифлис“. „Я,— пишет Пушкин,— сердечно ему обрадовался и мы согласились путешествовать вместе“. „Он едет в огромной бричке. Это род укрепленного местечка, мы ее прозвали *Отрадною*. В северной ее части хранятся вина и съестные припасы; в южной — книги, мундиры, шляпы etc, etc. С западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами и проч. На каждой станции выгружается часть северных запасов и таким образом мы проводим время, как нельзя лучше“*. Попутчик Пушкина был один из деятельных членов Северного общества Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин. После шестимесячного заключе-

* Черновые варианты из путевых записок 1829 г. („Колыска графа“). А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. Academia, М.-Л., 1936, т. IV, стр. 796.

ния в крепости он был отправлен в армию на Кавказ, в Тифлисский пехотный полк. В то время как Пушкин и Мусин-Пушкин ехали в бричке, из Петербурга летели секретные предписания к кавказскому начальству учредить над ними тайный и бдительный полицейский надзор*. С Мусиным-Пушкиным поэт пропутешествовал без малого месяц, вплоть до самого Тифлиса.

Непосредственно за записью о Новочеркасске следуют в „Путешествии в Арзрум“ строки, дающие описание сменяющихся картин природы юга: „Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет большую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника.

На фоне этих картин природы Пушкин останавливается у калмыцкого кочевья, встреченного им либо на территории нынешнего Орджоникидзевского края, либо на Земле войска Донского, в задонских степях, где в 1803 г., по распоряжению М. И. Платова, калмыкам отведено было место для кочевья. Здесь они были разделены на три улуса, состоявшие из 13 отдельных общин, называвшихся сотнями. К 1822 г. (по сведениям, данным в „Кратком очерке прошлого донского казачества“ Х. Попова, „Сборник Областного войска Донского статистического комитета“, вып. VII, 1907, Новочеркасск) всех донских калмыков насчитывалось 13 662 чел.

Встреча с калмыками отразилась и в пушкин-

* См. „Путешествие в Арзрум“. Варианты и комментарии, А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. Academia, 1936, т. IV, стр. 784.

ской прозе и в написанном 22 мая во Владикавказе стихотворном послании к калмычке. В „Путешествии в Арзрум“ Пушкин писал:

„Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся их уродливые, косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского.

На-днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать...“

(Продолжение этого рассказа даем в черновом, более подробном варианте):*

Котел варился посредине и дым выходил в верхнее отверстие. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Лицо смуглое, темнорумяное — багровые губки, зубы жемчужные. Замечу, что порою калмыков начинает изменяться — и первобытные черты их лица мало-по-малу исчезают. Я сел подле нее. „Как тебя зовут?“ — „Сколько тебе лет?“ — „Десять и восемь.“ — „Что ты шьешь?“ — „Портка.“ — „Кому?“ — „Себя“, — „Поцалуй меня“, — „Неможна, стыдно“. Голос ее был чрезвычайно приятен. Она подала мне свою трубку и стала завтракать (со) всем своим семейством. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. (Не думаю, чтобы кухни какого бы то ни было народа могла произвести что-нибудь гаже). Она предложила мне свой ковшик — и я не имел силы отказать — я хлебнул, стараясь не перевести духа. Я просил заесть чем-нибудь, мне подали кусочек сушеной кобылятины. И я с большим удовольствием проглотил его. После сего подвига я думал, что имею право на некоторое вознаграждение. Но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по голове, мусикийским орудием, годобным нашей балалайке. Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое, вероятно, никогда до нее не дойдет“.

КАЛМЫЧКЕ

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей

* См. приложения к „Путешествию в Арзрум“. А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. Academia, 1936, т. IV, стр. 796.

Вслед за кибиткою твоей.
 Твои глаза, конечно, узки,
 И плосок нос, и лоб широк,
 Ты не лепечешь по-французски,
 Ты шелком не сжимаешь ног,
 По-английски пред самоваром
 Узором хлеба не крошишь,
 Не восхищаешься Сен-Маром.
 Слегка Шекспира не ценяшь,
 Не погружаешься в мечтанье.
 Когда нет мысли в голове,
 Не распеваешь: та дов'є,*
 Галоп не прыгаешь в собранье...
 Что нужды? Ровно полчаса,
 Пока копей мне запрятали,
 Мне ум и сердце занимали
 Твой взор и дикая краса.
 Друзья! Не все ль одно и то же:
 Забыться праздною душой
 В блестящей зале, в модной ложе,
 Или в кибитке кочевой?

V

На обратном пути с Кавказа, выехав 6 августа из Тифлиса, Пушкин проездом был во Владикавказе, откуда вместе с М. И. Пущиным и Р. И. Дороховым 11 августа направился в Горячеводск. На Горячих водах Пушкин попал в обстановку карточного азарта. Еще в Пятигорске он проиграл тысячу червонцев, взятых им на дорогу у Раевских. В Кисловодске жил Пушкин в казенной, в 20-х гг. отстроеной гостинице, а потом в доме доктора Реброва, в комнате с Петром Васильевичем Шереметевым.

В Кисловодске же познакомился он и с Дуровым, братом „девицы-кавалериста“ Н. А. Дуровой, о записках которой одобрительно отзывался Пушкин в 1836 г. „Тут,—вспоминал М. И. Пущин,—явилась замечательная личность, которая

* „Но где“.

очень была привлекательна для Пушкина, сарпульский городничий Дуров*. (Л. Майков, „Пушкин“, СПб, 1899). В 1835 г. Пушкин писал в записке „О Дурове“:

„Дуров — брат той Дуровой, которая в 1807 году вошла в военную службу, заслужила георгиевский крест и теперь издает свои записки. Брат в своем роде не уступает в страсти сестре. Я познакомился с ним на Кавказе в 1829 году возвращаясь из Арзрума. Он лечился от какой-то удивительной болезни, вроде каталепсии, и играл с утра до ночи в карты... Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные способы достать их были им придуманы и передуманы. Иногда ночью, в дороге он будил меня вопросом: „Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?“...

О встрече с Дуровым рассказал Л. Майкову М. И. Пущин:

„Приближалось время отъезда (из Кисловодска); Пушкин условился ехать с Дуровым до Москвы, но ни у того, ни у другого не было денег на дорогу. Я снабдил имя Пушкина на путевые издержки; Дуров приютился к нему“.

С пребыванием Пушкина в Новочеркасске связан ряд преданий, хронологическая неуточненность и разноречивость которых и невозможность документальной их проверки не дают нам права безоговорочно внести их в биографию поэта. Но отдельные, сохранившиеся в этих преданиях факты заслуживают внимания.

Рассказывают о том, что в Новочеркасске поэт живо заинтересовался казаками и подробностями их быта, совершенно отличного от знакомого ему быта русского народа. Заинтересовали его, между прочим, своеобразные уборы и

* Материалы записных книжек. О Дурове. А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. Academia, 1936, т. V, стр. 459.

ряды донских казачек — их кубилеки*, шелковые, вязанные из разных цветных ниток колпаки и проч.

Анонимный автор заметки в „Казачьем сборнике“ (вып. 1, изд. редакции „Казачий вестник“, Новочеркасск, 1887, стр. 89; см. также: проф. Е.г. Бобров, „Пушкиниана“, Ростов на Дону, типография т-ва „Ашхатанк“, 1919, стр. 15) сообщает со слов покойного донского поэта А. А. Леонова (умер в 1882 г.), что Пушкин жил в Новочеркасске в доме, принадлежавшем вдове донского казачьего офицера, содержавшей „въезжую квартиру“. У поэта с хозяйкой-офицершей зашел разговор про обычаи и нравы казаков. Рассказывая о казачьих костюмах, собеседница Пушкина по его просьбе достала из сундука и показала ему головной убор казачек: шелковый с яркими цветами колпак. Пушкину колпак очень понравился, он надел его себе на голову и смеясь вышел на балкон, не стесняясь удивленных взоров проходившей по улице публики. В заключение он упросил хозяйку продать ему этот колпак.

Описанный эпизод подтверждается свидетельством „очевидицы“, сообщенным газетой „Донской голос“, 1880, 28 июня, № 47 (в отделе „хроника“)¹⁴. В рассказе этой анонимной очевидицы есть и еще один момент, касающийся знакомства Пушкина с В. В. Золотаревым.

„Во время своего проезда на Кавказ, — сообщает газета, — наш великий поэт остановился в одной из гостиниц гор. Новочеркаска. Об этом

* Старинный костюм донских казачек, надевался поверх длинной шелковой рубашки, не доходя до пола на $\frac{1}{4}$ аршина. Спинка у кубилека цельная, плотно охватывающая талию, рукава узкие, прямые. Кубилек застегивался спереди пуговицами сверху донизу и охватывался серебряным поясом.

узнало несколько донских чиновников, которые были самыми рьяными поклонниками поэтического таланта А. С. Пушкина. Они составили из себя депутацию в несколько человек, которая и явилась к поэту в номер гостиницы, с выражением своего глубокого уважения и почтения к его таланту. В этой депутации был также страстный почитатель Пушкина есаул В. В. Золотарев, служивший в то время дьяком войскового правления, который предложил поэту переселиться на жительство к нему в дом, находившийся на Горбатой улице, каковое приглашение поэт принял и на следующий день уже проводил время в семействе Золотарева, состоявшем в то время из жены Золотарева Екатерины Алексеевны и двух малолетних дочерей.

Семейство Золотаревых очень понравилось Ал. Сергеевичу, и поэт в доказательство своей признагельности неоднократно писал экспромты в стихах и дарил их есаулу Золотареву“.

Но дошел до нас и иной вариант рассказа о депутации новочеркасских чиновников, переданный в газете „Донской вестник“ (1868, № 33), автором статьи „Пушкин в Новочеркасске“ С. Соколовым. С. Соколов пишет:

„Когда народный поэт наш проезжал на Кавказ в 1829 году и достиг до Новочеркаска, то обстоятельства заставили его пробыть здесь более, чем он предполагал. Надобно заметить, что, приехав в Новочеркасск, автор „Руслана и Людмилы“ остался без денег. Незабвенный Александр Сергеевич попытался обратиться к тогдашней аристократии с просьбой снабдить его деньгами на дорогу. Но так как даже именитые люди того времени не следили за отечественной литературой и, по всей вероятности, не придавали и главным ее представителям ровно никакого зна-

чения, то просьба поэта осталась без дальнейших последствий, и он в отчаянии начал писать письма к своим знакомым в Петербург и Москву с мольбами выручить из беды. Но когда получаются ответы?..

Служащая, а, следовательно, и более грамотная братия того времени все же знала о существовании Пушкина, а может быть даже и читала его творения, а потому, как только разнеслась между нею молва, что Пушкин здесь, дьяки, пошитчики и некоторые другие члены бывшей войсковой канцелярии сговорились собраться и представиться поэту. Один из дьяков, хотя и заикался, но говорил печатным языком, высокопарно и считался почему-то более всех способным стать во главе представившихся, чтобы сказать поэту должное приветствие.

Наступил праздник, собрались и пошли. Пушкин квартировал в то время в доме бывшем Сербинова (теперь вдовы Пончуткиной) на Александровской улице близ Михайловской церкви.¹⁵ Собрание явилось и, не найдя в передней лакея, начало входить прямо в залу, где, обратившись к окну, стоял поэт и барабанил в стекло. Глава пришедших выступил вперед и, откашлявшись, начал: „Узнав о посещении и... нашего... и города величайшим поэтом всех и... времен и... народов, и... сочли за особое счастье представиться, чтобы и... лицезрением и...“, Пушкин, повернувшись к пришедшим, спросил: „Кто вы такие?“

„Дьяки и... войсковой и... канцелярии...“

„Извините меня — желчно отвечал поэт — я приказных терпеть не могу“. С этими словами он отвернулся к окну и стал барабанить попрежнему. Пришедшая публика в тот же миг повернула из зала“.

Рассказ Соболева, использованный потом (без

указания источника) составителем „Портретно-галереи русских деятелей, сто портретов“, изд. Мюнстера, т. II; СПб, 1869, стр. 167, содержит в себе наряду с подробностями, внушающими сомнение в их достоверности (письма Пушкина к столичным друзьям и т. п.) указание на правдоподобные факты. Почти все авторы, рассказав о факте пребывания Пушкина в Новочеркасске, относят его к остановке поэта в пути на Кавказ. Между тем, правильнее было бы связать эпизод задержки пребывания Пушкина в Новочеркасске из-за безденежья с его возвращением с Кавказа.

В этой связи и остановка Пушкина у Сербинова может получить некоторое дополнительное подтверждение. Познакомившийся с поэтом в Закавказьи донец-историк В. Д. Сухоруков в одной из арзрумских бесед мог назвать ему имя Сербинова, с семьей которого он поддерживал дружественные отношения. В 1835 г., находясь в ссылке в Ставрополе, Сухоруков доверил молодому Сербинову секретное поручение — взять у Строева архивные выписки по истории Дона, которые, согласно приказу Чернышева от 1827 г., Сухорукову запрещено было иметь у себя. „Податель сего письма, — писал Сухоруков П. М. Строеву, — добрый мой приятель и земляк, г. Сербинов имеет средство доставить ко мне верным способом всякую ученую драгоценность, хотя бы это был целый тюк бумаг, а потому покорнейше прошу вас, если захотите обязать меня сообщением прошлых выписок, вручить их сему молодому человеку, которого не лишите вашего доброго внимания: он очень дельный молодой человек с похвальными наклонностями“. В доме родных Сербинова мог остановиться Пушкин на обратном пути с Кавказа.

Отметим еще один любопытный факт, приведенный в статье С. Соболева (ср. „Портретная галерея русских деятелей. Сто портретов“, т. II, стр. 167).

Осматривая Новочеркасск, гуляя по его улицам, Пушкин

наткнулся на книжную лавку казака Жидкова и начал пересматривать у него разный старый хлам. Купивши за несколько копеек старую греческую книжку, он спросил у хозяина лавочки: есть ли у него „Евгений Онегин“? После утвердительного ответа он пожелал узнать о цене. Хозяин zaproсил чудовищно дорого.. Невольный гость наш, по обыкновенной привычке всякого покупателя, воскликнул:

„Помилуйте, за что же так дорого?“

„Сделайте одолжение, — отвечал хозяин лавки, — за эти сладенькие стихи следует брать еще дороже“.

В устах книгопродавца это звучало, как высшая похвала.

VI

Необычайная жизненность творчества Пушкина и понятность широким народным массам в огромной мере объясняется глубокими связями поэта с жизнью и творчеством народа. Решительно порвав с традицией презрительного или высокомерно-нисходительного отношения дворянских писателей к „мужицким безделкам“, Пушкин увидел в народном творчестве сокровищницу поэтических образов.

Значительное место в этнографических и фольклорных интересах Пушкина заняли казачьи, в частности, донские мотивы.

Впервые тема казачества зарождается в поэтическом сознании 15-летнего Пушкина, — так, в 1814 г. возникает песня „Казак“, отразившая в себе народно-поэтические образы, ритмику, язык. Н. Трубицын считает это произведение „первым образцом такого изображения“, когда „какой-ни-

будь народный сюжет“ приукрашивается „формами искусственной поэтики, но так в то же время, что стиль и вообще внешность продолжает быть народной по возможности“. Пушкин назвал это стихотворение „подражанием малороссийскому“. Оно дает традиционно-романтический образ донца-казака, удалого молодца, похищающего красну-девицу, которую он полюбил и „был ей верен две недели, в третью изменил“. Проф. Сумцов („Харьковский университетский сборник пам. Пушкина“) нашел, что стихотворение Пушкина является вольной переделкой народной песни об уводе девицы казаком.

В очень общих и отвлеченных чертах традиционно-батальной поэтики рисуется казак (и сам поэт в роли казака) в военных мечтах „Послания к Юдину“ (1815 г.):

Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты,
Огни во стане догорают;
Меж них, укутанный плещом,
С седым, усатым казаком
Лежу — вдали штыки сверкают.
Лихие ржут, бразды кусают,
Да изредка грохочет гром,
Летя с высокого раската...
Трепещет бранью грудь моя,
При блеске бранного булата,
Огнем пылает взор и я
Лечу на гилье супостата.
Мой конь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком —
С размаха сыплются удары.
О вы, отеческие лары,
Спасите юношу в боях!
Там свистит саблей он зубчатой,
Там кивер зыблется пернатый;
С черкесской буркой на плечах,
И молча преклонясь ко гриве
Он мчит стрелой по скользкой ниве
С цыгаркой дымною в зубах...

Первая поездка на Кавказ связана еще с яр-воромантическим восприятием действительности у Пушкина. Тем не менее, знакомство поэта с реальной действительностью помогает ему внести некоторые существенные коррективы в представление о войне, о казаках.

Приходится сожалеть, что, по условиям времени, впечатления Пушкина от первой поездки по донским и кубанским землям не нашли всей полноты и силы отражения в его творчестве.

Чем могли покорить душу поэта Дон и Кубань? Стихия вечного поступательного движения, борьбы и преодоления препятствий, стихия вольности и устремленности к свету были тем поэтическим пламенем, в озарении которого жил и творил Пушкин. Край, не смирявшийся с ограничением своих вольностей, край, породивший мятежных и ненавидевших рабство сынов, связавших свои имена с крупнейшими фактами крестьянского антифеодального движения (Разин, Булавин, Пугачев), край и теперь, в момент пребывания в нем Пушкина, охваченный порывом ненависти к рабству, озаренный пожаром восстания, не мог не оставить ярких впечатлений в душе поэта¹⁶. Прямота и смелость, вечная готовность к борьбе, мощь и отвага оживают в сознании поэта, когда перед ним возникает образ казака.

Вот проезжает он вдоль берегов Кубани: „Ви-дел я берега Кубани и сторожевые станицы—лю-бовался нашими казаками: вечно верхом, вечно готовы драться, в вечной предосторожности! Ехал в виду неприязненных полей свободных горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за ними тащилась заряженная пушка с зажжен-ным фитилем. Хотя черкесы ныне довольно смир-ны, но нельзя на них положиться: в надежде большого выкупа они готовы напасть на извест-

ного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, как эта тень опасности нравится мечтательному воображению“.

Картины героического прошлого встают перед глазами поэта, когда вспоминает он потом край казачества. В „Кавказском пленнике“ он признается, что поэтическая муза его

Любила бранные станицы,
Тревоги смелых казаков,
Курганы, тихие гробницы,
И шум, и ржанье табунов.

Казак рисуется в его представлении, как „рабов отважный избавитель“. И поэт оберегает жизнь казака, предостерегает его от опасности: „Не спи, казак, во тьме ночной чеченец ходит за рекой...“ Ряд ярких, полных силы и движения батальных сцен развивают тему жизни казачества в боевой обстановке, жизни, полной тревог и опасностей, угрожающей гибелью на каждом шагу. Вот коварный враг притаился в траве или пещере — и „вдруг внезапною стрелой, завидя путника, стремится“, нападает на него и в бешеной скачке влачит его на аркане через кремнистые утесы и горные потоки:

И путник, брошенный ко дну,
Глодает мутную волну,
Изнемогая, смерти просит...

Вот черкес, повесив на рогатый пень свои „доспехи боевые“, незаметно подплывает ночью к казачьим сторожевым пикетам:

Глухая ночь. Река ревет;
Могучий ток его несет

* Письмо к Л. С. Пушкину 21 сент. 1820 г., Кишинев.

Вдоль берегов уединенных,
Где на курганах возвышенных,
Склонясь на копья, казаки
Глядят на темный бег реки —
И мимо их, во мгле чернея,
Плывет оружие злодея...
О чем ты думаешь, казак?
Вспоминаешь прежни битвы,
На смертном поле свой бивак,
Полков хвалебные молитвы
И родину?.. коварный сон!
Простите, вольные станицы,
И дом отцов, и тихий Дон,
Война и красные девицы!
К брегам причалил тайный враг,
Стрела выходит из колчана —
Взвилась — и падает казак
С окровавленного кургана.

Во впечатлениях от поездки по южным степям в 1820 г. заняло свое место восстание сальских, миусских и ростовских крестьян.

Влекомый неукротимой своей ненавистью к самовластью, хранящий в поэтическом воображении героические страницы борьбы крестьянства за освобождение, Пушкин вспоминал потом слышанные им рассказы о крестьянском восстании 1820 г., а быть может и воссоздавал в памяти те эпизоды мятежа, свидетелем которых он мог стать. Так складывался в его творческом сознании романтический образ непокорного раба, непримиренного со своим ярмом и восставшего, образ, который стремился он ввести в литературу. Этот образ стоял перед ним тогда, когда писал он в 1822 г.: „нынче политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян“. Этот образ бунтаря-крепостного, осознавшего свои права творящей и мыслящей личности, был близок ему, когда, прочтя „Проект вечного мира“ Сен-Пьера в интерпретации Руссо, соглашался он с тем, что только революция может свершить ра-

дикальные и благие преобразования в существующей социальной системе. Среди кишиневских друзей так же, как и он, ненавидевших произвол и рабство царской России, в вольнолюбивых беседах Каменки, с тостами за „тех“ и „ту“, с верой в „кровавую чашу“ революционной *эвхаристии**, Пушкин развивал в себе дух мятежной непримиримости. Пылкий, безудержный, пламенный агитатор, он умел даже в сознание официальных слуг бюрократической машины бессарабского наместничества, вроде князя Павла Ивановича Долгорукова, внедрить мысль о том, что „деспотизм мелких наших помещиков делает стыд человечеству и законам“. За обедом у наместника края Пушкин в споре с защитником самодержавия Смирновым „разгорался, бесился и выходил из терпения... „Штатские чиновники, — говорил он, — подлецы и воры, генералы — скоты большею частью, один класс земледельцев — почтенный“. На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли“.**

В поэтическом творчестве эти взгляды и настроения Пушкина могли найти лишь преломленное и ослабленное — по условиям цензуры — выражение. Они отразились в вольнолюбивой и атеистской лирике его, в мятежном романтическом пафосе южных поэм, впитавших в себя байроническое влияние. В поэму „Братья-разбойники“ смело ввел поэт „не классических итальянских или испанских, а русских разбойников, не с кинжалами и пистолетами, а с широкими ножами и тяжелыми кистенями, и заставил одного из них говорить в бреду про кнут и грозных палачей“. (Белинский). Быть может, образы вос-

* См. стих. Пушкина „В. Л. Давыдову“.

** Дневник кн. П. Долгорукова.

сталших крестьян сальских, миусских, донских степей — мстителей за рабью долю, вставляли в творческом воображении поэта, когда создавал он в стиле народно-песенного творчества широкую картину разбойничьего лагеря. Ведь и донских, и миусских повстанцев чернышевские падахи именовали „разбойниками“. Создавая поэму „Братья-разбойники“, впитавшую в себя впечатления российской и (как показал это В. Закруткин*), в частности, южной действительности, Пушкин вспомнил и жителей Земли войска Донского. Описывая разбойничью шайку, составившуюся из беглых крепостных, не вынесших рабского гнета помещиков, он в ряде черновигов подчеркнул присутствие среди них „выходцев донских станиц“, „беглецов воинственных“ — донских крестьян, а в беловом тексте писал:

Меж ними зрится и беглец
С берегов воинственного Дона...
И в черных локонах еврей
И дикий сын степей
Калмык, башкирец безобразной...

Поэма „Братья-разбойники“ носит на себе явные следы фольклорных влияний и, исходя из анализа первоначальных ее планов и набросков, Н. Трубицын считает, что „поэма предполагалась быть построенной на песнях и преданиях народа о воровских казаках“. („Пушкин и русская народная поэзия“).

Любопытно, что зерно, из которого вырос замысел „Братьев-разбойников“, возникло в реальном событии, участниками которого предание называет мятежных донцов Засориных, также ставших объектами народного творчества.

* См. В. А. Закруткин, „Братья-разбойники“, „Красная новь“, 1936, № 6.

В ноябре 1823 г. Пушкин писал Вяземскому: „Вот тебе и разбойники. Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославе, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из них, мною не выдуманы“.

Г. Мекленбурцев, В. Татаренко, А. Воеводин и другие екатеринославские старожилы, выступившие в печати в конце прошлого века, подтверждали возможность того, что Пушкин стал свидетелем побега Засориных из тюрьмы. „Жизнь поэта, — писал Г. Мекленбурцев в „Приднепровском крае“ (1899, № 392), — в доме Краконини, перешедшем в 40-х годах дворянину Здановичу и находящемся на Мандрыковке, против усадьбы моего отчима, князя Гирея. Усадьба, где жил Пушкин, прилегает к Днепру. В Мандрыковке, близ Днепра, находилась тюрьма, из которой во время пребывания поэта бежали два брата-арестанты, побочные дети помещика Засорина, о которых Александр Сергеевич и написал известную поэму „Братья-разбойники“.

История шайки Засориных и вопрос о том, могли ли Засорины явиться действующими лицами того эпизода, о котором поэт сообщал Вяземскому, до сих пор не изучены. С именами Засориных связаны предания, за историческую достоверность которых трудно поручиться, но наличие которых должно быть учтено исследователями, изучающими вопросы фольклора, связанного с пушкинским творчеством.

По рассказам таганрогских старожил¹⁷, в 10-х гг. XIX века, вблизи Таганрога, на глубокой Вальной балке, густо заросшей деревьями и непроходимыми кустами терна, свила себе гнездо шайка разбойников, беглых крепостных и дезер-

ароп-солдат. По балке протекала небольшая речка, питавшаяся родниковой водой. Через балку лежал тракт на Ростов и Нахичевань. Чумаки и фурщики, возившие товары, боясь ограбления, проезжали эту местность днем, собираясь большими ватагами,

Главарями разбойников были братья Засорины. Отважность и бескорытность Засориных внушили к ним глубокое уважение всей шайки. Шайка Засориных не была сборищем профессиональных грабителей-разбойников: скорее это были люди, рабским гнетом выбитые из жизненной колеи. У одного помещик отнял, себе на потеху, молодую жену. У другого изнасиловал подростков-дочерей. Третий скрылся от барина, бывшего его смертным боем. Четвертый, наказанный безвинно плетью, сбежал с 25-летней каторжной военной службы...

Жестоко мстила шайка представителям власти, грабила богатеев. Были случаи убийства извергов-помещиков на почве мести им.

Долго не удавалось поймать Засориных. При облавах разбойники уходили от преследователей по дну густо заросшей балки в далеко простиравшуюся широкую степь или пробирались к морю. Но Засорины имели приют и в городе и в деревнях у бедняков. Жалобы помещиков и купцов, направленные в Петербург, требовали от местного начальства принять решительные меры к поимке Засориных и ликвидации шайки. После нескольких неудачных попыток поймать Засориных была организована облава с участием большого отряда войск, оцепившего балку с суши и моря. Засорины и часть участников шайки были арестованы, несколько человек, пытавшихся убежать, были ранены и убиты. Засорины были помещены в местный острог. Потом, по требова-

нию екатеринославского судебного начальства Засориных заковали в кандалы и отправили в екатеринославскую тюрьму, откуда они бежали и в кандалах, на глазах Пушкина, переплыли Днепр.

* * *

Одной из отмеченных в критике черт пушкинской психологии творчества является то, что жизненные впечатления обычно долго отстаивались в его душе и лишь спустя много времени, как будто без всякого внешнего повода, вдруг давали ростки и распускались прекрасными поэтическими цветами.

Славные образы вольнолюбивого Дона возникли в нем с новой силой в Михайловском уединении. Основным поэтическим источником, определившим эти образы, могло послужить народное творчество.

Донская народная поэзия не могла не привлечь Пушкина поэтическим отражением существенных моментов народного мировоззрения, глубиной и ясностью этого отражения, социальной остротой („огнем и силой“) мысли, живой прелестью стиха и „драгоценной свежестью, простотой и чистосердечностью выражений народной речи“.

Не случайно подавляющая часть фольклорных песенных записей Пушкина связана с донскими мотивами и с образом Степана Разина (одним из любимейших образов донской народной поэзии).

Н. Трубицын, занимавшийся исследованием фольклорных записей Пушкина, отмечал в статье „Пушкин и русская народная поэзия“ (собр. соч. Пушкина, под ред. Венгерова, т. IV, стр. 55), что еще „во время путешествия по Кавказу и Крыму Пушкин вместе с Раевским интересовался бытом

казачьих станиц, их преданиями, рассказами о
вольнице и гулящих шайках разбойников, слушал
песни в казачьих станицах". „Путевой журнал“
генерала Раевского и письма Пушкина к брату,
посвященные описанию путешествия, дают под-
тверждение этой этнографической любознатель-
ности путешественников.

По мнению Л. Майкова, первые этнографи-
ческие наблюдения следует отнести именно к
путешествию по южным степям. Вместе со своим
другом (Н. Н. Раевским младшим), который, по
свидетельству современников, собирал материалы
о Разине и хотел писать о нем, Пушкин при-
сматривался к быту казаков, слушал их песни.

Л. Майков же („Пушкин“, стр. 154) указал и
на то, что интерес Пушкина к Степану Разину
„зародился (у него) во время путешествия по
южным степям, когда в казачьих песнях... случалось
(ему) подмечать явные признаки сочувствия
к своевольному атаману гулящих шаек“. К сожа-
лению, нет у нас сведений о том, производились
ли Пушкиным в этой поездке записи казачьих
песен.

Образы казачьего фольклора волнуют поэта
во время пребывания его в Михайловском. В
1825 г. Пушкин мог познакомиться с материала-
ми донского фольклора (песнями, пословицами,
преданиями) и с этнографией донского казаче-
ства по статье В. Д. Сухорукова „Общежитие
донских казаков в XVII и XVIII столетиях“, на-
печатанной в альманахе „Русская старина“.

В 1824 г., сообщая брату Льву Сергеевичу о
том, что вечерами в Михайловском он „слушает
сказки и вознаграждает тем недостатки про-
клятого своего воспитания“, Пушкин просит
прислать ему „историческое, сухое известие
о Степане Разине, единственном поэтическом

лице русской истории*. Через несколько дней он просит о присылке „Жизни Емельки Пугачева“.

„Пушкин,—говорит исследователь песен и сказаний о Разине и Пугачеве,—один из первых собирателей фольклора о Разине и основоположник собирания фольклора о пугачевщине“.*

В пушкинских фольклорных записях разинским мотивам было уделено большое место, но до нас дошли лишь две записи („Во городе то было во Астрахани“ и „Как на утренней заре вдоль по Каме по реке“). Кроме того, на основе художественной переработки казачьих песен о Степане Разине, Пушкин создавал собственные произведения. К ним должны быть отнесены песни баллады „Как по Волге реке по широкой выплывала востроносая лодка“, „Ходил Стенька Разин в Астрахань-город торговать товаром“ и „Что не конский топ, не людская молвь, не труба трубача с поля слышится“. 12 октября 1826 г. в Москве у Веневитинова Пушкин читает их в кругу молодых литераторов.

Желая напечатать песни о Разине, Пушкин в 1827 г. представил их одновременно с другими произведениями через Бенкендорфа на цензуру Николая I. Уведомляя, что „государь император изволил прочесть с особенным вниманием“, начальник III отделения делал от „высочайшего“ имени наставления Пушкину: „Песни о Стеньке Разине, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь прокликает Разина, равно как и Пугачева“.

„Стансы к царю им позволены,—пишет по

* „Песни и сказания о Разине и Пугачеве“ под ред. А. Н. Лозановой, изд. Academia, 1935, стр. XXV.

этому поводу Пушкин Погодину, — песни о Стець-
ке не пропущены“.

Столь категорическое указание не ослабило, как известно, интереса Пушкина к мятежным событиям русской истории и не поколебало его стремления создать историю Пугачева. Однако, прямой запрет песен о Разине не дал ему возможности осуществить творческие замыслы, связанные с этим „поэтическим лицом русской истории“.

Как известно, Пушкин одно время думал издавать вместе с Соболевским и Киреевским „Собрание русских песен“. К этим замыслам при-
мыкает, очевидно, и сохранившийся среди чер-
новых набросков строф „Путешествия Онегина“
написанный рукой Пушкина план:

О Ст(енке) Раз(ине).
Казацк(ие песни).

Впервые опубликованный в книге „Неизданный Пушкин“ (изд. Атений, 1922, стр. 183) план этот определяется в пушкиноведении, как „план издания русских исторических песен и статьи о них“ (собр. соч. Пушкина, прилож. к журн. „Красная нива“, том V, стр. 357). Существует также мнение о том, что указанная запись относится к пушкинской „Статье о русской литературе с очерком французской“ и показывает, что в этой статье Пушкин предполагал посвятить целый раздел песням о Разине.

Несмотря на прямое и строгое veto, наложенное царской цензурой на стихи о Разине, Пушкин продолжал до конца жизни интересоваться образом мятежного атамана. Изображая путешествие Онегина по Волге, Пушкин говорит о бурлаках, которые

Опершись на багры стальные,
Унынным голосом поют
Про тот разбойничий приют,
Про те разъезды удалые.
Как Стенька Разин в старину
Кровавил волжскую волну...

В 1831 г. С. П. Шевырев сообщал С. А. Со-
болевскому о том, что Пушкин приехал в Мо-
скову: „Он написал поэму: Стенька Разин, кото-
рая, кажется, не будет напечатана“. Сообщение
Шевырева не подтверждается никакими другими
источниками. Но нет оснований полностью отри-
цать возможность работы (быть может, далекой
от завершения) Пушкина над поэтическим сюжет-
ом о Разине.

Письмо Пушкина к А. С. Норову (ноябрь-
декабрь 1833 г.) свидетельствует об изучении им
иностранной литературы о Разине „Отсылаю те-
бе, любезный Норов, твоего Стеньку: завтра по-
лучишь Struys и одалиску. Нет ли у тебя сочи-
нения Вебера о России (Возрастающая Россия
или что-то подобное?). А Пердуильонис, то-есть:
Stephanus Rasin Don. Cosacus perduellis, publicae
disquisitionis I. I. M. i Schurtzfleisch“... (I. I. M. i
Schurtzfleisch).

„Здесь, — замечает по поводу этого письма
А. Н. Лозанова („Песни и сказания о Разине и
о Пугачеве“, Academia, 1935, стр. 328), — Пуш-
кин упоминает главнейшие иностранные сочине-
ния о разинщине: Struys — это известное описа-
ние России XVII века голландца Johano Struys,
который оказался свидетелем взятия Астрахани.
Его „Путешествие“ выдержало целый ряд изда-
ний и переводов на различные европейские язы-
ки. Французский перевод Struys 1827 г. был у
Пушкина в его библиотеке. Вероятно, у Норова
Пушкин брал одно из старых изданий, может
быть, 1681 г. — „Les voyages de Jean Struys en

Moscovie, en Tartarie, en Perse aux et en plusieurs autres pays étrangères", Amsterdam, 1681. Сочинение Вебера, о котором спрашивает у Норова, это „Das verönderte Russland“. Все три тома этого обширного сочинения (I—1744; II—1739; III—1740) имеются в личной библиотеке Пушкина. Вероятно, он приобрел их позднее. Последнее сочинение, о котором упоминает Пушкин в письме к Норову,—это „Stephanus Rasin donicus cosacus belluellis publicae disquisitionis exhibitus paraeside Conrado Samvele Schurtzfleisch respondente Johanne Justo Martio Wittenbergae 1683“.

На ряду с французским переводом „Путешествия“ Struys в личных книгах Пушкина находится и знаменитое Relation во французском переводе, вышедшем одновременно с английским водлинником в 1672 г. На эту книгу ссылался Пушкин в примечаниях к VIII гл. „Истории Пугачева“: „Книга сия весьма редка; я видел один экземпляр оной в библиотеке А. С. Норова, ныне принадлежащей князю Н. И. Трубецкому“. Но, как показывает описание библиотеки Пушкина, сделанное Б. Л. Модзалевским (СПБ, 1910 г., № 1307) экземпляр этой книги во французском переводе был и у Пушкина („Relation des particularitez de la rebellion de Stenko Razin contre le grand duc de Moscovie“. Traduit par C. Desmares).

В начале зимы 1834 г. Пушкин у Раевских встречается с П. Х. Граббе. „Он занят был в то время,—говорит Граббе („Русский архив“, 1873, т. V, стр. 786),—историей Пугачева и Стеньки Разина; последним, казалось мне, более. Он принес даже с собою брошюру на французском языке, переведенную с английского и изданную в те времена одним капитаном английской службы, который, по взятии Разиным Астрахани,

представлялся ему, потом был свидетелем казни его“.

В 1836 г. Пушкин приобретает книгу Ник. Фомина: историческую повесть „Стенька Разин“, изд. 1836 г.

В том же году (за несколько месяцев до смерти) по просьбе гостившего в Петербурге в июне—июле 1836 г. французского писателя Лева Веймара, Пушкин делает перевод на французский язык 11 народных песен.

Литературный анализ, произведенный Н. Трубицыным („О русских и народных песнях, переведенных Пушкиным на французский язык“, в книге „Память Пушкина“, юбил. сборник преподав. и слушателей Историко-филологического факультета Петербургского университета, СПб, 1900), привел автора к выводу, что часть песен (1—4, 6, 8—11) Пушкин взял из песенника XVIII века „Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шутливые, простонародные“ и т. д., изд. в Москве, в Университетской типографии у Новикова, 1780 г. Отсюда выбрал Пушкин и такие красочные песни, как „Ой, ты, наш батюшка, тихий Дон, ой что же ты, тихий Дон, мутнехонько течешь“, „Что пониже было города Саратова“, „Вниз то было по матушке, Камышенке реке“, „У нас то было, братцы, на тихом Дону, на тихом Дону, во Черкасском городе“, „На заре то было, братцы, на утренней, на восходе краснова солнышка“,—песни, вошедшие в основной фонд донского казачьего фольклора.

Характерно, что, делая попытку ознакомления французов с содержанием русского песенного фольклора, Пушкин производит специфический подбор материала: переводит две исторических,

дану любовную и восемь песен на темы о мятежных эпизодах русской истории. В большинстве — содержанием их являются мотивы казачьей вольницы, народного восстания. Любимые поэтические образы казачьего фольклора: „удалой добрый молодец Степан Разин Тимофеевич“, „наш батюшка тихий Дон“, „добрые молодцы, все донские казаки, все донские, гребенские, запорожские, да и славные казаки братцы яицкие“ — присутствуют в большинстве тех песен, которые выбрал Пушкин для перевода на французский язык.

На примере Пушкина лишний раз подтверждается истина о плодотворности постоянного органического взаимодействия фольклора и литературы. Созданные на широкой фольклорной основе, впитавшие в себя живые соки народной фантазии, многие произведения Пушкина стали бытовать в народе, были освоены народом и продолжали поэтическую жизнь в новых творческих вариациях и переработке. Известно, например, что „Братья-разбойники“ послужили материалом для народных драм „Лодка“, „Атаман“ и др.; такие произведения, как „Талисман“, „Гусар“, „Черная шаль“ „нередко считали за народные песни, забывая совершенно об их авторе“ (Н. Соловьев, „Русская книжная иллюстрация XIX века и произведения Пушкина“, „Пушкин“, изд. „Русский библиофил“, 1911), песня „Под вечер осенью ненастной“, по словам Трубицына („О народной поэзии в общественном обиходе, — первая треть XIX века“), появилась в песенниках уже с 1825 г. и вошла (по свидетельству Островского в комедии „Шутники“, д. II, явл. IV) в репертуар шарманок. Этот процесс взаимодействия коснулся и казачьего фольклора.

Уже раннее стихотворение Пушкина „Казак“

(„Раз полунощной порою...“) было в свое время популярной песней в фольклорной переработке. Но еще более широкое распространение и длительное поэтическое существование приобрел в фольклоре „Узник“, написанный Пушкиным в Кишиневе в 1822 г. и, быть может, тоже отразивший следы знакомства его с казачьим песенным творчеством.

Правда, у нас нет оснований утверждать, что стихотворение „Узник“ является переработкой казачьих народно-поэтических мотивов, ибо в фольклорных записях до 1822 г. мы не можем указать такого произведения, которое могло бы быть названо непосредственным источником пушкинского „Узника“. Однако, замечательно, что и большинство вариантов народных переделок „Узника“, имеющих хождение в различных местностях, сохраняет в себе традиционные в донском фольклоре образы донского казака, тоскующего по вольности, и казачки, гуляющей с другим, либо поджидающей своего любимого.

В приведенных в Пушкинском сборнике под ред. проф. А. И. Кирпичникова (М., 1900, стр. 237—254) восьми вариантах народно-поэтической переработки „Узника“, бытующих в Московской, Тульской и Рязанской губерниях, вторая (тульская) запись дает такой вариант: к орлу молодому, заключенному в железную клетку, прилетает товарищ его:

Товарищ мой милый,
Давай улетим,
Где солнце не съест,
Луна никогда,
Там ходит, гуляет
Казачка една,
Една ждет, поджидает
Казака свою.

В Рязанской губернии та же песня (4 и 5 варианты) записана с такими заключительными строками:

Товарищ мой верной,
Давай улетим
Товарищ мой милый.
Лети ты, товарищ,
а я за тобой,
где не солнце не съянет
луна — никогда.
Там ходить, гуляеть
Казачка одна
она не со мною
с донским казаком.

„Казак“ фигурирует и в третьем варианте (Московской губ.). Это наличие образов казака и казачки в вариантах песни разноместного распространения не может не свидетельствовать о связи песни с казачьим фольклором. И, действительно, песня „Орелик“, явившаяся своеобразной переработкой пушкинского „Узника“, широко распространена среди трудящихся масс донского казачества и в наше время. Один из ее вариантов приведен в сборнике „Донские казачьи песни“ А. Пивоварова (Новочеркасск, типогр. „Донской газеты“, 1885, стр. 5—6):

(РАЗБОЙНИК В ТЮРЬМЕ)

За решеткою железною
В темнице темной
Сидел там невольник —
Орелик молодой,
Клевал пищу кровавую
Он перед окном,
Клюет и бросает,
Сам смотрит в окно:
„Давай, брат-товарищ,
С неволи улетим
Туда, братец, туда,
Где светит заря.

Туда, братец, туда,
Где синеются моря.
Туда, братец, туда,
Где в море круты берега.

(Сообщ. Н. А. Сальников)

Другой современный донской вариант бы
исполнен в Московском театре народного твор
чества в ноябре 1936 г.

(ОРЕЛИК)

В железной темнице,
В неволюшке большой
Вскормленный, вспоенный
Орелик молодой.
Давай, брат, с тобой
Из неволи улетим,
Туда, брат, туда,
Где синеют моря.
Туда, брат, туда,
Где Дона плещут берега,
Туда, где гуляет
Лишь ветер да я.

Путешествием поэта в 1820 г. навеяны бы-
ли общие впечатления о казачестве, углублен-
ные впоследствии изучением фольклора о ка-
зачьих мятежах, о народных восстаниях, о
С. Разине.

Вторая поездка на Кавказ дала возможность
поэту еще ближе узнать казаков, ознакомиться
с их думами (в этом помогли Пушкину задушев-
ные арзрумские беседы с донским казаком-исто-
риком В. Д. Сухоруковым), с психологическим
и бытовым их обликом.

На Кавказе Пушкин попал в казачью воинскую
часть. В Гумрах казак привез поэта, вымоченного
дождем и продрогшего на ветру, прямо к посту.
„Мы остановились у палатки, куда спешил я
войти. Тут нашел я двенадцать казаков, спящих
один возле другого. Мне дали место; я повалил-

... на бурку, не чувствуя сам себя от усталости...
казаки разбудили меня на заре“.

Нагнав русскую армию за Карсом на перевале в горах Саган-лу, Пушкин сопровождал ее до Арзрума, совершая эту кампанию, по его словам, наполовину как путешественник, наполовину как солдат. В первый же день прибытия в русский лагерь он принял участие в военных действиях, присоединившись к отряду донских казаков. „Схватив пику одного из казаков,—говорит историк военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.,—он устремился против неприятельских всадников. Можно поверить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев перед собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке“.

Ряд ярких реалистических батальных зарисовок (встреча с Семичевым и Пушкиным раненого казака; сражение с турками двух казачьих сотен, выстроенных „лавой“; эпизод ранения Басова; перестрелка делибашей с казаками; допрос Паскевичем пленных) перемежается в „Путешествии в Арзрум“ рядом психологических штрихов, характеризующих казаков.

Значение этого произведения в развитии русской реалистической прозы еще не в достаточной степени оценено. Реалистические тенденции „Путешествия в Арзрум“ шли в разрез с традиционно-патриотической патетикой военных описаний. Понятно, почему „Путешествие в Арзрум“ не удовлетворило вкусов „Северной пчелы“. „Есть ли чтонибудь... в „Путешествии в Арзрум“?— писал Булгарин.—Виден ли тут поэт с пламенным восторгом, с сильной душой? Где гениальные взгляды, где дивные картины, где пламень? И в какую пору был автор в этой чудной стране! Во время знаменитого похода. Кав-

каз, Азия и война! Уже в этих трех словах поэзия, а „Путешествие в Арзрум“ есть не что иное как холодные записки, в которых нет и следа поэзии“.

Упреки воинственного, блиставшего связями с III отделением критика имели основание. Пушкин, действительно, был не только строг и суховат в описаниях „знаменитого похода“ и вместо романтизации подвигов Паскевича давал четкую реалистическую хронику событий, но в описаниях действий командования русской армии (в частности, Паскевича—„Эрихонского“*) проявил немало еле скрываемой иронии. Это ироническое отношение, обусловленное здоровым критическим подходом поэта к действительности, проявилось и в описании отдельных деталей окружавшей его обстановки. Вспомним, например, как описывает он русские крепости с обязательным рвом, который „каждый из нас перепрыгнул бы... не разбегаясь, с заржавевшими пушками, не стрелявшими со времени графа Гудовича, с обрушенным валом, по которому бродил гарнизон кур и гусей“.

Критически оценивал Пушкин стратегию Паскевича, добывавшего себе славу ценою рискованных военных операций. Описывая огорчения Паскевича по поводу того, что под Бейбуртом убит был Бурцев, Пушкин замечал: „Жаль было храброго Бурцева, но это происшествие могло быть гибелью и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего глубоко в чужую землю и окруженного неприязненными народами, готовыми восстать при слухе о первой неудаче“.

* См. „Путешествие в Арзрум“. Варианты и комментарии 412. Паскевич И. Ф.—А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. Academia, 1936, т. IV, стр. 791.

Поэт не боялся описывать и те случаи, когда победа и превосходство оставались на стороне противника. Он давал, наконец, и такие ярко-реалистические картины, как распределение трофеев, когда вынужденные бесконечными лишениями наши солдаты забирали одежду раненых турок.

Нельзя не согласиться с проф. В. П. Пожидаевым („А. С. Пушкин о Кавказе“, Владикавказ, 1930, стр. 13), когда он пишет, что „Путешествие в Арзрум“ по правдивости, по полноте и точности описания Кавказа наиболее значительное произведение и оно, пожалуй, менее всего было замечено читающей публикой. А между тем, здесь, что ни страница, то ценнейший исторический или этнографический документ, не утративший своего значения для историка-исследователя и поныне; можно сказать наверняка, что этим „Путешествием“ Пушкин первый и достаточно широко открыл завесу на *прозу* кавказской войны“.

„Путешествие в Арзрум“ было значительным этапом в формировании пушкинского реалистического стиля. Достаточно и беглого прочтения „Путешествия в Арзрум“, чтобы понять, как далеко вперед ушел сейчас поэт от экзотического романтизма своих ранних, достаточно общих описаний казачества, насколько трезвее, яснее и реалистичнее он смотрит на вещи. Конкретная бытовая наблюдательность автора „Путешествия“ несравнима и с этнографическими вольностями „Кавказского пленника“.

Пушкин в 1829 г. яснее понимает сущность военных операций русских на Кавказе. В замаскированной, аллегорической форме говорит он в стихотворении „Кавказ“ об угнетении горских народностей:

Терек играет в свирепом весельи;
Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной,
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
Вотше! Нет ни пищи ему, ни отрады.
Теснят его грозно немые громады.
Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

С глубоким интересом, наблюдательностью и почти научной этнографической точностью делает Пушкин свои замечания о быте калмыков, „осетинцев“, татар, восхищается народной поэзией Грузии, отмечая „храбрость и умственные способности грузин“, посвящает Кавказу прекрасные стихи свои: „На холмах Грузии“, „Все тихо“, „На Кавказ идет ночная мгла“, „Обвал“, „Монастырь на Казбеке“ и др.

В 1836 г. Пушкин один из первых в русской журналистике и общественности приветствовал ростки культуры среди угнетенных царизмом народов, радостно отметив появление в русской печати художественного произведения писателя-черкеса. В своем журнале „Современник“ писал он в послесловии к „Долине Джитугай“: „Вот явление, неожиданное в нашей литературе. Сын полудикого Кавказа становится в ряде наших писателей; черкес изъясняется свободно, сильно и живописно“*. Пушкина радует проявление черт самобытности в этом произведении и он не боится отметить черты эти, находящиеся на грани ненависти к поработительнице — царской России:

* Имя писателя черкеса, автора „Долины Джитугай“ — Султан Газы-Гирей. См. „Послесловие к „Долине Джитугай“. А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. Academia, 1936, т. V, стр. 161.

любопытно видеть, как Султан Газы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце...“

Трезвая оценка политики царизма на Кавказе, опиравшаяся у Пушкина на близкое знакомство его с кавказской обстановкой в 1829 г., сказывается и на трактовке темы казачества. От романтической идеализации казака, „немного аулов разорителя“, Пушкин приходит к более глубокой и правдивой оценке роли и положения казачества, как подневольного орудия царской политики. Поэт верен своему прежнему восхищению удалью и мужеством казаков, их смелостью и выносливостью. Но теперь он чаще останавливается на тех реалистических деталях, которые говорят о тяжелом положении казачества.

Тему угнетения казачества при царизме Пушкин затрагивал и раньше, например в „Борисе Годунове“. Объясняя выступление казаков против Годунова угнетением и притеснением казачества, Пушкин следовал здесь тому взгляду, который существовал у историков, враждебно настроенных к политике царизма на Дону (В. Д. Сухоруков, например) — „Я знал донцов, — говорит Самозванец посланцу от казаков Кареле:

... Не сомневался видеть
В своих рядах казачьи бунчуки,
Благодарим Донское наше войско,
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены. Гонимы...

В „Путешествии в Арзрум“ та же тема переведена Пушкиным из исторического плана в современный и расширена рядом конкретных подробностей, характеризующих тяжесть военного

бремени, неслаженность бытовой жизни казака, отсутствие человечески-заботливого отношения властей к казакам. Жизнь казака ценится ни во что. Подчеркнуто, скупыми словами отмечает автор бесчисленные жертвы среди казаков. Все это попутные штрихи, в совокупности создающие цельную картину: „проезжая нашим лагерем, я видел наших раненых, из коих человек 5 умерло в ту же ночь и на другой день...“ После сражения при Саган-лу взрывается сакля с пороховым погребом. „Разметанные камни задавили несколько казаков...“ — замечает автор.

Пушкин отмечает и драматизм положения казаков, непрестанно находившихся в военных походах, что разрушало семью и делало особенно ненавистным бремя военщины.

Среди записей о казаках, не включенных в текст „Путешествия в Арзрум“ по цензурным соображениям, надо отметить следующий набросок.

Вот текст этого отрывка:

„Мы ехали из Арзрума в Тифлис. 30 человек линейских казаков нас конвоировали — возвращающихся на свою родину. Перед нами показался линейский полк, идущий им на смену. Казаки узнали своих земляков и поскакали к ним навстречу, приветствуя их радостными выстрелами из ружей и пистолетов.

Обе толпы съехались и обнялись на конях при свисте пуль и с новыми прощальными выстрелами в облаках дыма и пыли — быстро обменявшись известиями — они расстались и догнали нас. — Какие вести, — спросил я у прискакавшего ко мне урядника, — все ли дома благополучно? — Слава богу, — ответил он, — старики мои живы; жена здорова. — А давно ли ты с ними расстался? — Да вот уже три года, хоть по положению надлежало бы служить только год. — А скажи, — прервал его молодой артиллерист офицер, — не родила ли у тебя жена во время отсутствия? — Ребята говорят, что нет, — отвечал веселый урядник. ..А у тебя, брат, — спросил я другого казака, — так ли честна хозяйка, как у урядника? — Моя родила, — отвечал он, стараясь скрыть свою досаду. — А кого бог дал? — Сына. — Что ж, брат, побьешь ее? —

Да посмотрю, коли на зиму сена припасла, так и прощу, коли так побью. — И дело, — подхватил товарищ — побьешь да и будешь горевать, как старик Черкасов; смолоду был он жив и горяч; случился с ним тот же грех, как с тобой; поколотил он хозяйку, так что она после того 30 лет жила калеккой. С сыном его случись та же беда, и тот было стал колотить молодицу, а старик-то ему: Слушай, Иван, оставь ее, и посмотри, как мать и я смолоду поколотил ее за то же, да и жизни не рад... *

Эта реалистическая картина, повидимому, должна была лечь в основу той поэтической обработки, которая дана Пушкиным в стихотворном не вполне отделанном наброске, написанном в редкой у Пушкина куплетной форме. Набросок этот сохранился в его тетрадях времен кавказского путешествия 1829 г.

Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку;
В память битвы и шатров
Я домой привез нагайку.
(На походе, на войне)
Сохранил я балалайку,
С нею рядом, на стене
Я повешу и нагайку.
Что таиться от друзей —
Я люблю свою хозяйку,
Часто думал я об ней
И берег свою нагайку.

[Точная датировка этого стихотворения затруднена. Одним из редакторов Пушкина Л. И. Поливановым (собр. соч. Пушкина, изд. 3, т. I, стр. 294) оно датировалось второй половиной июля, а в собр. соч. под ред. Венгерова отнесено ко второй половине 1829 г. Стихотворение положено на музыку Л. Ф. Энгелем, см. сб. „Памяти Пушкина“, Петербургского университета, 1900, стр. 70].

* См. приложения к „Путешествию в Арзрум“. А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. Academia, 1936, т. IV, стр. 795—6.

Тема стихотворения „Был и я среди донцов“... тесно связана и с народно-песенными мотивами. Лирическая песня, поющая о трудностях семейной жизни, вызванных длительной военной службой казака, о горестной участи казачки — это не менее популярный вид казачьего фольклора, чем песни о походной жизни казаков.

Вдали от любимого Дона, в тревогах боевой жизни, создавались и песни казачества, скрывавшие за внешне бодрой, молодеческой удалью, нотки мрачных предчувствий, тоски, опасений. На Кавказе сложили казаки популярную песню о черном вороне, которая отдельными образами напоминает известную пушкинскую переделку шотландской песни из сборника, изданного Вальтер Скоттом:

Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой.
Ты добычи не дождешься:
Черный ворон! Я не твой.
Ты лети-ка, черный ворон,
К нам на славный тихий Дон,
Отнеси-ка, черный ворон,
Отцу-матери поклон.
Отцу-матери поклон
И жененке молодой.
Ты скажи ей, черный ворон,
Что женился на другой,
На пулечке свинцовой.
Наша свашка — была шашка,
Штык булатный был дружком,
А венчался я на поле
Под ракитовым кустом.

Мотивы казачьего быта, близкие к затронутым в стихотворении „Был и я среди донцов“, стали предметом и другого поэтического замысла Пушкина, о чем говорят незавершенные черновые наброски, хранящиеся в Румянцевском музее и датируемые временем возвращения Пушкина с Кавказа на север:

„Полюби меня, девица“,
— Что же скажет вся станица?
Я с другим обручена.
„Твой жених теперь далече“

В наброске этом, созданном, по замечанию его комментаторов (собр. соч., под ред. Венгера), под влиянием „посещения казачьих станиц в 1829 г.“, Пушкин коснулся таких черт казачьего быта, которые также очень часто являются объектом народно-песенного творчества.

В завершенных поэтических произведениях, отразивших впечатления о казачестве, важное место занимает написанный в 1829 г. „Дон“ — одна из совершеннейших, цельных по настроению, жизнерадостных пьес, пронизанных единством эмоционально-психологической окраски. Стих „Дона“ — отмечал еще Анненков (в „Материалах для биографии Пушкина“, изд. 2, стр. 214) „исполнен блеска и радости“. По смыслу второй строфы можно заключить, что „Дон“ написан автором уже на возвратном пути из Арзрума:

Блещь средь полей широких,
Вот он льется. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.
Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Передаваемое поэтом приветствие Дону от далеко заброшенных его сынов, утомленных борьбой с врагом, уставших от „злой погони“ за ним, поэт дополняет радостным для донцов известием, что война подходит к концу, что:

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Многообразие противоречивых чувств поэта отразилось в этих строчках: за блеском и музыкальностью их стиха скрывается и скептическое, неприязненное отношение к кавказской войне (нашедшее себе отражение и в холодно ироническом описании подвигов Паскевича в „Путешествии в Арзрум“) и восхищение отвагой и боеспособностью казаков.

Радость, охватившая поэта при мысли о конце войны, является как бы завершением тех антивоенных, миролюбивых настроений, которые в легкой полусутоливой форме нашли выражение в стихах „не пленяйся бранной славой“ и „Делибаш“¹⁸.

Но вместе с тем в указании на „арпачайскую струю“ чувствуется гордость признания бранных подвигов казаков, безусловно выполняющих свой воинский долг: казачьи кони пьют воду из реки, которая служит русско-турецкой границей; сыны прославленного Дона не посрамили своей боевой славы, они и сейчас в авангарде войска, сражающегося с врагом, охраняют заветную черту, которая отделяет Россию от влекущих своей неизведанностью чужих земель. В указанных стихах „Дона“ отразились и арзрумские впечатления поэта: „Вот и Арпачай! — сказал мне казак. Арпачай! наша граница!.. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное...“ („Путешествие в Арзрум“).

Восхищением поэта перед удалью, бесстрашием и постоянной боевой готовностью казаков пронизаны строки „Дона“. И это чувство восхищения, вновь охватившее поэта, находит естественную разрядку в приглашении вознаградить казаков при их возврате с войны достойным гостеприимством и обильными дарами донских виноградников:

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

(Стих. „Дон“, впервые напечатанное в „Литературных прибавлениях“ к „Русскому инвалиду“, 1831, № 83, с. 655, положено было на музыку Брянским, см. сб. „Памяти Пушкина“, СПб., 1900, стр. 74).

Казацьи мотивы занимают в творческих интересах зрелого Пушкина далеко не последнее место,— в эволюции трактовки этой темы отражаются общие процессы идейного и художественного роста поэта. От романтических красок раннего „Казака“ Пушкин идет к реалистической выразительности картин народного возмущения в „Истории Пугачева“.

Вопреки известным утверждениям Фирсова и М. Н. Покровского, образ Пугачева правильно осознается Пушкиным, как образ вождя широкого *народного*, крестьянского движения. Основной социальный смысл пугачевского движения не был скрыт от сознания поэта так же, как ясна была ему и историческая закономерность антикрепостнического восстания. Пушкин не скрывает от читателя и той стороны вопроса, что в народное пугачевское движение были вовлечены и лучшие сыны Дона и Урала, беднейшая трудовая часть казачества.

Текст „Истории“, примечаний и „заметок“ к ней пестрят именами и географическими названиями, связанными с донским казачеством (Верхне-Курмоярская, Зимовейская, Черкасская станции и т. п.). Образ Пугачева — вождя народных масс, крестьянства и казачьей голытьбы — получает под пером Пушкина тем более яркий и выразительный рисунок, что настойчиво подчеркиваются

связь его с вольным духом казачества и неразрывные нити, объединяющие в этом устремлении к воле донских и яицких казаков. Основы самоуправления яицких казаков Пушкин выводит из донских обычаев, ссылаясь на работу В. Д. Сухорукова о донских казаках (гл. I. прим. 6).*

„Емельян Пугачев, Зимовейской станицы служилый казак“, вышедший из Донского казачества, сразу обратил внимание начальства своим строптивым духом и „беспутной“ жизнью. Посланный в 1770 г. на службу во второй армии, участвовавшей в сражении при взятии Бендер, он через год „по причине болезни“ вернулся на Дон.

Он ездил для излечения в Черкасск. По его возвращении на родину, зимовейский атаман спрашивал его на станичном сборе, откуда взял он карюю лошадь, на которой приехал домой? Пугачев отвечал, что купил ее в Таганроге; но казаки, зная его беспутную жизнь, не поверили и послали его взять тому письменное свидетельство. Пугачев уехал. Между тем узнали, что он подговаривал некоторых казаков, поселенных под Таганрогом, бежать за Кубань. Положено было отдать Пугачева в руки правительству“.

Но он успел бежать. Потом пойманный и отправленный под караулом „к сыщику, старшине Макарову, в Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда в Черкасск, с дороги он бежал опять и с тех пор уже на Дону не являлся“.

На эшафоте „обер-полицеймейстер спрашивал его громко: ты ли донской казак, Емелька Пугачев? Он столь же громко отвечал: так, государь, я донской казак Зимовейской станицы Емелька Пугачев“.**

Пушкин изображает и злобную расправу правительственных агентов с Пугачевым и дикий страх их перед возможностью возмущения крестьянства и донского и яицкого казачества. „Особенно опасались сношений Яика с Доном. Атаман Ефремов был сменен, а на его место избран

* См. статью г-на Сухорукова „О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия“, напечатанную в Соревнователе Просвещения, 1824.

** „История Пугачева“. А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. IV, изд. Academia, 1936, стр. 498.

Семен Сулин. Послано в Черкасск повеление сжечь дом и имущество Пугачева, а семейство его, *безо всякого оскорбления*, отправить в Казань, для уличения самозванца, в случае поимки его. Донское начальство в точности исполнило слова высочайшего указа: дом Пугачева, находившийся в Зимовейской станице, был за год перед сим продан его женою, пришедшею в крайнюю бедность, и уже сломан и перенесен на чужой двор. Его перевезли на прежнее место и в присутствии духовенства и всей станицы сожгли. Палачи развеяли пепел на ветер, двор окопали и огородили, оставя навеки в запустение, как место проклятое. Начальство, от имени всех зимовейских казаков, просило дозволения перенести их станицу на другое место, *хотя бы и менее выгодное*. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердия, и только переименовала Зимовейскую станицу в Потемкинскую“.

Подчеркивание социальной связи движения Разина с пугачевским восстанием, как двух одновременных проявлений исторической ненависти угнетенных народных масс к царизму и крепостничеству, как проявлений одного и того же непримирного с рабством, вольнолюбивого духа трудового народа,— сказалось и в одном из рассказов пушкинских Table-talk* „Когда Пугачев сидел на Меновом дворе, праздные Москвичи, между обедом и вечером, заезжали на него поглядеть, подхватить какое-нибудь от него слово, которого спешили потом развезить по городу. Однажды сидел он задумавшись. Посетители молча окружали его, ожидая, чтоб он заговорил. Пугачев

* 21-й рассказ по V т. Полн. собр. соч. А. С. Пушкина, изд. Academia, 1936, стр. 464.

сказал: „Известно по преданиям, что Петр I, во время персидского похода услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалеке, нарочно к ней поехал и велел разметать курган, дабы увидеть его кости“... Всем известно, что Разин был четвертован и сожжен в Москве. Тем не менее сказка замечательна, особенно в устах Пугачева“.

Говоря о том, как после разгрома Пугачева правительственными войсками реки вскрывались и выносили вниз по течению трупы убитых под Татищевой пугачевцев, Пушкин рассказывает, что „жены и матери стояли у берегов, стараясь узнать между ними своих мужьев и сыновей. В Озерной старая казачка (Разина.— А. Л.) каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: Не ты ли, мое детище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черны кудри свежа вода моет? И, видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп“ (гл. V).

Цензор „Истории Пугачева“ Николай I сделал замечание по поводу этого места: „Лучше выпустить, ибо связи нет с делом“. (Т. Зенгер, „Николай I—редактор Пушкина“, „Лит. наследство“, № 16—18, стр. 528).

Между тем, предание о старой казачке, матери Степана Разина, ищущей сына среди погибших пугачевцев, имело, конечно, непосредственную и глубокую „связь с делом“, выражая одно из существенных идейных стремлений автора „Истории Пугачева“—показать историческую связь и преемственность двух важнейших проявлений борьбы народа с рабским режимом самовластья. Вот почему, несмотря на прямое указание царя: „лучше выпустить“, Пушкин решил, воспользовавшись не категорической формой выражения

приказа, не „выпускать“ этот проникнутый лиризмом рассказ о матери Разина, а перенести его в примечания*.

А. Н. Лозанова утверждает, что рассказ этот основан на народном предании: „в предании налицо осмысление пугачевщины, как возродившейся разинщины. Подобное толкование пугачевщины весьма ярко проскальзывает в пугачевском фольклоре“**. Это — одно из свидетельств того, что народное творчество оказывало глубокое воздействие на Пушкина не только художественным своим совершенством, богатой образностью, сжатостью, яркостью и простотой языка, а и идейным своим содержанием, глубиной социальной трактовки исторических событий. Влияние народного казачьего творчества сказалось на пушкинской трактовке образа Пугачева.

Как известно, Пушкин в конце лета 1833 г. ездил в районы пугачевского восстания для того, чтобы собрать воспоминания и предания очевидцев. В Бердах он слушал 75-летнюю старуху-казачку Бунтову, записав одну из песен, которые она пела („Из крепости из Зерной..“). Отдельные проявления воздействия песенного казачьего фольклора, сказавшиеся в тексте „Истории Пугачева“ и, отчасти, в „Капитанской дочке“ и Table-talk, отмечены Н. О. Лернером в его ст. „Песенный элемент в „Истории Пугачевского бунта“ (сб. „Пушкин“, 1934, Пушкинское общество).

Но влияние народного творчества, живых ка-

* Примеч. 17-е к V гл. — А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. Academia, 1936, т. IV, стр. 521.

** „Песни и сказания о Разине и Пугачеве“ под ред. А. Н. Лозановой, изд. Academia, 1935.

зачьих преданий и песен сказалось с особенно силой в трактовке образа Пугачева.

На фоне традиционно-патриотического изображения Пугачева „зверем“, „извергом естества“ „вне законов природы рожденным“, ясно выступило своеобразие идеологического контекста пушкинской истории Пугачева. Поэт подошел к Пугачеву, как к человеку, воплотившему в своей личности глубоко-народные черты: сметливый ум, организаторские способности, великодушные, гуманность, поэтичность и мужество. Пушкин охотно подчеркивает любовь и доверие к Пугачеву в массах. „Весь черный народ,— писал Пушкин,— был за Пугачева..“ „Уральские казаки (особливо старые люди) донныне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, говорила мне 80-летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал.— Расскажи мне,— говорил я Д. Пьянову,— как Пугачев был у тебя посаженным отцом?— Он для тебя Пугачев,— отвечал мне сердито старик,— а для меня он был великий государь Петр Федорович“. „Воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия“.* Проявления жестокости Пугачева становятся понятными в пушкинском контексте,—они являются неизбежным ответом на зверства дворян и бесчинства правительственных войск.

Беспристрастие и правдивость историка, к которым стремился Пушкин, опиравшийся в своей трактовке Пугачева на исторические документы и народные предания, не могли понравиться правительству. Ряд цензурных замечаний Николая

* Заметки к „Истории Пугачева“, прим. 3 и 10. А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. Academia, 1936, т. IV, стр. 688 и 689.

направлен был к изъятию и изменению мест, реализм которых казался царю политически опасным (см. „Литературное наследство“, № 16—18, стр. 528—9).

* *

Тема о вольном казачестве может быть отнесена к любимым темам Пушкина. Она не нашла себе всей полноты выражения в творчестве Пушкина по той же причине, по какой остались невыполненными многие его смелые поэтические замыслы, осуществление которых в обстановке крепостнической России было бы немислимо. Участие трудового казачества в широких народно-массовых революционных движениях, ненависть к рабству, неугасающий дух протеста против самовласти и крепостничества, организаторские способности, боевой дух, мужество и решительность казаков являлись теми качествами, которые неотъемлемо связаны были с поэтическим образом борца против ненавистного Пушкину политического строя. Годы ужасающего политического гнета не умертвили духа свободолюбия в трудовых массах казачества. Тот же живой народный дух, суровость и простота народной правды и всегдашняя боевая готовность к ее защите, которую отмечал Пушкин в своих вынужденно-скупых реалистических зарисовках современных ему казаков, поддерживали социальный оптимизм Пушкина. Этот здоровый, активный и творческий в своей основе оптимизм вырастал в нем из уверенности в необъятной широте возможностей и могуществе сил, таившихся в трудящихся массах великого русского народа. И раскрепощенный народ, построивший социалистическое общество, стоящий на аванпостах человечества, с любовью обращает взор свой к бессмертному Пушкину.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Др. Е. Н. Рудыковский. — Встреча с Пушкиным. Из записок медика, „Русский вестник“, 1841, № 1 (Перепечатано в „Материалах“ Анненкова).

² П. И. Бартенев. — Пушкин в южной России, стр. 220 (Со слов кн. М. Н. Волконской, рожд. Раевской).

³ Жена управляющего феодосийской складочной таможней Павла Васильевича Гаевского.

⁴ П. П. Филевский. — К вопросу о посещении А. С. Пушкиным Таганрога в 1820 г. „Записки Сев-Кав. краевого общества археологии, истории и этнографии“, т. III, кн. I, вып. I, Ростов-Дон, 1927, стр. 42.

⁵ У П. А. Папкова было два дома в Таганроге: в одном из них, находившемся на Мало-Биржевой улице, Папков жил после оставления должности градоначальника, т. е. с 1822 г., другой — на Греческой улице. Дом на Греческой улице принадлежал раньше сотнику Николаенко, но за недоимки его владельца по взятому подряду постройки острога, был в 1814 г. назначен в продажу с торгов. Желавших купить не оказалось и дом был приобретен генерал-майором Папковым. Купив за 14850 руб. и оборудовав в нем полуподвальное помещение (для прислуги), Папков после ремонта перепродал его правительству за 52 тыс. руб. Дом был предоставлен для жительства градоначальнику (т. е. самому Папкову). Дом этот, после того, как в нем умер Александр I, охранялся как государственный дворец. В 1920 г. в этом здании разместились отделы исторической и местной старины музея им. Чехова, с сохранением в неприкосновенности дворцовой обстановки и мебели. В 1931 г. мебель была перевезена в городской краеведческий музей.

⁶ Екатерина Николаевна Давыдова, рожд. Самойлова.

⁷ „К числу новых рынков, открытых для отечественной торговли, — писал обозреватель („Москвитянин“, 1850, ч. III, отд. V, стр. 91—92), — принадлежит город, которого существование до 1830-х годов никто не подозревал. Это г. Ростов на Дону. Это собственно форштадт крепости св. Димитрия, которая по своему местоположению на устье (гирлах) Дона, должна была сделаться торговым рынком для казачьих земель. Теперь, благодаря счастливому развитию азовской торговли, г. Ростов на Дону служит пристанью для юго-восточной России и обещает в будущем еще значительно развиться. В 1823 г. вся его торговля не превышала 150 тысяч рублей серебром и состояла из одного железного коровьего масла. С учреждением таможни в 1836 г. отечественная торговля достигла до 342 тысяч, а к 1846 г. до

2 836 000 рублей. Что касается каботаж. То в 1823 г. не было и 120 кораблей, отправляющихся в море, а барок и плотов спускалось по Дону в Ростове на Дону около 600, в 1846 г. первых было до 1 600, вторых более 2 000. Главную статью торговли составляют льняное семя, потом шерсть и сало. Развитие деятельности г. Ростова на Дону производит благотворное влияние на казачьи земли, Кавказ, губернию Екатеринославскую и Саратовскую, произведениям которых он представляет верный и выгодный сбыт.

⁸ По сведениям, сообщенным 1 июля 1823 г. ростовским городничим таганрогскому градоначальнику, в Ростове насчитывалось 29 каменных и 316 деревянных домов, лавок на базарной площади каменных 11, деревянных 58, ярмарочных 344, из которых 120 принадлежат городу Нахичевани, „кофейных домов и рестораций не имеется“, „заводы же водочной и кирпичной находятся без действия, первый по незаготовленности хмояном материалов, а второй по случаю предположения к уничтожению“. 27 июня того же года Нахичеванский магистрат сообщал таганрогскому градоначальнику, что на общее количество 1 855 домов в Нахичевани было 307 каменных, 576 лавок, 13 ренсковых погребов, 23 магазина, 4 кофейни. В Нахичевани действовало 5 водочных, 4 кожевенных, 5 салотопенных, 3 издестковских, 3 кирпичных и 6 черепичных, 5 рыбных заводов, 15 ветряных мельниц, 4 шелковых плантаций.

⁹ О том, какие формы приобретали взаимоотношения жителей двух городков, дает представление, напр., побывавший в Ростове и Нахичевани в 1809 г. автор „Писем о Крыме, об Одессе и Азовском море“, изданных на французском языке с параллельным русским текстом в Москве, у книгопродавца Бува, в тит. Н. С. Всеволожского, 1810. „Берега Дона, — записал этот путешественник, — довольно хорошо населены, в особенности казаками, называющимися донскими; здесь видно много деревень и несколько лесов; время наводнения уже прошло, и сия река была в настоящем своем положении. Мы ее проезжали, отсюда в миле, на барке, которую наняли для перевоза в Ростов. В течение трех часов мы ехали по различным рукавам Дона... Когда мы приблизились к самому Ростову, от которого отделены были одним только рукавом на 50 тоазов, наша барка стала на мель. Мы кричали, чтоб нам подали помощь из Ростова, где видно было много челноков и барок, однако никто не тронулся с места! Мы решились пуститься вплавь, оставя нашу барку... Когда мы уже находились в Ростове, то спрашивали, для чего нам не подали помощи, нам отвечали, что место, на котором наша барка обмелела, принадлежит Нахичевану,

городу, стоящему в миле от Ростова, им и не хотелось мешаться в дела своих соседей". — „Я думаю, — добавляет автор, — что если бы мы потонули, то они посмотрели бы на нас с одинаковым хладнокровием!". Далее автор „Писем" сообщает, что „Ростов есть небольшой город, в котором ничего замечательного; жители производят торг и рыбную ловлю. Здесь продают в великом множестве осетров... Сидля есть неисчерпаемая помощь для жителей берегов сей реки; все соседние селения также богатеют от сего промысла... Мы заезжали в Нахичевань, город, наполненный армянами. Сей город знатнее, правильнее расположен и богаче Ростова. Армяне производят торговлю на Дону; мы там видели много магазинов с различными товарами, а особенно с шелками...".

¹⁰ В приложенной к рапорту Нахичеванского армянского магистрата таганрогскому градоначальнику Н. А. Наумову от 27 июня 1823 г. „Записке" сообщаются следующие сведения по истории города: „Из истории о Армянском царстве значит, что по разрушении оного, последовавшем в 1374 году, Армянская нация, будучи угнетаема и разоряема от персиян и турок, разделилась на многие части, — из которых некоторые, оставя свое отечество, разошлись по другим разным государствам, — в том числе одна часть в 1385 году поселилась в бывшем Крымском полуострове, именуемом ныне Таврией, состоявшем тогда во владении Генуэзской Республики, — когда же в 1475 году Крымский полуостров завоеван был у генуэзцев турками и татарами, то и армяне попали под владычество их, что продолжалось до времен покорения оного российской державою, то-есть: до 1779 года. А в сем году по всеобщему желанию их, во избежание турецкого ига, с помощью российских войск, выведены оттоль, и поселены на отведенной им по всемилостивейше жалованной в 14 день ноября того 1779 года грамоте земле, ныне ими занимаемой — которая отдана и отмежевана в 1780 и 1781 годах, в коих наименованный по той жалованной грамоте город Нахичеван, то есть: первое поселение, начал строиться, и положенный по оной магистрат тогда же учрежден".

¹¹ Заинтересованное в переселении армян с территории Крымского ханства в пределы тогдашних Новороссийской и Азовской губерний, русское правительство предоставило переселенцам ряд привилегий, сохранив за ними право на самоуправление. Потом все привилегии были отняты. Данные нахичеванским армянам льготы по сбору податей и повинностей уже в начале XIX века, несмотря на жалобы, подаваемые магистратом царю, нарушались губернским начальством. Магистратское самоуправление было постепенно к

1859 г. следено на-нет; за „всемиловейше пожалованную нахичеванскому обществу навеки“ землю нахичеванские крестьяне должны были с 1887 г. выплачивать выкуп правительству. Но с особенной неприязнью был принят нахичеванцами указ о всеобщей воинской повинности, всей своей тяжестью легший, разумеется, на крестьянство и городскую бедноту. В фольклоре нахичеванских армян особое место занимают песни, связанные с темой солдатчины. Приводим одну из этих песен в прозаическом переводе (напечатана в указанной работе Е. Шах-Азиса):

Я достиг двадцати одного года,
Отец и мать плакали,
Ох, ох, ох, люди добрые,
Никто меня не освободил.

Схватили меня, как скотину,
Взяли как овцу,
Ох, ох, ох, люди бедные,
Я достиг двадцати одного года.

Взяли, поставили под станок,
Смерили грудь и рост,
Ох, ох, ох, люди добрые,
Мне исполнился двадцать один год.

Отوبرали армянский чекмень,
Надели солдатскую шинель,
Ох, ох, ох, люди добрые,
Я достиг двадцати одного года.

Отوبرали армянские сапоги,
Надели солдатские сапожища,
Отوبرали армянский картуз,
Надели солдатский картуз,
Ох, ох, ох, люди добрые,
Я достиг двадцати одного года.

Дали мне с кислым борщем другой хлеб,
И я должен забыть про свой хлеб,
Ох, ох, ох, люди добрые,
Никто меня не освободит.

¹² Работа эта на армянском языке напечатана была в „Азгагракан Андис“ („Этнографический вестник“) и отдельным изданием в Тифлисе в 1903 г.

¹³ Донесения руководителя разгрома этого крестьянского движения гр. А. И. Чернышева напечатаны в вып. IX сборника исторических материалов, извлеченных из „Архива Собств. Е. И. В. канцелярии“, 1915. В описании перечня событий этого восстания мы используем следующие источники: И. Игнатович, „Из истории движения крепостных кре-

стьян на Дону" („Историк-марксист“, 1935, № 2—3); А. А. Карасев, „Донские крестьяне“ („Труды Донского войскового статистического комитета“, вып. I, Новочеркасск, 1867, стр. 72—118); А. Карасев, „Чернышев на Дону“ („Исторический вестник“, 1903, № 7, стр. 222—234); официальное издание „Столетие военного министерства“, 1802—1902, т. I, ч. I; подполковник А. П. Никольский, „Главное управление казачьих войск“, стр. 164—169; К. В. Марков, „Крестьяне на Дону“. „Сборник Областного войска Донского статистического комитета“, 1915, вып. XIII, стр. 110, Новочеркасск, В. А. Закруткин, „Братья-разбойники“, „Красная новь“, № 6, 1936. Ряд интересных сведений о восстании близ Екатеринослава и о знакомстве Пушкина с фактами восстания опубликованы также днепропетровскими работниками. См. также журнал „Сов. литература“, Киев, № , посвященный Пушкину. Того же вопроса касались: Н. Бродский, „А. С. Пушкин“, 1937; „Пушкин на Украине“, Киев, Укр. Гиз, 1937; В. Закруткин, „Екатеринославская мечта о свободе“, „Таганрогская правда“, 24 октября 1936; Ан. Линиц, „Листки истории“, газета „Молот“, 9 января 1937 (Ростов-Дон).

¹⁴ „Поэту,—сообщает „Донской голос“,—очень понравился донской женский костюм: кубилек, колпак и донская шуба, опушенная поречней. Пушкин неоднократно надевал шубу и на голову колпак, не подвертывая, одно ко, конца, как это делают казаки, а оставляя его висячим“.

¹⁵ Адрес указан неточно. Небольшая деревянная Михайло-Архангельская церковь, одна из старейших новочеркасских церквей, находилась на Архангельской улице, составлявшей продолжение Александровской улицы.

¹⁶ На фоне всероссийской военно-бюрократической муштры донцы-казаки производили отрадное впечатление не только на Пушкина. Жена французского консула в Одессе, Адель Оммер-де Гелль, оставившая след в биографии Лермонтова, описывая свое путешествие 1840 г. в „Voyages dans les stephes de la mer Caspienne dans la Russie (Mérídoniale, Paris. 1860, p. 69), отмечает свое пребывание в Ростове следующей записью: „Население из русских, греков и казаков по своему характеру совершенно не может идти в сравнение с малоподвижностью и военной муштрой, которые кажется руководят всеми действиями русских. Влияние народа, бывшего долгое время свободным, сказалось... Общество в Ростове несравненно приятнее, чем в большинстве губернских городов. „Чин“ (le tchine) не преследует здесь вас повсюду, как в других местах, своими смешными и нелепыми претензиями. Здесь полное смешение народностей, вкусов, понятий и каждый устраивается великолепно. Это тайное

Влияние, которое казаки оказывают на русских, есть явление достойное внимания и, кажется, доказывает, что угнетенность этого последнего народа зависит более от его политического устройства, а не от его национального характера. Его естественная веселость, подавленная инквизицией абсолютизма, одерживает верх, когда представляется удобный случай. В России можно видеть чиновников, смешивающихся с казаками и греческими негоциантами и их горделивое чванство не бьет тревоги по сему случаю“.

¹⁷ Основой этой заметки являются устные предания, записанные со слов А. М. Андреева-Туркина (бывшего ломовым извозчиком и возившего грузы по югу России и к берегам Дуная), Николая Петровича Антили, слесаря (отливавшего в 1825 г. цинковый гроб Александру I), и К. Н. Аверино.

¹⁸ Антимилитаристический смысл „Делибаша“, подчеркивание нелепости военного „героизма“ и жестокой бессмыслицы кровопролития, неоднократно отмечались критиками различных взглядов и убеждений. Из современных авторов об антивоенной направленности „Делибаша“ говорит Ю. Тынянов („Путешествие в Арзрум“, „Пушкин“, временник, II, Ленинград); из старых работ отметим, напр., книжку „Из поездок по России“, сочинение М. Чистякова, изд. Я. А. Исакова, СПб, стр. 128—9: „Первое впечатление, производимое этой картиной („Делибаш“),— смелость, проворство, удаль и ловкость бойцов. Остановился ли Пушкин на нем, мудрено сказать: он часто описывал явление, затаивая чувство; но чувство и мысль читателя идут дальше, и жаль было бы, если бы они дальше не шли, если бы у него после этой сцены убийства вырвалось только одно восклицание: „Каковы! Молодцы!“ Да, молодцы! Но, ведь, они были люди. Разве для того они были рождены, чтобы убить друг друга? Разве для того их лелеяли матери, учили первому лепету, первым молитвам, внушали им понятия добра, жалости, снисхождений, участия? И вот они в свирепой схватке, как звери, бросаются друг на друга...“

ИСТОРИК ВОЙСКА ДОНСКОГО В. Д. СУХО- РУКОВ И А. С. ПУШКИН

I

По имеющимся биографическим данным,¹ В. Д. Сухоруков происходил из обер-офицерской семьи Черкасского округа войска Донского.

Дата его рождения, точно не установленная, в различных биографических очерках относится то к 1794, то к 1795 г. В послужном списке за 1830 г. отмечен его 35-летний возраст. Закончив новочеркасскую гимназию, он поступил в 1812 г. в харьковский университет, где окончил курс по отделению правоведения со степенью кандидата прав в 1815 г. 1 октября того же года был зачислен в штат войсковой канцелярии, а в следующем году был произведен в хорунжие.

В ноябре 1819 г. к Комитету по выработке положения о войске Донском был прикомандирован полковник (впоследствии генерал-майор) Иван Федорович Богданович, в ведение которого поступили все чиновники, занимавшиеся статистическими работами, программа которых была разрешена в соответствии с задачами работы Комитета.

Через год были представлены описания всех округов. Потребовалась их обработка. Помимо статистического описания, признано было необходимым составление и военной истории войска Донского.

Для выполнения этих трудов Богданович „из всех донских чиновников, находившихся под его начальством“, в марте 1821 г. избрал Сухорукова, назначив ему в помощь А. К. Кушнарева, П. А. Поснова, а впоследствии и М. Г. Кучерова².

Так как на месте нельзя было найти достаточного количества материалов для истории (войсковой архив в 1744 г. был уничтожен пожаром), испрошено было разрешение осмотреть другие, соседние архивы. Работы были распределены так: Сухорукову нужно было собрать материал по всем донским округам и осмотреть архив быв. крепости Новохоперской, а сотрудники его должны были объехать другие места.

(Сухоруков посетил, между прочим, и Ростов и из архива крепости св. Дмитрия извлек 863 дела и много планов, карт и чертежей,— см. А. Т. Стефанов, „Архив крепости св. Дмитрия Ростовского и его судьба“, „Записки Сев.-Кав. об-ва археологии, истории и этнографии“, т. III, кн. I, вып. I, Ростов-Дон, 1927, стр. 17).

„Проезжая по станицам, Сухоруков осмотрел станичные архивы и различные памятники старины и собрал много устных преданий старожилов, а состоявший при нем землемерный помощник нанес на карту места, где находились старые казачьи городки, старинные укрепления и городища“.

Вскоре на Сухорукова обратил внимание и член Комитета об устройстве войска Донского генерал-адъютант Ал. Ив. Чернышев, по распо-

режению которого Сухоруков в августе 1821 г. был назначен письмоводителем Комитета.

В декабре 1821 г., отправляясь в Петербург, Чернышев взял с собой и Сухорукова и возложил на него исполнение поручений по собственной канцелярии. Состоя при Чернышеве, Сухоруков в январе 1822 г. был зачислен корнетом лейб-гвардии казачьего полка, а в следующем году произведен в поручики. Биографы сообщают, что „во время нахождения при Чернышеве в Петербурге Сухоруков жил в одном с ним доме, занимая одну или две комнаты, и был самым близким к нему человеком“.

Стремясь иметь атаманом войска Донского своего ставленника, Чернышев, может быть, возлагал в этом отношении надежды на Сухорукова³.

Живя в Петербурге, в марте 1822 г. представив Богдановичу план своей исторической работы, Сухоруков неустанно собирал материалы к описанию прошлого земли войска Донского. В этом деле особенную помощь оказывал ему П. М. Строев, который в 1823—1824 гг. систематически присылал ему выписки из московского архива государственной коллегии иностранных дел. (Выписки эти, по свидетельству Строева, заняли более трех тысяч листов).

В руках Сухорукова, таким образом, сосредоточилось обширное собрание материалов по истории Дона.

10 ноября 1824 г., по возвращении с маневров и затем из командировки по Новгородской и Псковской губерниям, Сухоруков писал Строеву: „я теперь надеюсь всю зиму провести на месте, в Петербурге, и буду заниматься одной донской историей“.

В 1825 г. Сухоруков сопровождал Чернышева

в его поездке в Таганрог, в Петербург он не возвратился, а уехал в Новочеркасск. 6 декабря 1825 г. он получил предписание Чернышева о прикомандировании его к Богдановичу для окончания статистики и истории войска Донского.

После процесса декабристов, за прикосновенность к их делу Сухоруков был взят под бдительный тайный надзор⁴.

15 ноября 1826 г., уезжая из Новочеркаска, Богданович приказывал Сухорукову продолжать составление истории и, что будет окончено „совокупно с прочими чиновниками“, через каждые две недели, вчерне, доставлять к нему в Петербург; также доставить к нему „ведомость всем выпискам из государственного архива и из других мест“.

Сухоруков представил опись имевшихся у него актов и выписок, но Богданович нашел ее подозрительно-краткою и 13 января 1827 г., опасаясь использования Сухоруковым имевшихся у него документов, предписал ему „непременно“ доставить засвидетельствованные копии со всех актов и выписок, „в коих что-либо относится до привилегий войска Донского; прочим же актам сделать опись, хотя и краткую, но с пояснением главного содержания оных и также доставить к нему в самократчайшем времени“. При этом требовал „чистосердечно и откровенно“ объяснить ему: не было ли когда-нибудь с актов, относящихся до привилегий, выдано кому-либо копий или не передавались ли они „в оригинале какому-либо лицу по службе или партикулярно“.

В феврале 1827 г. получено было предписание, обязывавшее Сухорукова выехать на службу в отдельный кавказский корпус в чине сотника и сдать при подробной описи без утайки и „с полной откровенностью“ все находившиеся

4 А. С. Пушкин на Дону.

у него материалы, чтобы ни одной из бумаг и никакого с них списка или копии не выданными не оставалось. В случае удержания у себя какой-либо части этих материалов, Сухоруков подлежал „строжайшей ответственности пред высшим начальством“. Так как Сухоруков в это время заканчивал заказанное ему начальством историческое описание земли войска Донского, то предписания ему не предъявили до тех пор, пока работа не была закончена, т. е. только 26 июня.

27 июля передача материалов была закончена⁵, а с 29 июля Сухоруков был уже в пути с Дона в Грузию, а затем в походе в Персию.

На Кавказе он встретил Грибоедова, с которым был знаком еще в Петербурге в 1826 г.⁶, и по его рекомендации был зачислен на службу к начальнику штаба кавказского корпуса барону Дмитрию Ерофеевичу Остен-Сакену для особых поручений, а по уходе последнего из корпуса, был назначен состоять при командовавшем корпусом генерале (впоследствии фельдмаршале) гр. Паскевиче. Здесь он составлял военные репортажи.

Помимо того Сухоруков принял участие в „Тифлисских ведомостях“, в которых поместил ряд статей (без подписи) и вел неофициальный отдел. Известны также его попытки писать историю Грузии⁷.

Паскевич поручил Сухорукову составить описание войны 1828—1829 гг. в Турции. За отличия в военных действиях Сухоруков представлялся к наградам: за кампанию 1828 г. получил он владимирский крест 4-й степени с бантом, а за штурм Ахалциха награжден золотою саблею с надписью „за храбрость“.

13 января 1830 г. прибыл в Тифлис из Петербурга фельдъегерь с приказом взять из Тифлиса Сухорукова, опечатав все его бумаги. „Началь-

ник главного штаба гр. Чернышев, — сообщает автор пятитомной официальной истории Паскевича князь Щербатов⁸, — отношением несколько инквизиторского направления спрашивал: почему Сухоруков состоит при фельдмаршале и почему у него имеются записки по персидской (турецкой — ?) кампании“.

Опасаясь, как бы обнаружение у Сухорукова политически предосудительных документов не бросило тень на самого „покровителя“, гр. Паскевич секретно вызвал Сухорукова к себе и, предупредив о предстоящем обыске, спросил, нет ли у него чего-либо подозрительного⁹.

Все бумаги Сухорукова были опечатаны и в ночь он с фельдъегерем выехал в путь, а 16 января 1830 г. Паскевич доносил Чернышеву:

„В числе бумаг, опечатанных у сотника Сухорукова, находится историческое описание войны 1828 и 1829 годов, составленное им по моему приказанию. Употребление Сухорукова к такому поручению, когда он, как известно, замешан в происшествии 14-го декабря и находится под секретным надзором, не должно удивлять вас, милостивый государь, ибо в одинаковом с ним разряде находились многие, служившие при мне, как то генерал-майор Бурцев, полковник Леман, поручик Пущин, Искрицкий и полковник Вольховский были в замечании¹⁰. Не имея других, которые бы с пользою употреблены быть могли, я, по малому числу людей в сем корпусе способных, принужден был давать поручения мои сего рода чиновникам. Таким образом и Сухоруков употребляем был сначала генералом-майором бароном Остен-Сакеном по канцелярии начальника штаба, а потом, год тому назад, я поручил ему составление исторических записок кампании 1828 и 1829 годов.

За 1828 г., сколько мне помнится, написаны высокопарно, за 1829 г., читанные мне в прошедшем месяце, я нашел довольно хорошими. В записках сих одно только поверхностное описание военных действий, но к сему я предполагал добавить описание статистическое, переписку дипломатическую и часть продозольственную, как важнейшую при военных действиях в сих землях, поручив оные составить лицам, в войне сей участвовавшим каждому по своей части.

Предмет сих записок не для публики, я намерен был со-
ставить из оных секретную историю и представить на Высочайшее Благоусмотрение Государя Императора, дабы, сохра-
няясь в штабе, могли служить руководством на предбудущее
время и происшествия прошедших (лет) не были вовсе по-
теряны; ибо до сего времени не было у нас достаточных ма-
териалов и при печатии каждый раз войны надлежало соби-
рать все вновь, как бы в странах, где никогда войска наши
не вступались. Изложив все сие вашему сиятельству, прошу
ваше милостивый государь, довести сие до Высочайшего Его
Императорского Величества сведения*.

Сухоруков между тем был доставлен в Но-
вочеркасск, а через две недели состоялся при-
каз о переводе его в Финляндию в казачий полк
Фомина. Интересуясь винокурением и промыш-
ленным опытом местного населения и не пре-
крашая занятий донской историей¹¹, он, видимо,
тягостно переживал свою оторванность от род-
ного края и просил об увольнении и разрешении
вернуться на Дон.

Между тем Чернышеву донесли, что генерал-
губернатор Закревский стал с доверием отно-
ситься к Сухорукову и давать ему поручения.
Это способствовало тому, что просьба Сухору-
кова о возвращении на Дон была удовлетворе-
на¹². Одновременно войсковому атаману было
приказано взять Сухорукова под особый надзор
и доносить Чернышеву о его поведении.

16 ноября 1831 г. Сухоруков вернулся на
родину¹³. Здесь он заарендовал имение у земле-
владельцев Картушиных.

В неурожайный голодный 1833 г. Сухору-
ков предпринял большую операцию по заготов-
лению на Волге хлеба для картушинских кре-
стьян и был по проискам казенного комиссионе-
ра, повидимому, без достаточных оснований, об-
винен в спекулятивном повышении цен на хлеб¹⁴.
Жалоба на него, поданная наказному атаману,
не оправдалась, но в августе 1834 г. Сухоруков

был снова отправлен в полк Евсеева № 9 (впоследствии № 20), на Кавказскую линию, где служил по 26 июля 1839 г. В 1837 г. по вакансии был произведен в чин есаула¹⁵. Неугомонный Сухоруков и здесь не оставлял своих любимых литературно-исторических занятий, продолжая вести переписку „с оказией“ со старыми знакомыми и обходя запрет начальства иметь у себя на руках копии архивных документов.

„Бывший председатель Донской межевой комиссии Н. И. Горский,— говорит генерал И. Ульянов¹⁶— сказывал мне, что Сухоруков пользовался особенным вниманием кавказского героя Вельяминова, слывшего в свое время чуть не за людоеда. Сухоруков написал для него с памяти очерк истории Дона. Находясь тогда тоже при Вельяминове, Горский имел список с этой истории. Как он передавал мне свои сведения, очерк был им отослан за границу для напечатания. Повидимому, последнее не состоялось, а Горский вскоре умер“.

Желая использовать Сухорукова, но не решаясь сделать это без ведома Чернышева, генерал Вельяминов просил разрешения назначить Сухорукова секретарем Ставропольского статистического комитета и допустить к разработке местных архивов. На представлении Вельяминова Чернышев, бывший тогда военным министром, написал резолюцию: „Евсеева полка сотника Сухорукова употреблять только по кордонной службе“¹⁷.

Будучи уволен в отставку, В. Д. уехал в Новочеркасск¹⁸ и умер здесь 13 августа 1841 г.

В кругах донской общественности он оставил по себе светлую память. Неизменно доброжелательные отзывы о нем переходят в устах людей, оппозиционно относившихся к царской политике на Дону, в безудержную апологетику: его причисляли к „героям-мученикам“ за донской народ, „имя его,— писал в 1871 г. историк Дона А. А.

Карасев („Русская старина“, февраль), — до сих пор с благоговением произносят в донских палатах и хижинах. Эта личность, обязанная своей известности единственно своему светлому уму, прекрасному образованию и постоянному труду, испытала много горя, в котором и сошла в могилу“.

II

Творческая деятельность Сухорукова развивалась довольно широко¹⁹, но учесть ее результаты сейчас трудно. Остатки рукописных фондов Сухорукова не обследованы²⁰. Опальное положение автора обусловило невозможность своевременного появления в свет его работ, многого он не мог выпускать за своей подписью. Так, о приготовленной им в Пятигорске в 1835 г. рецензии на историю войска Донского Броневского Сухоруков писал в письмах от 28 и 31 августа того же года: „Разбора Броневского я от себя печатать не хочу; если угодно атаману, пускай напечатает от себя...“ „Для напечатания его не хочу принимать никакого труда. Если угодно атаману, то пускай напечатает сам, но только объявивши официально, что в напечатании была собственная его воля, иначе я никак не могу“²¹.

Атаман не решился официально предложить к печати книжку политически неблагонадежного автора, и рецензия, ходившая по рукам в списках, увидела свет лишь через 30 с лишком лет, в „Донском вестнике“ 1867 г. Но и спустя много лет после смерти Сухорукова, работы его („Историческое описание Земли войска Донского“, „Статистическое описание Земли войска Донского“ и др.) появлялись в печати без указания на обложке имени автора.

Наконец, были случаи бесцеремонного „ис-

пользования" материалов и работ Сухорукова другими лицами. П. М. Строев утверждает, что, используя часть собранных для „Исторического описания“ Сухорукова материалов, писал свою „Историю войска Донского“ Броневский. Наконец, в „Заметках (И. Ульянова) по поводу материалов для биографии Сухорукова“ приводится рассказ о том, что, когда Сухорукова взяли от Паскевича, то записки его о турецкой войне „поступили к адъютанту Ушакову, который издал их после под названием „История военных действий в Турции в 1828 и 1829 годах“, от своего имени, скрыв настоящего автора. Сильно возмущен был Сухоруков этим и присылкою ему Ушаковым экземпляра книги с нахальною надписью „от автора“. Сухоруков писал в Варшаву, требуя записки, как свою собственность, но получил отказ под предлогом, что записки принадлежат штабу“ (Азово-Черноморское краевое архивное управление, исторический отд., фонд Сухорукова, дело № 7)²².

Занятия историей войска Донского стали любимейшим и важнейшим делом жизни Сухорукова. Он не оставлял этих занятий, несмотря на все тяготы судьбы политически поднадзорного и ссыльного человека. Сдав по приказу Чернышева накопленное им ценою огромных усилий и трудов богатое собрание материалов по донской истории, он продолжал собирать нужные ему сведения и выписки из архивных дел.

Основная идейная устремленность его исторических изысканий может быть уяснена из анализа ряда его работ. Основным его сочинением, не без оснований признанным серьезнейшей и лучшей работой по истории Дона, является „Историческое описание Земли войска Донского“. Эту работу, отразившую в себе многие достоинства

историка, нельзя все же считать наиболее показательной для определения идейных его взглядов и убеждений.

До 1825 г. Сухоруков питал надежду на то, что ему удастся составить полную историю войска Донского.

Но уже 16 марта 1825 г. он писал Строеву:

„Вы спрашиваете, как идет моя история. К сожалению, не могу похвалиться перед вами большим успехом. Меня ужасно торопят и требуют историю почти по заказу, на срок. Можете в полной мере, милостивый государь, и более, нежели кто другой, видеть, как это расстроило ход моих занятий... Я начал писать историю подробную, в том плане, который имел честь читать вам; само собою разумеется, что на сие дело требовалось особенное и весьма достаточное время, а особливо по тому образу жизни, какой достался мне в удел по теперешней службе. Слыша строгие приказания о поспешности, я принужден был бросить все написанное в подробном плане и теперь занимаюсь совсем на иной лад: хочу составить собственно для команды (для начальства) историю вдвое или втрое короче, нежели предполагал раньше, а подробно займусь особенно для издания... Ах, как зов я на мою команду!“

Написанное специально „для команды“, по ее „строгому приказанию“, „Историческое описание“ подверглось потом переработке и строжайшей политической цензуре. В тридцатых годах ген. И. Ф. Богданович поручил Поснову, есаулам Кушнареву, Кучерову и назначенному к ним в помощь Пудавову произвести тщательный пересмотр трудов Сухорукова по историческому и статистическому описанию Земли войска Донского.

Выполняя специальное поручение Богдановича, Кушнарев, Кучеров, Поснов и Пудавов заново переписали указанные работы Сухорукова, заменив те „места, которые казались им слишком резкими“. Бывшие сотрудники Сухорукова постарались сгладить политическую остроту его

исторической концепции. Отдельные главы они подвергли коренной переработке. Так, например, глава о происхождении донских казаков в переработке Кушнарера и др. представляет собой изложение точки зрения Карамзина на этот вопрос, дополненное замечаниями, идущими вразрез с взглядом Сухорукова, высказанным в его рецензии на „Историю Донского войска“ В. Броневского²³. В 1834 г. труд Кушнарера и других был закончен; все документы и материалы сданы генералу Богдановичу, а „Историческое описание Земли войска Донского“, переработанное четырьмя указанными лицами, поступило на рассмотрение правительства и только в 1867—1872 гг. было впервые выпущено в свет. Таким образом, специальное назначение этой книжки („для команды“) и тщательная цензура обеспечили освобождение ее от специфики политических воззрений Сухорукова на историю донского казачества, сохранив за ней лишь ценность собрания историко-фактических данных; „Историческое описание“ охватывает период до начала XVIII века.

Более ясное выражение нашли себе взгляды Сухорукова в „историческом очерке“, напечатанном в 1824 г. в „Русской старине“: „Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях“ и в рецензии на книгу Броневского.

Значительную роль в сухоруковском историческом описании казачьего обихода XVII—XVIII вв. играет характеристика народных обычаев, преданий, обрядов, игр. Но особенно важное значение придает он изучению казачьего народного творчества. Фольклор, с точки зрения Сухорукова, отражает сокровенные казачьи думы и чувства. „Донцы любили в старину,— пишет он в „Общежитии донских казаков“,— славить дела свои в

народных песнях. На всякое замечательное происшествие, даже на каждый важный подвиг своего соотечественника они тотчас сочиняли новые песни, которые все имеют собственный характер. Песни народные,—повторяет он ту же мысль спустя несколько лет (в рецензии на книгу Броневского),— „это зеркало, в котором отражаются и являются в истинных образах все стили народного духа, вся внутренняя жизнь народа: в них видите, что двигало ум его, чем пленялось его чувство, какие страсти преобладали в нем. Словом, в них излита душа народа с резкими чертами его физиономии“²⁴.

Вот почему, считая фольклор правильным отражением народной жизни и придавая памятникам казачьего творчества значение исторических документов, Сухоруков неоднократно подчеркивает важность собирания и изучения песен. В „Донских ведомостях“ 19 марта 1903 г. № 63 был опубликован хранившийся в донском музее документ, извлеченный из акишевского станичного архива, содержащий в себе подробно изложенную программу действий Сухорукова, как историка войска Донского. В этом документе, вслед за указанием на необходимость архивных разысканий, говорится о том, что „многое объясниться может из старинных песен наших, в коих обыкновенно описываются военные подвиги казаков и самые происшествия почти даются верно, ибо они всегда сочинялись самими теми людьми, кои в них участвовали и простым языком предков наших“²⁵. Такую функцию важного исторического документа, отражающего взгляд казачьих масс на то или иное событие, выполняют в очерке Сухорукова „Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях“ в большом количестве рассыпанные по тексту по

словицы, поговорки, предания и песни, сопровождаемые нотами²⁶.

Не случайно первые свои исторические работы Сухоруков посвящает описанию „общезития“ донских казаков в конце XVI, в XVII—XVIII вв. Этот этнографический уклон характерен для его подхода к задачам историка. В истории его прежде всего и главным образом интересует определение особой сущности народа. Сущность эта определяется не в соответствии с какими-то провиденциальными предназначениями, а на основе анализа материальных и духовных форм бытия и культуры народа. Судьбы народов подчинены исторической закономерности.

„В истории человечества,— пишет Сухоруков, полемизируя с Броневским,— события не вырастают сами собою без связи с прошедшим; как же возможно допустить, чтобы явление на сцену мира казачества, объявшего собою столь большое пространство и произведшего такие многозначные последствия, было делом случайным, а не следствием одного общего стремления и таким явлением, которое приготовлено предшествовавшими событиями?..“

„... В народном духе казаков,— отмечает составленное Сухоруковым „Статистическое описание Земли войска Донского“ (стр. 109),— есть навык выказывать всегда братство и равенство, однакож никогда не преступают (они) границ чинопочитания. Любовь к родине, к своему званию, сильная привязанность к собственным обычаям вселяют у них единоплеменные, составляющее народную характерность дождов“.

В прошлой истории казачества особенно любовно подмечаются и описываются Сухоруковым воинственный, непокорный „буйный дух“ казаков, чувство уважения к личности, их спартански мужественные нравы и любовь к родному краю, патриархальная простота взглядов и обычаев.

„Древность наша заключается в рыцарской жизни казаков, в которой вы не встретите ничего похожего на нынешнее... Казаки.. проводили всю свою жизнь, точно как на-бываках, не могли поэтому заботиться ни о красоте, ни об удобности домов своих... Казаки гордились своею бедностью, и однажды, подобно скифам, они отвечали крымскому хану на письмо, в коем он угрожал притти сам для опустошения их жилищ: „Донские казаки угроз твоих не боятся: хотя их городки некорыстны, оплетены плетнями и обвешены терном, но доставать их надлежит твердыми головами; стад же и табунов у нас мало: напрасно забьешься ты в такую даль...“ Даже самое оружие, с которым казаки выходили на брань, имело бедную наружность: ни на саблях, ни на ружьях, ни на луках не было никаких украшений“.

Поддерживаемый постоянными войнами жил в казачестве дух коллективизма. „Особенно казаки личное оскорбление товарищей своих принимали бесчестьем целому народу“. „Жили они истинно по-братски; всякий открывал чистосердечно, что намерен делать завтра, послезавтра и т. д. В старину товарищества казаков разделялись по сумам... Человек десять, двадцать и более товарищей имели общую суму, в которой хранили свой запас и все добычное; потому мы еще и ныне называем товарища и друга — односум“. „Сия*привольная и братская жизнь сильно привязывала казаков к родине; они славили свой тихий Дон, называя его — кормилец родимый. В плену и на одре смертном казак, прощаясь мысленно со всем, что имел драгоценного в жизни, всегда обращался к Дону: „Прости, тихий Дон Иванович! Мне по тебе не ездить, дикого зверя не стреливать, вкусной рыбы не лавливать“. Во всех старинных наших песнях и даже в официальных бумагах вы найдете отпечаток сей страстной народной любви“.

В идеальном плане рисуются Сухоруковым черты казачьего самоуправления.

„Каждый день собирались на площадь судить в кругу своем о делах общих и част. „В мае главное войско

рассматривало дела станиц и распределяло казаков. Для сего атаман со всеми старшинами, составлявшими правительство, известное в народе под именем Всевеликого войска Донского, выходил за город на возвышенные места, кои не потоплялись бывающими в сем месяце разливами Дона, и там, разбив лагерь, творили суд. Являлись челобитчики с просьбами о поновлении границ, о которых вышел между станицами спор, и сонм старейшин или поручал одному из среды своей разобрать дело на месте или склонял тяжущихся к согласию на общую правду". Атаман обращался с казаками "как товарищ, по-братски. Всякий казак называл его просто по имени-отчеству. В доме его собирались казаки беседовать о житье-бытье: сюда приходил всяк кто хотел, без зову"... "В это время более всего развилась у казаков гражданская жизнь, они чувствовали и достоинство и славу свою, гордились своим именем, называя себя: казачество Донское вольное, бесстрашное".

Эта идеализация выборных атаманов и казачьего самоуправления и всего вообще старого казачьего уклада политической и общественной жизни получала особое звучание в годы, когда правительство Александра I, опираясь на орудовавшего в Донском комитете Чернышева, старалось урезать жалкие остатки сохранившихся от старых времен вольностей и прав казачьей старшины на самостоятельную гражданскую и военную власть над донским казачьим войском.

Известно, что до XIX века царское правительство применяло тактику поощрения донской казачьей старшины, закрепляя за ней ряд привилегий. Старшина была уравнена с армейскими чинами и получила таким образом дворянские права. В 1796 г. к донской старшине прикрепили крестьян, записанных за ней по пятой ревизии и т. д. Старшина владела громадным количеством земель, была обеспечена в известной мере рабочей силой и имела возможность увеличивать ее путем закрепощения пришлого населения. Вся гражданская и военная власть в крае, все руководство донским войском находились в ее руках.

Но в первой четверти XIX в. укрепление политического значения донского дворянства показалось опасным правительству Александра I. Важная роль Донского казачьего войска, поселенного вблизи Кавказской линии, в полной мере учитывалась русским правительством, которому выгодно было иметь в своем подчинении вполне послушный административный аппарат для управления донским войском. Эти планы поручено было реализовать, через учрежденный в 1819 г. Донской комитет по выработке нового войскового положения, А. И. Чернышеву, самое появление которого на Дону (в качестве члена этого Комитета) было встречено атаманом Денисовым и казачьей верхушкой враждебно. Между атаманом, стоявшим на страже интересов казачьей старшины, и Чернышевым, отстаивавшим правительственную линию, началась упорная борьба.

Борьба эта, по донесениям Чернышева Александру, касалась, главным образом, вопросов местного землевладения донского дворянства и объема власти атамана. „Комитет, предводительствуемый Чернышевым, — говорит донской историк А. А. Карасев,²⁷ — присваивал себе исполнительскую власть в таких случаях, которые подлежали действию войскового правительства, во главе которого стоял атаман“. Борьба, в процессе которой Денисов пытался привлечь на свою сторону Аракчеева, но безуспешно²⁸, закончилась смещением с должности и отдачей под суд атамана Денисова и временной капитуляцией казачьей старшины, запуганной к тому же вспыхнувшими в 1818—1820 гг. восстаниями крестьянства.

Позиция Сухорукова в этой борьбе была довольно определенной. Его исторические труды давали теоретическое подкрепление чаяниям и

стремлениям казачьей старшины, оппозиционно настроенной к реформе донского законодательства, проводимой царским ставленником Чернышевым. Не случайно в XVI, XVII и XVIII вв. Сухоруков выискивал те моменты в исторических взаимоотношениях казачества с царским правительством, которые характеризовали либо известную степень независимости донцов, либо особый характер тех привилегий, которыми в отличие от всех других подданных русского царя наделялись казаки.

Так, в „Общежитии донских казаков в XVII и XVIII столетиях“ Сухоруков останавливается на описании самостоятельных, независимых от русского царя внешних сношений донского казачества с соседними народами (азовцами) и с вольными терскими и яицкими казаками; он указывал на особый характер отношения донцов к царским указам: в ответ на настоятельное требование царя поддерживать мирные и даже союзнические отношения с азовцами (1630 г.), донцы, не считаясь с целями русского правительства, отвечали отказом; „иногда только, по настояниям русских государей, и то весьма редко“, они в течение месяца поддерживали мирные отношения с азовцами, но „считали это важным пожертвованием и всегда старались поставить на вид Государю, что для него терпят мир с азовцами... что он взял на себя всю волю их на воде и на суше...“

Особое положение и политический вес донского казачества сказывались и в том, что „в Москве послов донских принимали с особенными почестями и обрядами“²⁹.

Русские цари не решались резко изменять казачьи обычаи. Даже „Петр Великий,— пишет Сухоруков,— предписав в России повсеместное

употребление немецкого платья и запретив бороды, не налагал подобных обязанностей на донцов" потому, что казаки прислали к нему атаманов с изъяснением того, что живут казаки „по древнему обычаю, всякий одевается, как ему угодно... мы это любим; немецкого платья никто у нас не носит и охоты к нему вовсе не имеем“.

Только нестеснение обычаев казацкой старины, признание за Донским войском большого политического значения и прав на известную независимость обеспечивали,— по мысли Сухорукова,— возможность мирных отношений между царским правительством и войском Донским. Легко было сделать отсюда логический вывод о пагубных последствиях царской политики, направленной к ликвидации последних вольностей и прав старшины донского казачества.

На такой вывод наталкивали и те исторические уроки, о которых рассказывал Сухоруков в рецензии на „Историю“ Броневского. „При Иоанне IV, при Федоре Иоанновиче правительство ласкало казаков и всемерно старалось привязать их к пользам отечества...“ На требования хана крымского „свести казаков с Дона“ Иоанн отвечал: „моих казаков на Дону нет, а живут на Дону люди вольные“. Эта политика Иоанна обеспечивала с юга безопасность России, огражденной со стороны Азова казачеством: „это имело последствия весьма удовлетворительные“. Казаки поняли, оценили царскую милость и в песнях своих славили Иоанна, приписывая, что он им отдал на веки-веков тихий Дон Иванович; при царе Борисе Годунове отношение казаков к России совершенно изменилось: „велено было прервать с ними сношения, отринули их от отечества, запретили им приезжать в Москву, даже

близко подъезжать к Украине; было предписано воеводам на всей границе ловить казаков, где только покажутся, и вешать за каким бы то делом они ни приехали...» Это повело к тому, что казаки восстали против Годунова, перешли на сторону Лжедмитрия и „все года сражались за призрак царского сына“. По мере углубления в исторические судьбы Дона, Сухорукову все „понятнее становится и буйность казаков от угнетения Годунова, и булавинский бунт, через 100 лет свершившийся...“

... Судьба Сухорукова обусловлена оппозиционным отношением его к донским реформам царского правительства, которые осуществлял Чернышев. Добившись отставки Денисова, Чернышев прислал из Лайбаха, где он находился при Александре I на конгрессе, царский указ 27 января 1821 г. о назначении наказным атаманом Иловайского. Это был тот самый Алексей Васильевич Иловайский 3-й, который вместе с Дмитрием Кутейниковым был назначен царем по представлению Чернышева в апреле 1820 г. в Комитет, составлявший положение войска Донского, на место Черевкова и Карпова, сторонников атамана Денисова. Чернышев надеялся обрести в Иловайском послушное орудие своей воли. Из Лайбаха он писал Иловайскому, что „ценит его благородные мысли на пользу войска“.

Одновременно Чернышев постарался предельно ограничить атаманскую власть. Во первых, председательство в Донском комитете, обязанностью которого явилась подготовка законоположения о Донском войске, перешло в руки Чернышева (до 1821 г. председателем был атаман). Вновь назначенному атаману Иловайскому царским рескриптом предписывалось: „Я повелеваю вам не только содействовать оному (Комитету)

во всех его требованиях, касательно его занятий, но всемерно стараться приспособлять действия Донского правительства к предположениям Комитета, дабы, по рассмотрении и утверждении мною нового войскового положения, удобнее и прочнее можно было привести оное в исполнение“³⁰. Таким образом атаманская власть сводилась к роли вспомогательного и исполнительного учреждения Комитета. Во-вторых, чтобы гарантировать решения Комитета от влияния казацкой старшины, Комитет был переведен из Новочеркасска в Петербург. В-третьих, Чернышев известил Иловайского, что „в помощь“ ему он назначает посланного в Донской комитет из Петербурга чиновника министерства юстиции Болгарского, а Болгарскому сообщил, что атаман Иловайский поступает под его негласную опеку³¹. Однако, все эти мероприятия, направленные к ослаблению атаманской власти и значению казацкой старшины, не обеспечили быстрой и полной победы правительственной линии, осуществлявшейся Чернышевым. 23 апреля 1825 г. Чернышев поднес царю проект нового положения о Донском войске. Проект был передан на рассмотрение государственного совета, но здесь тоже возникли разногласия и утверждение его задержалось. Вводить сразу чернышевское законоположение правительство не решалось, опасаясь возбудить недовольство донского дворянства.

Иловайский пытался осуществлять на практике отдельные мероприятия этого проекта, но наткнулся, видимо, на резкую оппозицию казацкой старшины, а 27 февраля 1826 г. царь приказал ему „впредь до обозрения его величества начертаний о донском войске, остеречься вводить самый проект в действие“. Это временное

замешательство с осуществлением проекта было истолковано на Дону, как ослабление чернышевской линии, и подало повод к надеждам на победу казацкой старшины. Опека Болгарского и наставления Чернышева оказались бессильными противостоять влиянию казацкой верхушки на атамана Иловайского.

В 1825 г., отказавшись от перспектив блестящей карьеры приближенного к всесильному Чернышеву его адъютанта и офицера гвардии, переехал в Новочеркасск Сухоруков и, не без мысли иметь воздействие на казацье офицерство, стал служить в штабе атамана. Состоявший до того письмоводителем Донского комитета, прекрасно понимавший цели чернышевских предприятий, осведомленный о его планах и внутренне враждебно к ним относившийся³², связанный с декабристскими кругами и если не действовавший по их директивам, то поддерживавший их оппозиционные планы,— Сухоруков мог оказаться очень полезным сотрудником донских кругов, в той или иной мере питавших надежды на „автономию“ Дона. Еще живя в Петербурге, Сухоруков осведомлял атамана о чернышевских планах. Известная по темным услугам Чернышеву, жена новочеркасского почтмейстера Летуновская доставила ему перехваченное на почте письмо Сухорукова, предварявшего атамана Иловайского о каких-то намерениях Чернышева по делам Комитета и убеждавшего не соглашаться с ними³³.

По прибытии на Дон Сухоруков вскоре возглавил ту группу „университетских питомцев“, донской интеллигенции, которая получила особый вес при Иловайском³⁴. Трудно судить о том, какие формы приняла бы деятельность Сухорукова под действием двух источников его оппо-

зиционности (донской старшины и тайных обществ), если бы 14 декабря не разразилось восстание на Сенатской площади. Крах восстания и вызванная им жесточайшая реакция, нашедшая опору в боязни широких слоев землевладельческой России рецидива пугачевщины, бесспорно, повлияли на тактику действий казачьих кругов, мечтавших о самостоятельности Дона, ослабив их решительность. Возможность открытых выступлений против правительства, по крайней мере, на время отпадала, надо было избирать легальные пути для борьбы. 10 августа 1826 г. атаман подписал составленную при воздействии этой сухоруковской группы и не без участия самого Сухорукова записку, поданную царю в Москве во время его коронации. Содержание этой записки довольно ясно раскрывает позицию казацкой старшины в ее борьбе за сохранение своего экономического, административного и политического значения и проливает свет на политические убеждения Сухорукова.

Записка Иловайского резко ставит вопрос об ошибках, допущенных в проекте составленного Чернышевским комитетом нового положения. „Я,— говорит Иловайский,— сам участвовал в составлении положения о Донском войске и нисколько не останавливаюсь сознаться пред вашим императорским величеством в сих ошибках... Когда в комитете обсуждали мы предметы, в то время простое рассуждение представляло нам приемлемые меры наилучшими; но ныне опыт тому противоречит“.

Не полемизируя с комитетским проектом по мелким вопросам, записка Иловайского отмечает два основных „упущения“ этого проекта: „первое: в составе Донского комитета не было ни одного члена, избранного донским войском“, а

были лишь „высочайше определенные, по представлениям генерал-адъютанта Чернышева“, члены. В смелых выражениях записка высказывается „убеждение, что члены, избранные всем войском и облеченные доверием всего общества, знали бы пользы его и внутреннее положение вернее и точнее, нежели назначенные по выбору кого-либо“.

Вторая ошибка Чернышевского комитета заключалась, по указанию записки, в том, что он выполнял не те задачи, которые намечены были атаманом Денисовым. Атаман Денисов испрашивал высочайшего соизволения „учредить на Дону комиссию, которая бы собрала воедино все бывшие постановления о Донском войске, в разных государственных постановлениях рассеянные, равным образом все собственные обычаи и распорядки войска, имеющие на Дону силу закона“, „сообразила бы (их) с настоящим духом народа, с местным положением вещей и с точным смыслом прав и привилегий, войску дарованных“. Иными словами, атаман стремился свести воедино и закрепить законоположением старые привилегии, вольности и обычаи войска Донского. А Донской комитет, — отмечает записка Иловайского, — „вместо того, чтобы начать составление полного свода всех существующих положений и обычаев Донского войска, по внесенной в первом присутствии записке генерал адъютанта Чернышева, погребовая от войсковой канцелярии разных сведений, а .. по мере получения сих сведений занимался обсуждением самых предметов и, таким образом, делал определения свои для будущего законодательства“. Комитет не сообразовался „с духом и нравами народа“. „Об обычаях, имевших на Дону силу закона, он не сделал даже вопроса и вовсе не имел их в виду“.

Погрешности, допущенные в правилах о „станичном управлении“, автор записки объясняет тем, что Донской комитет игнорировал обычаи, освященные временем. „Не сохранить их, значит потрясти права и привилегии донских обитателей“.

Наконец, в записке выражался протест против чернышевских правил о поземельном наделе поместных чиновников,

Суть дела заключалась в том, что казацкая старшина владела большими пространствами захваченных ею общественных и станичных земель, заселявшихся крестьянами. Это составляло экономическую основу могущества казацкой старшины. Правительство Александра I не было заинтересовано в закреплении и расширении этой основы по двум причинам: во-первых, правительству нужно было сохранить Донское войско, обеспечить казаков землей в пределах необходимости, диктуемой отбыванием военной службы с их собственными лошадьми, вооружением и снаряжением. В этих целях надо было ограничить стремления донского дворянства к усилению его экономического могущества. Во-вторых, политическая мощь старшины, стоявшей во главе казачьего войска, внушала понятные опасения. Исходя из этих соображений, Чернышев доказывал, что „коренной порядок довольствия землями на Дону — есть „общественный“, по коему каждый войсковой обитатель пользуется, сколько ему нужно, без обиды другого, но не имеет права ничего почитать исключительно своей принадлежностью“. Атаман же в записке, поданной царю, отстаивал „привилегию донских офицеров, состоящую в раздаче им земли во всегдашнее владение“ („Русская старина“, 1875, IV, стр. 704—708).

Историки говорят, что Иловайский решился на подачу царю своей записки в расчете на то, что Чернышев у Николая I уже не пользуется таким безграничным доверием, какое оказывал ему Александр. Но дело было, конечно, не столько в личных отношениях царя к Чернышеву, как в общей правительственной политике по отношению к казачеству. Чернышев наиболее четко проводил эту политику, и Николай I не замедлил его поддержать (как известно, и законоположение Донского комитета было утверждено Николаем)⁸⁶.

Записка Иловайского была передана на заключение Чернышеву. Чернышев оценил „экономическую“ часть записки как выражение „сокровенного замысла донских поместных чиновников“. Замысел этот заключается в том, чтобы „под предлогом пересмотра древних постановлений и обычаев, уничтожить все, что начертано в проекте (Донского комитета) для восстановления угнетенного состояния казаков и для водворения в войске строгого и прочного порядка“, и утвердить за донскими казачьими помещиками право „занимать войсковые земли и селить крестьян с притеснением коренных жителей“. Касаясь же политического содержания атаманской записки, Чернышев, успевший хорошо ознакомиться с замыслами казачьей старшины, обращал „особенное внимание“ царя на „дух и образ мыслей“, отличающие эту записку. „Атаман... явно присволяет небывалое в России право избрания доверенных членов общества или *народных представителей* (подчеркнуто Чернышевым), которые бы, составляя для себя законы, находились в непосредственном отношении к государственному совету; себе же лично—наименование „правительствующего“. В государстве, где всякий закон и всякое начальство проистекают от единой само-

державной власти государя, подобные присвоения и даже самые мысли об оных не должны быть терпимы, наипаче в лице начальника военной области, где безмолвное повиновение есть существенная основа всех действий... Нигде и ни в какое время не было допускаемо у нас право избрания представителей, кои бы сами для себя составляли законы и находились в непосредственных сношениях с государственным советом. Тем менее могло быть таковое дано донскому войску, зависевшему... от общего порядка в государстве, как по военному, так и по гражданскому его управлению, и никогда еще не имевшему у себя ни „правительствующего“, ни „правительства“, а просто атамана и войсковую канцелярию, составляющих местное начальство в войске, в виде губернского“.

Но в связи с Сухоруковым наиболее интересно в этом докладе то место, в котором Чернышев прямо, без обиняков, определяет источники атаманского вольномыслия: „Между донскими чиновниками, особенно зажиточными и имевшими власть в руках своих, кои с некоторого времени подстрекаются суждениями обучавшихся в университетах, всегда замечались мечтательные мысли на счет самостоятельности их отчизны; но сие, частное и чуждое для общества, заблуждение должно было исчезнуть само собою, коль скоро ясные законы стали бы направлять каждого к точному исполнению его обязанностей. Если же сам начальник войска начинает говорить в сем духе пред вашим императорским величеством, то мнения его уже делаются опасными и не могут быть допускаемы, потому что легко распространялись бы в обществе, от влияния его зависящем, и со временем превратились бы в суждения вольнодумные“.

Образ хорошо знакомого Чернышеву его адъютанта Сухорукова, о связях которого с декабристами мог он узнать из материалов следственной комиссии и о влиянии которого на Иловайского, по всей вероятности, доносили донские соглядатаи, — этот образ мог возникнуть в представлении Чернышева, когда он писал процитированные нами строки.

Затем последовала расправа: 30 ноября 1826 г. уволен от должности правителя дел Донского комитета полковник Шумков, в феврале 1827 г. отправлен в ссылку на Кавказ Сухоруков и, наконец, 7 июня того же года уволен от должности атамана и предан суду вместе с Шумковым, Егоровым и Балабиным А. В. Иловайский³⁷.

Связь донской оппозиции с декабристским движением в полной мере не подтверждена документами, но нет оснований и отрицать ее наличие. Расправа Чернышева с людьми, преданными суду одновременно с Иловайским, во всяком случае не находит полного объяснения без связи с отголосками декабризма. Сухоруков был, бесспорно, самой яркой фигурой среди донцов, связанных с пропагандой тайных обществ, гораздо более влиятельной в донской общественности, чем, например, член Союза Благоденствия и Северного общества, П. Х. Граббе. (На Дону, как известно, жили и несколько офицеров Шервудов, родственников предателя Южного общества, которые принимали участие в тайной пропаганде и имели связь с Южным обществом). Существуют предположения о причастности к замыслам тайных обществ командира рабочего полка (работавшего на постройках в г. Новочеркасске) подполковника Балабина, лишённого чинов по приговору военного суда в Могилеве. Прикосновенен, вероятно, был к декабристскому

движению и штаб-офицер Иловайского Ф. И. Шумков, приятель Сухорукова, вместе с ним подвергшийся опале и преследованиям (он предан был военному суду при первой армии, расположенной в г. Могилеве, и сослан в один из полков на Кавказ)³⁸.

Известно, что в декабристских кругах ставился вопрос о возможности участия донского казачества в противоправительственных действиях заговорщиков. Не случайно у арестованных по делу декабристов возникали опасения на счет судеб Сухорукова. „Когда Грибоедов был арестован,— свидетельствует Завалишин,— и содержался в здании главного штаба, вместе со мною, Синявиным (сыном адмирала), братьями Раевскими, Шаховским, Мошинским и др., то разговор не раз касался того, были ли аресты на Дону (Чернышев был при кончине государя в Таганроге) и не арестован ли Сухоруков“. („Древняя и новая Россия“, 1878, VI).

В следственной комиссии по заговору декабристов дело Сухорукова, о близости которого к всесильному Чернышеву знали все, было замято: с него даже не были сняты показания. Во всяком случае, в деле Сухорукова, сохранившемся во II отделении Госархива (дело № 136), этих показаний нет.

Спрошенные же 26 марта 1826 г. насчет Сухорукова К. Ф. Рылеев и Ал. Бестужев отвечали, что „Сухорукова мало видали и по объявлении ему о существовании тайного общества спрашивали только о духе донских казаков, на что он отвечал, что они весьма привержены правительству и любят государя, что и думать нельзя о каком-либо предприятии“³⁹.

Показание это раскрывает одну из неосвещенных в исторической литературе сторон по-

литических планов и намерений декабристов: желание их распространить заговор на войско Донское. Речь, очевидно, шла не только о возможности участия донцов-офицеров в заговоре (факты такого участия известны были Рылеву и Бестужеву), и ответ, данный Сухоруковым, касался обсуждения возможности привлечения казачьих воинских частей к активному выступлению против правительства. Сущность ответа Сухорукова, известного лишь в той интерпретации, которая дана была в показаниях Рылеева и Бестужева, сводилась, очевидно, к тому, что Сухоруков считал эту затею вовлечения донцов в выступление против царя неосуществимой в силу недостаточной их просвещенности.

В суммирующих следственный материал сведений „Алфавита декабристов“ („Восстание декабристов“, т. VIII, Л., 1925, стр. 182) сообщается, что Рылеев и Ал. Бестужев

„в 1825 г. открыли Сухорукову о существовании Тайного общества, имевшего целью введение в России конституционного правления. Сухоруков отвечал, что он давно сие подозревал, не полагая, однако, возможным по настоящей склонности умов. На вопрос Рылеева о духе донских казаков, Сухоруков отвечал, что они весьма привержены к правительству и любят государя. Потом просил их о содействии Общества к распространению на Дону просвещения посредством заведения училища, на что они отвечали обещанием постараться. Александр Бестужев присовокупил, что вообще видно было, что Сухоруков воображал найти в Обществе значащих людей, которые могли бы иметь влияние на его родину, и вся цель — доставить землякам просвещение, а Рылеев искал в нем содействия здешних эскадронов, и оба обманулись. Противу сего ответа от Сухорукова не было требовано“.

У нас нет сведений о содержании других бесед Сухорукова с декабристами. Оставили ли Рылеев и Ал. Бестужев вопрос о возможности вовлечения донцов в тайные общества и пропа-

ганде среди казачества неразрешенным? Не явился ли переезд Сухорукова в 1825 г. на Дон тем мероприятием, которое вызвано было стремлением вовлечь донское казачество в сферу враждебных правительству Александра I действий? К сожалению, вопрос о существовании организационных связей донской оппозиции с декабристами не освещен в исторической литературе, поэтому наличие каких-либо директив тайных обществ, по которым мог действовать Сухоруков, переехавший в 1825 г. из Петербурга в Новочеркасск, остается лишь допущением.

В исторической литературе мы встречаемся с утверждением, что Сухоруков во время пребывания на Дону поддерживал связь с декабристами: в 1825 г. на Дон выезжал видный декабрист, один из друзей Пестеля, бывший раньше членом Северного, а с 1824 г. — Южного общества Ф. Ф. Вадковский, но доехал только до Курска, так как в Курске был арестован по приказу Дибича, преданный полк. С. С. Николаевым (уроженцем Новочеркасска, игравшим провокационную роль в декабристском движении).

Анализ исторических работ и социальной практики Сухорукова не дает оснований преувеличить радикализм его политических убеждений и пропаганды. Правда, нам известны преимущественно те его высказывания, которые предназначались им к опубликованию; личный архив Сухорукова, его беседы с декабристами неизвестны.

Но политические убеждения и поведение тех слоев капитализирующегося донского дворянства, выразителем которых был Сухоруков, склонялись к умеренно-оппозиционной тактике, а не революционной. Землевладельческая верхушка, казачья старшина Дона боялась поколебать основы трона и не заинтересована была в вовлече-

нии народных масс в движение, наученная опытом крестьянских восстаний 1820 г.

Умеренность политических убеждений Сухорукова подтверждается и участием его в Вольном обществе любителей российской словесности, отражавшем программу умеренно-либеральных слоев оппозиционной общественности.

Попытки биографов Сухорукова отрицать его прикосновенность к делу декабристов вызваны отчасти стремлением реабилитировать донского историка в глазах правительственной власти и тем самым снять с трудов, им написанных, характер негласного запрета, обусловившего издание их без имени автора.⁴⁰ Отрицание связи Сухорукова с декабризмом лишено, однако, оснований. Официальные документы относят Сухорукова к числу „лиц, кои прикосновенны были к делу о злоумышленных обществах, но, не быв преданы верховному уголовному суду, понесли исправительные наказания“. Биографы Сухорукова, настаивавшие на особых личных причинах столкновения его с Чернышевым, подчеркивали и сугубую враждебность к нему Чернышева, проявившуюся в том, что Сухорукову не давали покоя ни на Кавказе, ни в Финляндии. Конечно, председателю следственной комиссии по делу декабристов неприятно было узнать о причастности к декабризму человека, которого он одно время приблизил к себе (по переезде в Петербург из Новочеркаска).

И все же ничего из ряда вон выходящего в отношениях Чернышева к Сухорукову после 1826 г. мы не усматриваем. Строгий, исходивший от Чернышева запрос: почему Сухоруков допущен к собственной особе командующего кавказским корпусом, — имел вполне законное основание: он опирался на специальный указ Ни-

колая I о том, чтобы офицеры, причастные к событию 14 декабря 1825 г., на штабные, хозяйственные и вообще не фронтовые должности в армейские части не допускались⁴¹. Сухоруков, служивший вначале в штабе Остен-Сакена и затем поставленный Паскевичем в положение официального историка войны 1828—1829 гг., активно работавший в „Тифлиссих ведомостях“, подвергаясь действию этого указа, должен был быть изъят из штаба Паскевича, как и любые другие причастные к декабризму лица. Ответ же Паскевича на запрос Чернышева не оставляет никаких сомнений в причинах ссылки Сухорукова, который прямо называется здесь „замешанным в происшествии 14 декабря и находящимся под секретным надзором“.

III

Знакомство Пушкина с Сухоруковым началось задолго до личной их встречи.

Пушкин мог прочесть в 1823 г. напечатанные в „Сыне отечества“ и „Северном архиве“ статьи Сухорукова. В „Соревнователе“ за 1824 г. он читал статью „О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия“ и через 9 лет сослался на эту работу Сухорукова в „Истории Пугачева“ (см. 6-е примечание к 1-й главе „Истории“).

Знакомство Пушкина с работами Сухорукова было не поверхностным и случайным, а достаточно глубоким. В „Истории Пугачева“ имя Сухорукова привлекается в подтверждение одной из таких мыслей, которые наиболее ярко характеризуют существо и своеобразие сухоруковских исторических изысканий. Пушкин делает ссылку на статью Сухорукова для обоснования того места в „Истории Пугачева“, в котором рассказы-

вается о патриархально-демократических основах самоуправления казачества: „Яицкие казаки послушно несли службы по наряду московского приказа; но дома сохраняли первоначальный образ управления своего. Совершенное равенство прав: атаманы и старшины, избираемые народом временные исполнители народных постановлений, круги, или совещания, где каждый казак имел свободный голос и где все общественные дела решены были большинством голосов: никаких письменных постановлений; в куль да в воду — за измену, трусость, убийство и воровство: таковы главные черты сего управления“. В характеристике основ казачьего самоуправления Пушкин таким образом следовал тому освещению событий, которое сложилось под пером историков казачества типа Сухорукова и Левшина.⁴²

Весной 1824 г. Сухоруков вместе с членом тайного общества Корниловичем затеял издание альманаха „Карманной книжки для любителей отечественного“ под заглавием „Русская старина“. Обоих издателей сближали общие умственные интересы и интерес к истории. Хотя Сухоруков и писал в письме к Строеву: „Корнилович несчастный болен и уже давно... старинным молодечеством“, но этого увлечения старинным молодечеством не чужд был и сам Сухоруков. О готовившемся издании альманаха читающая публика была уведомлена уже в октябре. Раскуплен он был подписчиками задолго до выхода в свет.

Между тем во время наводнения 7 ноября 1824 г.⁴³ затоплена была типография департамента народного просвещения (на Фонтанке, у Чернышева моста), где печатался альманах. „Бедный наш Корнилович пострадал со своей Стариной“, — сообщал Рылееву Сомов 11 ноября (см. „Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева“, СПб, 1874, стр.

308, ср. предисловие к „Русской старине“). Большое количество почти готовых к выходу экземпляров оказалось сильно попорченным. Из-за этого бедствия „Русская старина“ вышла в свет около 15 декабря 1824 г. в минимальном количестве экземпляров. „Хлопоты по изданию „Русской старины“, — пишет Сухоруков 27 января 1825 г. Строеву, — отнимали у меня последние досуги“. Вслед за первым изданием выпускалось тотчас же второе. 16 марта 1825 г. Сухоруков писал Строеву: „Совет ваш о присылке экземпляра „Старины“ в архивную библиотеку приемлемы с благодарностью, но не можем выполнить его потому, что здесь не осталось уже ни одной книжки. По объявлению многих требований, наднях, должны будем приступить ко второму изданию...“

Альманах вызвал общее одобрение печати. Хвалебные отзывы о нем дали „Северный архив“ (1824, декабрь, №№ 23—24, ч. 12, стр. 283—286), „Сын отечества“ (1824, ч. 99, стр. 192—196), „Благонамеренный“ (1825, № 1), „Отечественные записки“ (1825, ч. 22, стр. 296—327 и ч. 23, стр. 103—115) и другие издания. Н. А. Полевой писал, что „Русская старина“ есть „одно из приятных явлений словесности русской“: Корнилович и Сухоруков „выбрали предметы любопытные во всех отношениях и говорят об них не голосом крикливого патриотизма, но голосом пламенной любви к отечеству и рассудительного благоговения к обычаям предков“. („Московский телеграф“, 1825, ч. 6, № 23, стр. 284—294). Оба издателя получали лестные отзывы в письмах. Так, Корниловича восхищенно благодарил за альманах баснописец А. Е. Измайлов, Сухоруков получал одобрительные отзывы с Дона. Сотрудник его А. Кушнарев писал 28 февраля 1825 г.:

„Препровождаю при сем, любезнейший мой товарищ Василий Дмитриевич, 600 рублей ассигнациями на Русскую старину, имена пренумерантов написаны в письме Г. Судьи Хоперского Округа к какому-то С.-Петербургскому купцу или книгопродавцу, для твоего любопытства посылаю при сем в копии письмо и того судьи к Ивану Федоровичу Богдановичу, в коем он изъявляет доброжелательство всего Хоперского Округа к тебе. Кроме всего препровождаю еще 30 рублей на „Русскую старину“, имена сих пренумерантов написаны моею рукою“.

Весть об издании „Русской старины“ взбудоражила и Пушкина. Едва узнав об этом в Михайловском, 4 декабря 1824 г., Пушкин писал брату Льву Сергеевичу: „Присылай мне Старину, это приятная новость“⁴⁴.

„Славный малый и много обещает“, — отзывался он о Корниловиче. Пушкин знал его хорошо и читал его статью „Об увеселениях Российского двора при Петре I“, напечатанную в альманахе Бестужева и Рылеева „Полярная Звезда на 1824 г.“⁴⁵

Не дождавшись присылки альманаха „Русская старина“, вышедшего в 1825 г. уже вторым изданием, Пушкин через два месяца снова писал брату: „Да пришлите же мне Старину и Талию. Господи помилуй, не допросишься!“ (Письмо из Михайловского, датируемое концом февраля — началом марта 1825 г.).

После настоятельных просьб Пушкин получил, наконец, и прочел „Русскую старину“. Печатаемая в 13 номере „Литературной газеты“ за 1830 г. отрывок из III главы „Арапа Петра Великого“: „Ассамблея при Петре I“, Пушкин ссылался на „Русскую старину“, как на источник, имея в виду, конечно, монографию Корниловича „Нравы русских при Петре Великом“⁴⁶. Но помимо Корниловича, по всей вероятности, прочел Пушкин в „Русской старине“ и другую статью этого сборника, т. е. первую значительную исто-

рическую работу Сухорукова „Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях“. Великого поэта, с исключительной любовью относившегося к проявлениям народного поэтического творчества, эта статья Сухорукова могла заинтересовать и привлечь внимание прежде всего представленными в ней фольклорными материалами: пословицами, преданиями, донскими песнями.

Таким образом, если возможность личного знакомства Пушкина с Сухоруковым до 1829 г. исключается (Сухоруков жил в Петербурге в то время, когда поэт находился в ссылке, и наоборот, когда Пушкин вернулся из ссылки в Петербург, то Сухоруков находился на Кавказе), есть основания полагать, что задолго до встречи с Сухоруковым на Кавказе поэт был знаком уже с его работами.

Кроме того Пушкина объединяли с Сухоруковым общие знакомства и литературные и дружеские связи. Сухоруков, как и Пушкин, печатался на страницах „Соревнователя“. Как известно, все статьи, печатавшиеся в „Соревнователе просвещения и благотворения“, предварительно читались и баллотировались на общем собрании действительных членов Вольного общества любителей российской словесности, органом которого и являлся этот журнал, выходивший под редакцией Ф. Н. Глинки. Общество же было одним из тех периферийных органов Союза благоденствия, цель которых заключалась в вовлечении в круг передовых оппозиционных и радикальных политических интересов широких кругов дворянской общественности. Хотя имя Пушкина не числится в списках членов Общества любителей российской словесности, но связь его с членами этого общества и председателем Ф. Н.

Глинкой, участие в печатном органе общества „Соревнователе“ и факты использования в пропагандистских целях творчества Пушкина левым крылом этого вольного литературного объединения⁴⁷ с несомненностью доказывают причастность его к деятельности общества. Сухоруков же с декабря 1823 г. состоял сотрудником этого общества, а в 1824 г. был избран действительным его членом⁴⁸.

Вообще характер и направление политических и литературных интересов Сухорукова и близость их к пушкинским легко были бы уяснены из рассмотрения связей и знакомства, которые заведены были Сухоруковым в период пребывания его в Петербурге с 1821 по 1825 г.

Прикосновенность Сухорукова к разработке малодоступных архивных дел привлекала к нему внимание читателей так же, как и к приятелю его Корнилову, который, работая в архивах, сумел снять копии с секретных дел (см. Завалишин, „Записки декабриста“, СПб, стр. 212). Этим, очевидно, объясняются связи Сухорукова с А. Селивановским, Н. И. Гречем, Ф. В. Булгариным⁴⁹, известными Пушкину и входившими с ним в различного рода сношения.

В исторических своих занятиях Сухоруков также соприкасался со знакомыми Пушкину людьми. Н. М. Карамзин, сыгравший огромную роль в формировании исторических взглядов Пушкина, явился в известной мере учителем Сухорукова. Познакомившись с Сухоруковым в Петербурге, он указал ему на богатые запасы материалов по донской истории, хранившиеся в архивах коллегии иностранных дел, а Сухоруков (по утверждению „Донской газеты“, №№ 1—3) сам доставил Карамзину из своего собрания часть материалов для XII тома „Истории Госу-

дарства Российского“. Высокая оценка научных и литературных достоинств „Истории Государства Российского“, при критическом отношении к ее политической окраске, была присуща Пушкину и Сухорукову.

Павел Михайлович Строев (1796—1876), археолог, с 1826 г. член-корреспондент Академии Наук, а с 1841 г. адъюнкт и затем академик по отделению русского языка и словесности, состоял в комиссии печатания государственных грамот и договоров при Московском архиве коллегии иностранных дел (с 1816 по 1822 г.), занимался обследованием древних монастырских архивов и библиотек и описанием рукописей известного собирателя русских древностей гр. Ф. А. Толстого. Он интересовался вопросами донской истории, в 1816 г. собирался составлять историю войска Донского и написал рецензию на книгу „История о Донском войске“ А. Попова (1814, „Сын отечества“, август), а в работе Сухорукова по истории Дона оказывал ему ряд крупных услуг после того, как по докладу Сухорукова он был в 1823 г. допущен гр. Чернышевым к извлечению из архива иностранной коллегии дел о донских казаках. Позже, в тридцатых годах, после личного свидания с Сухоруковым в Новочеркасске в 1831 г., Строев возобновил с ним дружескую переписку.

... В собирании материалов для исторического описания войска Донского оказывал помощь Сухорукову и Алексей Федорович Малиновский. Начальник Московского архива коллегии иностранных дел,⁶⁰ брат директора царскосельского лицея В. Ф. Малиновского, дядя одного из любимых лицейских друзей Пушкина,⁶¹ он знал Александра Сергеевича, был дружен с его родителями, являлся подчас посредником в передаче

поэту отцовской корреспонденции⁵². Пушкин бывал в доме Малиновских. Жена А. Ф. Малиновского, Анна Петровна (урожденная Исленева), способствовала браку поэта с Н. Н. Гончаровой, у которой она была посаженной матерью.⁵³

Знал поэт и третьего сотрудника Сухорукова по составлению истории Дона—К. Ф. Калайдовича.⁵⁴

Наконец, в Обществе любителей российской словесности Сухоруков встречался с людьми, находившимися в дружеских отношениях с Пушкиным, идейно близкими ему: А. и Н. Бестужевыми, Ф. Глинкой, В. Кюхельбекером, Колошиным и др. В Обществе принимал деятельное участие и общий знакомец Пушкина и Сухорукова, действительный член общества с 30 декабря 1821 г., А. Корнилович, с которым Сухоруков поддерживал отношения и после 1825 г.⁵⁵. Там же встречался Сухоруков и с К. Ф. Рылевым. Отношения Рылеева и А. Бестужева к Сухорукову были настолько коротки, что они нашли возможным открыть ему тайну существования заговора и обсуждали с ним возможность вовлечения казначества в заговор.

По характеру идеализации тех сторон прошлой отечественной истории, которые связаны были с пробуждением национального самосознания, с проявлением демократических вольностей, с духом новгородского вечевого уклада, работы Сухорукова стояли в непосредственной близости к Рылеву с его либеральной интерпретацией исторических событий в поэмах и „Думах“. Темы казачьей отваги и любви к отчизне касался не раз создатель „Смерти Ермака“. Кстати, Сухоруков принял участие и в переговорах по поводу издания рылеевских „Дум“ (1825) в типографии С. Селивановского, с примечаниями

П. Строева. Во время печатания „Дум“ произошла крупная ссора Строева с декабристом П. А. Мухановым, наблюдавшим по поручению Рыльева за изданием (см. Н. Барсуков, „Жизнь и труды П. М. Строева“, СПб, 1878, стр. 97—99). Конфликт был улажен благодаря вмешательству Сухорукова, который в письме от 27 января 1825 г. сообщал Строеву:

„По Вашему письму я вчера же был нарочно у Рыльева, вручил ему лично Вашу хартию и требовал ответа. Он обещал с нынешнею же почтою писать к Вам, и уверил меня, что дело, о котором Вы изволите к нему писать, он устроит уже как следует, поручив князю Оболенскому как самое издание Дум, так и хозяйственные по оному распоряжения. Рылев весьма винит Муханова за сделанные Вам неприятности“⁵⁶.

Вращаясь в передовых слоях петербургского культурного общества, Сухоруков постоянно находился в кругу тех литературных интересов, которые характерны для сверстников Пушкина, стоявших на позициях прогрессивного романтизма. Он внимательно следит за литературными событиями и лицами, за Пушкиным. Еще за два месяца до выхода в свет „Бахчисарайского фонтана“ (10 марта 1824 г.) Сухоруков пишет из Петербурга в Москву в письме 4 января 1824 г. П. М. Строеву: „У нас вышла новая „Полярная звезда“, от Вас ждем „Бахчисарайского фонтана“, ждем с нетерпением; X и XI томы „Истории Российского Государства“ также скоро выйдут“.

Итак, встретившись в 1829 г. на Кавказе с Сухоруковым, Пушкин очень легко и быстро мог установить с ним близкие отношения: каждый из них был хорошо осведомлен о политическом лице и о творческой деятельности другого, у обоих были общие знакомые и друзья, наконец, связывали их и близкие общественные и литературные интересы. Так же, как поэт Пушкин с

увлечением трудился на поприще истории, историку Сухорукову не чужды были поэтические замыслы. Автор стихотворного ответа на обращение графини Растопчиной „К Дону“, ⁵⁷ он собирался писать исторический роман из донской старины и работу свою „Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях“ облек в полубеллетристическую форму. „Вечера проводил я с умным и любезным Сухоруковым, — писал автор „Путешествия в Арзрум“ (гл. V), — сходство наших занятий сближало нас“.

Ряд политических и литературных тем, одинаково занимавших внимание Пушкина и Сухорукова, мог быть содержанием их бесед. Оба находившиеся под постоянным надзором правительства, остро чувствовавшие тяготы ненавистного политического гнета, связанные знакомством и дружбой со многими декабристами, мечтавшие о вольности и независимости личности, оба любившие свой народ и гордившиеся каждым проявлением народного творчества, оба захваченные влечением к истории, отыскивавшие в прошлом своего народа те поучительные страницы (новгородская вольница, движение С. Рязина, Пугачева), которые говорили о проявлениях народной вражды к самовластию и народного самоуправления, — они могли иметь по многим вопросам согласные суждения.

Но сходство их исторических взглядов выражалось не только в стремлении почерпнуть из прошлого уроки для своих современников. Оно распространялось и на одинаковую оценку отдельных проявлений народного быта и культуры. Боевой, воинственный, неугомонный дух казачества был любим обоим, суровая простота нравов нравилась не меньше. В подходе к историческому изучению обоим присуща была научная осторож-

ность, критичность и та добросовестность, которую отмечал Пушкин в трудах Сухорукова. В 1835 г. Пушкин и Сухоруков согласно осудили „Историю войска Донского“ В. М. Броневского за ее монархически-благонамеренное политическое направление, за „недостаток фактов“, неизученность источников, словом, недобросовестное отношение к работе историка. „Имели ли вы терпение прочитать, что написал Броневский о донских казаках? — писал Сухоруков Строеву в 1835 г. — Видно теперь всех родов литература обратилась в спекуляцию — и можно ли такими пакостями потчивать публику?“

В своем критическом разборе „Истории“ Броневского Сухоруков порицал ее за „описания, недостойные автора, который стяжал себе уже известность в литературе. Отвергнув здравую критику, он бранит казаков с младенческим энтузиазмом, совершенно безотчетно, точно так, как во дни оны ругали русские журналы Наполеона“. Возмущение Сухорукова вызвано тем, что Броневский оправдывал жестокую политику российских государей по отношению к казачеству, обзывал казаков разбойниками за многочисленные мятежные выступления против царя, а примкнувших к восстанию против Годунова казаков ругал „строптивыми, предателями, изменниками, забывшими совесть и долг чести“. (С точки зрения Сухорукова, борьба казаков против Годунова была, наоборот, достойным отпором правительственной системе угнетения казачества).

Тот же верноподданный „младенческий энтузиазм“ в ругани Броневского отмечал и Пушкин в своем ответе на статью его об „Истории Пугачева“.⁵⁸ В качестве образца пошлости рассуждений Броневского, Пушкин выписал его слова о „феномене“ Пугачеве“:

„Емелька Пугачев бесспорно принадлежал к редким явлениям, к извергам, вне законов природы рожденным, ибо в естестве его не было и малейшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которые разумное творение от бессмысленного животного отличают. История сего злодея может изумить порочного и вселить отвращение даже в самых разбойниках и убийцах. Она вместе с тем доказывает, как низко может падать человек и какую адскою злобою может быть переполнено его сердце. Если бы деяния Пугачева подвержены были малейшему сомнению, и я с радостью вырвал бы страницу сию из труда моего“.

Пушкин писал по поводу этих, довольно верно отражавших правительственную точку зрения, слов: „Политические и нравоучительные размышления, коими Броневский украсил свое повествование, слабы и пошлы и не вознаграждают читателей за недостаток фактов, точных известий и ясного изложения происшествия“.

Сухоруков упрекал В. М. Броневского за то, что он слишком доверчиво и некритически отнесся к материалам, найденным им у генерала Кирсанова и не использовал других необходимых источников. Показания, приведенные Броневским, замечал Пушкин, „сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны“. „Я не имел случая изучать историю Дона“, — писал поэт, — но, прочитав книгу Броневского, „я не нашел ничего нового, мне неизвестного; заметил некоторые ошибки, а в описании эпохи мне знакомой — непростительную опрометчивость“.

Оба автора давали критику фактических ошибок Броневского. Пушкин отмечал искажение дат бунта раскольников в Яицком городке (1771, а у Броневского — 1773) и прибытия Чернышева к Оренбургу и отмечал ряд ложных сведений, сообщенных автором „Истории войска Донского“. „Г. Броневский, описав прибытие Бибикова в Казань, пишет, что в то время (в январе 1774) самозванец в Самаре и Пензе был принят наро-

дом с хлебом и солью. Самозванец,—замечает по этому поводу Пушкин,— в январе 1774 года находился под Оренбургом и разъезжал по окрестности оного. В Самаре он никогда не бывал, а Пензу взял уже после сожжения Казани“. Затем Пушкин указывает на ряд других таких же ошибок. Аналогичные замечания делал и Сухоруков: Броневский, писал он, Ермака объявил уроженцем Кагалинской станицы, которой в действительности в пору рождения Ермака еще не было и т. д.

Наконец, оба рецензента Броневского могли противопоставить его легковесному экскурсу в донскую историю свои научные методы исторического исследования.

Указав подробно, „какие источники обязан был изучить тот, кто решился приступить“ к составлению донской истории, Сухоруков писал: „Историк Донской должен на месте изучить дух народа и по остаткам настоящего судить о минувшем“. „Я,— добавлял Сухоруков,— сам занимался около десяти лет историею моей родины, которая и теперь составляет любимый предмет дум моих“. „Автору, посвятившему два года на составление ста шестидесяти осьми страничек,— писал о себе автор „Истории Пугачева“,— небрежение и легкомыслие были бы непростительны... Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов *in folio* разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверял мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою... Я не мог бы поместить все акты, из коих заимствовал свои сведения. Это составило бы более десяти томов...“

IV

По словам И. С. Ульянова, Сухоруков был заранее уведомлен о предстоящем приезде Пушкина: „Сухоруков говорил также Хоперскому, что Паскевич был очень смущен известием о поездке в его армию Пушкина. После долгого раздумья призвал он Сухорукова и с заметным волнением объявил, что едет важный гость (Пушкин), а затем просил принять его и занимать как можно лучше. Пушкин заметно подчинился влиянию друга своего генерала Раевского, повидимому не совсем расположенного к Паскевичу“.⁶⁹

Причины внезапной поездки Пушкина на Кавказ, вызвавшей столь серьезную тревогу начальства, бесспорно, не могут быть объяснены одним лишь неудачным поворотом в личных взаимоотношениях поэта с родителями своей будущей жены или желанием повидать брата. Ряд данных убеждает нас, что поездка Пушкина была связана с творческими замыслами X главы „Онегина“, живой свидетельский материал для которой поэт мог собрать у сосланных на Кавказ декабристов.

Уже в Новочеркасске Пушкин встретился с графом Владимиром Алексеевичем Мусиным-Пушкиным, членом Северного общества, поплатившимся за революционное прошлое переводом в армию. Как раз в 1829 г., переведенный по приказу начальства из Петровского в Тифлисский полк, он ехал к месту своей новой службы. „Я сердечно,—говорит Пушкин (в „Путешествии в Арзрум“),—ему обрадовался и мы согласились путешествовать вместе“. Без малого месяц, вплоть до самого Тифлиса, Пушкин ехал со своим спутником, который, кстати сказать, был

также знаком с Сухоруковым и находился с ним в переписке⁶⁰. Многие из служивших в то время на Кавказе бывших заговорщиков были старыми знакомыми Пушкина. „Многие из старых моих приятелей окружили меня“, — писал он. Однако, в „Путешествии в Арзрум“ он называл далеко не все имена встреченных им на Кавказе декабристов, отметив лишь Н. Н. Раевского, Мих. Пушина, И. Г. Бурцева, В. Д. Вальховского, В. Мусина-Пушкина, Н. Н. Семичева, П. П. Ковновицына⁶¹.

Нельзя не согласиться с допущением С. Гессена (в статье „Источники X главы Евгения Онегина“, сб. „Декабристы и их время“, М., 1932), что этим списком не исчерпаны все встречи Пушкина с людьми, причастными к декабризму: „иные встречи вовсе были утаены поэтом“ из соображений конспирации, как утаены, напр., свидания с гр. З. Г. Чернышевым, о которых рассказал потом кавказский знакомый Пушкина М. В. Юзефович („Русский архив“, 1880, т. III, стр. 444), как не названы и встречи с Л. С. Пушкиным.

Но есть имя, которое упускает из виду и С. Гессен, несмотря на то, что оно названо автором „Путешествия в Арзрум“. Это имя В. Д. Сухорукова.

Пушкин сам не только засвидетельствовал свою встречу с ним в Арзруме, „в сераскировом дворце“, но и рассказал о содержании бесед с ним. Оба собеседника не могли не коснуться интересовавших их литературных вопросов и естественно, что разговор перешел на обсуждение тех препятствий, которые созданы были правительством для продолжения работ Сухорукова в области исследования истории донского казачества. Пушкин впервые подробно познакомился

с фактами расправы, произведенной Чернышевым, лишившим Сухорукова возможности заниматься любимым делом. Рассказ произвел на поэта неотразимое впечатление и вызвал живое участие в судьбе ссыльного историка. В „Путешествии в Арзрум“ со свойственной ему лаконической скупостью на слова Пушкин записал: „Он говорил мне о своих литературных предположениях, о своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такой ревностью и удачей. Ограниченность его желаний и требований поистине трогательна. Жаль, если они не будут исполнены“.

Справедливость сетований Сухорукова настолько глубоко взволновала Пушкина, что он и спустя два года горячо ратовал за него пред начальством.

Об остроте же непосредственных впечатлений от рассказа Сухорукова говорит в своих воспоминаниях М. В. Юзефович: „Надо было видеть нежное участие, какое он (Пушкин) оказывал донцу Сухорукову, умному, образованному и чрезвычайно скромному литературному собрату, который имел несчастье возбудить против себя гонение тогдашнего военного министра Чернышева, по подозрению в какой-то интриге, по делу о преобразовании войска Донского. У него, между прочими преследованиями, отняты были все выписки, относившиеся к истории Дона, собранные им в то время, когда он рылся в архивах, по поручению Карамзина. Пушкин, узнав об этом, чуть не плакал и все думал, как бы, по возвращении в Петербург, выхлопотать Сухорукову эти документы. Но не таков был Чернышев: он в том же году доканал окончательно свою жертву“.

В расправе с прежним адъютантом Чернышева сыграл роль другой его адъютант—Н. А. Бутур-

лин, который (почти одновременно с Пушкиным) спешил в кавказскую армию в надежде на дешевые лавры. „В Гергерах встретил я Бутурлина,— писал Пушкин в „Путешествии в Арзрум“— ... Бутурлин путешествовал со всевозможными прихотями... Мы положили путешествовать вместе“. Но поэт не пожелал следовать этому решению, путешествие с доносчиком „рыжим Бутурлиным“ могло бы помешать его дружескому общению с декабристами. Известно, что Бутурлин посылал в Петербург доносы на то, что на Кавказе декабристы, в обход дисциплины, пользуются большой свободой и разными послаблениями⁶². „Вскоре после приезда Бутурлина,— замечает Вейденбаум („Декабристы на Кавказе“, „Русская старина“, 1903, июнь),— у Сухорукова, по распоряжению из Петербурга, был произведен обыск...“

По всей вероятности, мысль о необходимости вмешаться в дело Сухорукова возникла тогда же в сознании Пушкина. Он просил Сухорукова дать ему точные необходимые сведения о нем. Помимо того, Пушкин мог слышать подробности дела Сухорукова и из других источников, в Новочеркасске, где, по рассказу М. И. Пущина (Л. Майков, „Пушкин“, СПб, 1899), он встречался с наказным атаманом⁶³. По свидетельству В. Якушкина („О Пушкине“, 1899, стр. 176), в бумагах Пушкина находилась записка, писанная чужой рукой, может быть, самого Сухорукова. (Якушкин делает ошибочное предположение, что Пушкину не пришлось устроить дело Сухорукова потому, что ему нельзя было даже и начать ходатайство из боязни гнева Чернышева, который в 1830 г. вызвал Сухорукова из штаба Паскевича.— Датировка записки Пушкина вызвала ряд разногласий в пушкиноведении).

Из этой записки Пушкин почерпнул нужный ему фактический материал, когда через год — два после возвращения с Кавказа решил вступить за Сухорукова. В 1831 г. (через несколько месяцев после женитьбы на Наталье Николаевне) он подал в III отделение канцелярии его величества официальную записку, имевшую целью помочь Сухорукову получить копии с отнятых у него исторических документов. Любопытно, что Пушкин, знавший А. И. Чернышева и непосредственно с ним общавшийся, решил на этот раз обойти прямого виновника ссылки Сухорукова, надеясь, очевидно, либо на помощь Бенкендорфа, либо на то, что Бенкендорф доложит просьбу Пушкина непосредственно царю.

Составленная в очень осторожных выражениях, с умолчанием имени опального „бывшего атамана“ (Денисова) и взаимоотношений Сухорукова с Иловайским, записка Пушкина явно стремится преуменьшить вину Сухорукова. Пушкин старается объяснить столкновения с Чернышевым молодостью Сухорукова и сложностью возложенных на него поручений, стараясь затушевать причастность Сухорукова к делу декабристов. Как и всегда „милость к падшим призывая“, Пушкин здесь оказался верен желанию помочь своим единомышленникам, пострадавшим в деле 14 декабря; он был одушевлен тем порывом убедить правительство в необходимости смягчить участь декабристов, который неоднократно проявлялся в общественной и литературной его практике.

Вот содержание „записки“ Пушкина:

„Сотник Сухоруков воспитывался в Харьковском университете. В 1820 году бывший атаман употребил его по своим делам как человека сведущего и смышленного. В то же время граф Чернышев, имея нужду в тамошнем уроженце,

призывал его в свою канцелярию. Будучи еще очень молод и находясь в таком затруднительном положении, Сухоруков мог подать повод к неудовольствию графа. В последствии времени литературные занятия сблизили его с Корниловичем, с которым в 1825 году издал он ученую книгу под заглавием Русская Старина. Сухоруков был замешан в деле о заговоре, но следственная комиссия оправдала его, оставя в подозрении. Будучи потом откомандирован в Кавказский корпус, Сухоруков был употреблен графом Паскевичем.

Сухоруков имеет отличные дарования и сведения. Доказательством тому служит то, что все бывшие начальники принуждены были употреблять его, даже не доброжелательствуя ему. С 1821 года предпринял он труд важный не только для России, но и для всего ученого света.

Сухоруков имел некогда поручение от комитета, учрежденного для устройства войска Донского, составить историю донских казаков. Для сего Сухоруков пересмотрел все архивы присутственных мест и станиц Донской земли, также архивы: Азовской, Царицынской, Астраханской, наконец и Московской. Выписанные им исторические акты заключают более пяти тысяч листов, кроме того Сухоруков приобрел множество разных летописей, повестей, поэм и проч., объемлящих историю донских казаков. Все сии драгоценные материалы вместе со статьями, им уже составленными, Сухоруков должен был по приказанию [начальства] генерал-майора Богдановича, уезжая в армию в 1826 году, передать [двум есаулам] в другие руки, и теперь они едва ли не растеряны.

Имея слабое здоровье, склонность к ученым трудам и малое, но достаточное для него состоя-

ние (тысячу рублей годового дохода), Сухоруков сказывал мне, что единственное желание его было бы получить дозволение хотя [переписать] взять копию с приобретенных им исторических материалов, на которые употребил он пять лет времени, и потом на свободе заняться составлением истории донских казаков, которую надеялся он посвятить его императорскому высочеству великому князю наследнику“.

Подача записки о Сухорукове, находившемся в тяжелой опале, поднадзорном и ссыльном, была актом политической смелости Пушкина.

По существу записка содержала в себе протест против расправы над личностью даровитого человека, лишенного элементарных гражданских прав. В обстановке николаевской реакции каждый такой протест, в какой бы завуалированной и мягкой форме он ни был выражен, ставил Пушкина под угрозу определенного начальственного „внушения“ или выговора. Так вышло и на этот раз.

Прочитав записку Пушкина, Бенкендорф запросил Чернышева и, по получении от него ответа, написал Пушкину 29 августа 1831 г. „наставительное“ письмо, дававшее понять „дерзость“ не только жалобы Сухорукова, но и ходатайства о нем поэта:

„Милостивый государь

Александр Сергеевич!

Я сообщил г. генерал-адъютанту графу Чернышеву доставленную мне Вами, Милостивый государь, записку о Сотнике Сухорукове, изъявившем желание получить копии с выписанных им в Архивах материалов для составления истории войска Донского, которые он, уезжая в 1826 году в Армию, должен был по приказанию генерала Богдановича передать в чужие руки, равно как и множество приобретенных им древних летописей, повестей и поэм, относящихся к сему войску.

Граф Чернышев отвечал мне на сие, что акты, о коих упоминает Сотник Сухоруков, никогда не были его собственностью, ибо они собраны им из архивов войска и из других источников, по приказанию и направлению его, графа Чернышева, что акты сии, как принадлежность к делам Комитета об устройстве войска Донского, никак не могли утратиться, но должны быть в виду начальства, и что, наконец, он находит со стороны Сотника Сухорукова не только неосновательным, но даже дерзким обременять правительство требованием того, что ему не принадлежало и принадлежать не может.

Считая долгом уведомить о сем Вас, Милостивый государь, честь имею быть с совершенным почтением и истинною преданностью, Милостивый государь, покорнейший слуга А. Бенкендорф.

№ 4426

29 августа 1831 г.

„Его высокоблагородию А. С. Пушкину“.

(См. Переписка Пушкина, издание Академии наук, под ред. и с примеч. В. И. Саитова, т. II, СПб, стр. 312—313).

Если непосредственного удовлетворения своей просьбы Пушкину не удалось добиться, то все же вскоре (через 2¹/₂ месяца) он мог от общих знакомых узнать о некотором облегчении участи Сухорукова, отправленного из Финляндии на Дон. Правда, этой перемене в судьбе опального сотника не суждено было укрепиться на долгое время: в 1834 г. он отправился в новую ссылку. Он, как и Пушкин, мог сказать о себе:

... Злобно мной играет счастье;
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье.
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни...

Пушкин снова вспомнил о Сухорукове, когда вплотную подошел к осуществлению своего замысла создать собственный печатный орган, ко-

торый мог бы явиться средством борьбы с болгаринской братией. Мысль об основании подобного журнала или газеты зародилась у Пушкина давно, в письмах она начинает мелькать с 1825 г. „Неужто,— пишет он Вяземскому в 1830 г.,— Българину отдали монополию политических новостей? Неужто кроме Северной Пчелы ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Москве было землетрясение, и что камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения?“ В мае—июле 1831 г. он просит (сначала у М. Я. фон-Фока, потом у А. Х. Бенкендорфа) позволения издавать газету. На этот раз, однако, разрешения не было дано.

Но вначале июня 1832 г. Пушкин получил предварительное разрешение на издание газеты. Уже 3 июня этого года кн. П. А. Вяземский писал И. И. Дмитриеву из Петербурга, что в „литературном мире, за исключением обещанного позволения, данного Пушкину, издавать газету и с политическими известиями, нет ничего нового“. („Русский архив“, 1868, стр. 619), а 11 июля Пушкин сообщал И. В. Киреевскому, что ему „решили на днях политическую и литературную газету“, и просил Киреевского, Н. М. Языкова и других в ней сотрудничать. То же Пушкин писал и М. П. Погодину в тот же день: „знаете ли Вы, что Государь разрешил мне политическую газету? Дело важное, ибо монополия Греча и Булгарина пала“⁶⁴.

Слухи об издании газеты Пушкиным дошли и до Сухорукова, жившего тогда в Новочеркасске и занимавшего должность управляющего имением Картушиных.

В письме, относящемся к началу октября 1832 г.⁶⁵, П. М. Строев сообщал ряд новостей В. Д. Сухорукову:

„Почтеннейший друг, Василий Дмитриевич!.. В Московском Университете — вместо князя Голицына, уехавшего за границу — зачем — не знаю, правит должность Голохвостов, сделавший из него казарму и исключивший в 4 месяца 300 человек — оскорбивший всех профессоров. Бедные, бесприютные студенты наполнили собою все каналы, по коим выходит молодое поколение в люди, и в Академии было подано сего года до 500 прошений... Что вы делаете? Совсем ли променяли перо на заступ — пишете ли — зачем не пришлете мне ничего? зачем не исполните прекрасного намерения начертать картины разновременного быту Дона! Ужли охладели??? У меня есть кипа Телескопов⁶⁶, Молвы, да куда послать и как адресовать — уведоьте обстоятельно, а то вы не писали ни разу... А прогос — и у нас есть новости!.. Пушкин в Москве⁶⁷ — не хотите ли что писать ему? Он получил дозволение издавать газету Современник, где будут: политика, литература, промышленность. Полевой⁶⁸ и Греч рвут и мечут — а Пушкин продает право свое!!! Живет попрежнему — разыгрывает роль человека политической важности. Дети, дети! — У нас скверное время, скверные мысли и скверный урожай. Есть слухи, что Министр финансов просится в отставку по неудовольствиям с Министром военным. Сила солону ломит.

Полевой доселе не издал Истории ничего более 3 тома... Он совершенно предан системе Ф. Б(улгарина), который с плачем и горем жалуется на неблагодарность публики, что его забыли!!.

Что Ваши отношения служебные??? Подали ли в отставку — почему нет... Вышла брошюра Андрей Безыменной⁶⁹, ее получите — говорят, писана издателем Русской старины“.

Если Сухоруков, живя вдалеке от столичного общества, имел возможность получать от своих друзей вести о Пушкине, то из письма Пушкина от 14 марта 1836 г. мы узнаем, что поэт, интересуясь судьбой Сухорукова, „не редко получал известия“ о нем. Таким образом, каждый из них не терял другого из поля зрения.

В 1835 г. Пушкиным снова овладевает, старая мечта о собственном периодическом издании. Отсутствие серьезного и честного прогрессивного издания, в котором можно было бы печататься побуждает поэта к этому предприятию.

В письме к Бенкендорфу от 31 декабря 1835 г. Пушкин просил разрешить ему издавать ежегодно четыре тома статей „на подобие английских трехмесячных „Reviews“. Проситель оправдывал свои намерения исключительно денежными соображениями. Эти соображения играли в известной мере тактическую роль, что видно хотя бы из того, как отнесся Пушкин осенью того же года к возможности выгодно отказаться от своей затеи. „Я принужден был приняться за журнал,— сообщает он П. В. Нащокину.— Не ведаю, как еще пойдет. Смирдин уже предлагает мне 15 тысяч, чтобы я от своего предприятия отступился и стал бы снова сотрудником его „Библиотеки“. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться, Сенковский такая бестия, а Смирдин такая дура, что с ними связываться невозможно...“

14 января царь дал разрешение на издание журнала „Современник“, ⁷⁰ и для Пушкина началась полоса подыскивания сотрудников и хлопот о цензурном разрешении предназначенных к печатанию произведений. В этой издательской толчее не забывает он о донском опальном историке. Полный стремления собрать в своем журнале наиболее честных, свободомыслящих и талантливых работников пера, он решает пригласить к участию и В. Д. Сухорукова.

За 17 дней до получения цензурного разрешения на выпуск первого номера „Современника“ Пушкин писал Сухорукову:

„Любезнейший Василий Дмитриевич.

Пишу к вам в комнате вашего соотечественника, милого молодого человека, от которого не редко получаю об вас известия. Сейчас сказал он мне, что вы женились ⁷¹. Поздравляю вас от

всего сердца, желаю вам счастья, которое вы заслуживаете по всем отношениям. Заочно кланяюсь Ольге Васильевне и жалею, что не могу высказать ей все, что про вас думаю, и все, что знаю прекрасного.

Писал ли я вам после нашего разлучения в Арзрумском дворце? Кажется, что не писал, простите моему всегдашнему недосугу и не причисляйте мою леность к чему-нибудь иному. Теперь поговорим о деле. Вы знаете, что я сделался журналистом (это напоминает мне, что я не послал вам Современника: извините,— постараюсь загладить мою вину)⁷². Итак сделавшись собратом Булгарину и Полевому обращаю к вам с удивительным бесстыдством, и прошу у вас статей. В самом деле, пришлите-ка мне что-нибудь из ваших дельных, добросовестных, любопытных произведений. В соседстве Бештау и Эльбруса живут и досуг и вдохновение. Между тем и о цене (денежной) не худо поговорить. За лист печатный я плачу по 200 рублей. Не войдем ли мы и в торговые сношения?

Простите; весь ваш А. П.

14 марта 1836,
СПБ“.

Этим письмом завершаются дошедшие до нас сведения, характеризующие взаимоотношения Пушкина и Сухорукова. Сухоруков получил письмо в ссылке на Кавказе как раз в тот период, когда снова занялся исторической работой, через доверенных людей раздобывая ставшие для него запретными материалы по истории Дона. Письмо 12 февраля 1835 г., посланное им из Ставрополя Строеву, проливает, нам кажется, свет и на личность того молодого человека, соотечественника Сухорукова, о котором пишет Пушкин⁷³.

„Не откажите, сделайте милость, сообщить мне те дополнительные извлечения из московского архива, кои сделаны Вами в 1826 году, равным образом и те новые открытия, какие сделаны Вами при разборе—монастырских книгохранилищ, разумеется о том, что относится к истории донской. Такого рода услугу я буду ценить, как отраду в жизни. Не откажите, почтеннейший Павел Михайлович. Податель сего письма, добрый мой приятель и земляк, г. Сербинов имеет средства доставить ко мне верным образом всякую ученую драгоценность, хотя бы это был целый тюк бумаг, а потому локорнейше прошу Вас, если захотите обязать меня сообщением прошлых выписок, вручить их сему молодому человеку, которого не лишите Вашего доброго внимания: он очень дельный молодой человек, с похвальными наклонностями. Я теперь на Кавказе вот уже полгода, для царской службы“.

Однако, выступать в печати открыто, от своего имени и без особого разрешения начальства Сухоруков уже не решался (вспомним выраженное им в августе 1835 г. нежелание печатать рецензию на „Историю войска Донского“ Броневского), поэтому, очевидно, и не принял сразу предложения Пушкина. В 1837 же году он уже не мог этого сделать, так как после смерти Пушкина историко-критические работы не принимались в „Современнике“⁷⁴.

В первом же вышедшем в свет номере „Современника“ на страницах напечатанного в нем „Путешествия в Арзрум“ Сухоруков мог найти благожелательное упоминание своего имени и сожаление о том, что скромные его желанья продолжать любимую работу не могут быть исполнены⁷⁵. Помимо того, внимательно вчитавшись в описание военных действий армии Паскевича против турок (в частности, то описание, которое дано в третьей и четвертой главах „Путешествия“), Сухоруков мог отметить явные следы влияния официальных военных реляций, сказавшегося на пушкинском тексте, на изложении канвы фактических событий. Как указывает ряд источников, составителем этих реляций о военных дей-

ствиях армии Паскевича в 1829 г. был не кто иной, как В. Д. Сухоруков. Еще во время пребывания на Кавказе, Пушкин раздобыл копии с донесений царю и перечень отраженных в них военных событий использовал при написании „Путешествия в Арзрум“⁷⁶. Подготавливая к печати первый номер „Современника“, вновь перечитывая и отделявая текст „Путешествия“, Пушкин не мог не воссоздать в своем воображении облик даровитого опального донца, ставшего одной из многочисленных жертв самовластия.

В 1837 г. мы еще раз встречаем имя Сухорукова в одном из писем гениального русского критика. 14 августа этого года, находясь в Пятигорске, В. Г. Белинский сообщал К. С. Аксакову:

„Кстати, здесь в Пятигорске служит брат Пушкина, Лев Сергеевич: должен быть пустейший человек. Здесь познакомился я с очень интересным человеком — казаком Сухоруковым. Но обо всем этом поговорим при свидании“ (Белинский, Письма, под ред. Е. А. Ляцкого, т. I, стр. 104).

Содержание бесед Белинского с Сухоруковым неизвестно, но вряд ли можно допустить, что личность и творчество гениального поэта, впечатление об утрате которого было так еще свежо, не заняли важного места в этих беседах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кроме материалов, имеющих в Азово-Черноморском краевом архивном управлении, * мы используем следующие печатные источники:

Ив. Попов. Предисловие к „Общежитию донских казаков в XVII и XVIII столетиях“. Исторический очерк [Сухорукова]. Изд. ред. газеты „Донская речь“. Новочеркасск. 1892.

* Ныне Ростовский государственный исторический архив УНКВД.

Предисловие к первому изданию „Исторического описания земли войска Донского“, т. I, 1867, перепечатано во 2-м издании, 1903.

Х. Попов и Ив. Попов. Предисловие ко 2-му изданию „Исторического описания земли войска Донского“, Новочеркасск, 1903.

Х. И. Попов, В. Д. Сухоруков. В книге „Донцы XIX в. Биографии и материалы для биографии донских деятелей на поприще службы военной, гражданской, общественной, а также в области науки, искусств, литературы и проч.“, Новочеркасск, 1907.

Вейденбаум. Декабристы на Кавказе. „Русская старина“, 1903, июнь. Поправка А. Карасева — „Русская старина“, 1903, август, стр. 478.

Д. Завалишин. Сухоруков и Корнилович „Древняя и новая Россия“, 1878, № 6, стр. 170.

М. В. Юзефович. Воспоминания о Пушкине. „Русский архив“, 1880, кн. 3-я.

Вейденбаум. Примечание к „Путешествию в Арзрум“ Пушкина, „Кавказская памятка о Пушкине“. Тифлис, 1899, стр. 58—59.

В. Якушкин. О Пушкине. Статьи и заметки. Москва, 1899, стр. 174—176.

А. А. Карасев. Чернышев на Дону, „Исторический вестник“, 1903, кн. 7-я, стр. 228—231.

А. А. Кириллов. Опыт библиографии донской истории.— „Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы“, т. I, Ростов на Дону, 1912, стр. 107—111.

П. П. Сахаров. Происхождение донского казачества. (Глава 2. Обзор прежних мнений о происхождении допцов).— „Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы“, т. II, Ростов на Дону, 1914, стр. 15—17.

Русский биографический словарь. Том „Суворов — Ткачев“. Изд. Импер. русск. историч. общества, СПб, стр. 201—202.

„Путеводитель по Пушкину“. Полное собрание сочинений Пушкина, приложение к „Красной ниве“, т. VI, ГИХЛ, стр. 345.

Алексей Карасев. В. Д. Сухоруков, донской писатель. „Русская старина“, 1871, кн. 2-я, стр. 236—240. (О стих. „К Дону“ Растопчиной и „Ответ Дона“ Сухорукова).

А. Карасев. Графиня Растопчина и В. Д. Сухоруков. „Сборник Области войска Донского статистического комитета“. Вып. 7. Новочеркасск, частная Донская типография, 1907, стр. 66—70.

Новое о дойцах-декабристах. (Исследования А. Г. Стефанова). Газета „Молот“, 1925, 25 декабря, № 1319.

Донской историк и литератор Василий Дмитриевич Сухоруков. „Древняя и новая Россия“, 1877, № 9, стр. 90.

Письма к Сухорукову (от Пушкина, П. Строева, гр. Муцина-Пушкина и др.). „Донской вестник“, 1869, № 46 (см. также 1869, № 20 и 1867, № 17).

А. П. Никольский. Главное управление казачьих войск. Т. XI, ч. 1 официального издания „Столетие военного министерства, 1802—1902“ СПб, 1902, стр. 44—45.

К биографии В. Д. Сухорукова. „Донские ведомости“, 19 марта 1903, № 63.

„Рассказ ген. Шумкова“. „Русская старина“, 1878, № 10.

А. Грумм-Гржимайло. Декабрист А. О. Корнилович. Сб. „Декабристы и их время“. Изд-во политкаторжан, 1932, стр. 344—345.

Николай Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб, типография Балашева, 1878, гл. V (стр. 79—95) и стр. 78, 98, 110.

Шумков Ф. И. К биографии Сухорукова. „Донская газета“, 1877, № 2.

Алфавит декабристов. Под ред. Б. Модзалевского и А. Сиверса („Восстание декабристов“, т. VIII, ЛГР, 1925, стр. 182 и 400).

² Кушнарев занимался изучением калмыков, населявших Область войска Донского. Его очерк о калмыках напечатан в „Северном архиве“ 1824, март, и был использован потом в „Истории войска Донского“ Броневского. Матвей Гордесвич Кучеров был назначен в 1823 г. помогать П. М. Строеву извлекать пужные выписки из Архива коллегии иностранных дел.

³ Близкие отношения и особое расположение Чернышева к Сухорукову подтверждает Ф. Шумков. См. также А. А. Карасев, „Исторический вестник“, 1903, № 7, стр. 229.

В Азово-Черноморском краев. арх. упр. хранится богатый фамильный архив донского помещика Ивана Самойловича Ульянова (род. 1803 г.), который начал службу в Донском казачьем 26-м полку, прошел все ступени военной иерархии, в 1854 г. вышел в отставку и в декабре того же года произведен в генерал-майоры, принял участие в Донском войсковом дежурстве, был старшим членом войскового правления. И. Ульянов, ссылаясь на слова Ф. П. Хоперского, писал в „Заметках по поводу материалов для биографии Сухорукова и пояснений г. Шумкова“ (19 апреля 1871): „Сухоруков по своему образованию, талантам, по складу ума и свойств обладал в высокой степени способностью располагать к себе всякого развитого человека. Чернышев до того был увлечен этим расположением, что входил с Сухоруковым в подроб-

ные разъяснения о том, как он лет через 6, много 10, дослужится до чина генерала и затем может быть войсковым атаманом. Не раз и мне приходилось слышать, что Чернышев указывал другим на Сухорукова, как на будущего атамана". (Азово-Черноморское краев. арх. упр., исторический отдел, ф. Сухорукова, д. № 7).

⁴ „По докладу Комиссии, 13 июля высочайше повелено: оставить на Дону, не отправляя лейбгвардии в казачий полк, иметь за ним бдительный тайный надзор и ежемесячно доносить о поведении. Об этом к исполнению сообщено по принадлежности“. („Алфавит декабристов“, 1925, стр. 182)

⁵ В историч. отделе Азово-Черноморского краев. арх. упр. ф. Сухорукова, д. № 3, сохранился подлинник следующей „подписки“:

„Июля 27-го 1827 года я нижеподписавшийся дал сию расписку Господам Есаулам: Кушнареву 2-му, Кучерову и Сотнику Поснову о том, что в следствие предписания давшего мне свиты Его Императорского Величества по Квартирмейстерской части Г. Генерал-Майором Богдановичем от 3-го февраля сего 1827 года, все Исторические и Статистические Акты, Материалы полубеловые и черновые тетради составленной уже Статистики и Истории и все без исключения записки, до Истории и Статистики Войска Донского относящиеся, кои доселе находились у меня, сего 27 июля я здал им Господам Кушнареву, Кучерову и Поснову все без остатка, в чем и подписуюсь. Сотник Сухоруков“.

⁶ „Грибоедов в Петербурге жил у Алекс. Ивановича Одоевского... и находился постоянно в том же кругу декабристов, как и Сухоруков“ (Завалишин, „Сухоруков и Корнилович“).

⁷ В сохранившихся в фонде Сухорукова, д. № 7 исторического отдела Азово-Черноморского краев. арх. упр. „Материалах для биографии В. Д. Сухорукова“, составленных Х. И. Поповым (на рукописи имеется отметка А. А. Карасева; „Запрещено“), есть указание на то, что Сухоруков „начинал писать историю Грузии“ и собрал для нее материалы, в подтверждение чего дается ссылка на приложенное к рукописи письмо Селивановского-отца (до нас не дошедшее).

⁸ „Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. По неизданным источникам составил Генерального Штаба Генерал-лейтенант князь Щербатов“, СПб, т. III, 1891, стр. 328.

⁹ Рукописные „Материалы для биографии В. Д. Сухорукова“, сост. Х. И. Поповым,

¹⁰ За этими словами следовала (зачеркнутая потом) при-

писки Паскевича: „Они оправдали доверие на службе, но многие из них не оставили прежних мыслей“.

¹¹ С финляндскими друзьями он вел потом переписку. Так, в архивном фонде Сухорукова (д. № 2) сохранилось письмо от 4—16 февраля 1833 г. из г. Або. „Вы желаете получить, — пишет автор письма Карл Тамсвандер, — известия о крестьянском винокурении. Я охотно сообщил бы вам оные, но будучи совершенно лишен всей опытности по сей части гражданской промышленности никак не могу исполнить вашего желания... Могу достать вам собственнор(учную) подпись шведского капитана Шацмана, который при Гельсингфорсе убил вашего казачьего генерала Краснощекова“. Из Або Сухоруков просил в письме в Новочеркасск 8 августа 1831 г. одного из своих бывших сотрудников о присылке ему выписок из некоторых актов Донских дел: „На досуге хочу попытаться написать роман (исторический) из нашей старины“. („Донцы XIX в.“, Новочеркасск, 1907, стр. 444).

¹² В письме от 21 сентября 1831 г. из Гельсингфорса его извещали: „Сию минуту пришла С.-Петербургская почта и по приказанию Графа Сергея Андреевича поспешаю уведомить вас, почтеннейший Василий Дмитриевич, что вы уволены на Дон. Копию с отношения Начальника Главного Штаба Е. И. В. при сем посылаю. Душевно рад, что могу вам сообщить сие известие, которое надеюсь будет вам приятно. — Писать более некогда. Абоская почта сейчас отходит. Преданный вам Н. Путкин“. (Азово-Черноморское краевое архивное управление, ф. Сухорукова, д. № 2).

¹³ Ошибочным является указание П. Строева на то, что он имел с Сухоруковым свидание в октябре 1831 г. в Новочеркаске, куда был к тому времени перевезен груз архивных выписок по истории войска Донского. (Барсуков, „Жизнь и труды Строева“, стр. 93).

¹⁴ Закупка хлеба производилась Сухоруковым по предложению Картушинных и на их капитал. Подробности этого дела рассказывает в „Заметках по поводу материалов для биографии Сухорукова“ И. С. Ульянов. (Азово-Черноморское краев. арх. упр., ф. Сухорукова, д. № 2). В том же фонде хранятся письма Кушнарера и Кучерова от 9 ноября 1832 г. и 24 февраля 1833 г., касающиеся ссоры Сухорукова с Картушинными.

¹⁵ Об обстоятельствах представления его к этому чину рассказывает подробно И. С. Ульянов в „Заметках“ (Азово-Черноморское краевое арх. упр., ф. Сухорукова, д. № 7); см. также А. Карасев, „Исторический вестник“, 1903, т. VII, стр. 231 и А. Карасев, „Русская старина“, август, стр. 478.

¹⁶ „Записки по поводу материалов для биографии Су-

хорукова“, Азово-Черноморское краев. арх. упр., исторический отдел, ф. Сухорукова, д. № 7.

17 См. „Донской историк и литератор В. Д. Сухоруков, журнал „Деревня и новая Россия“, 1877, № 9, стр. 90, отдел „Заметки и новости“.

18 Сведения об этом периоде жизни и деятельности Сухорукова очень скудны. В фонде Сухорукова, хранящемся в Азово-Черноморском краев. арх. упр., имеется дело (№ 6) о разделе имущества, оставшегося в наследство от матери В. Д. — Феклы Сухоруковой. В одном из прошений наследники жалуются на то, что „дом нашей умершей родительницы и бабки сотницы Феклы Сухоруковой находится несправедливо под запрещением за неисполнение контрактных обязательств одним из нас умершим есаулом Василием Дмитриевичем Сухоруковым по казенным подрядам на Кавказе... Несправедливость подобного запрещения оспаривается нами судебным порядком“.

19 Нам известны следующие печатные работы Сухорукова: Замечания на некоторые места статьи, помещенной в 41 номере „Отечественных записок“ (стр. 345—375). Дорога от реки Дона до Георгиевска на пространстве 500 верст. „Сын Отечества“, ч. 88, 1823, кн. X, отд. IV, стр. 317—328.

Сухоруков. Поправка статьи, напечатанной в „Северной Пчеле“ и „Русском инвалиде“ под заглавием „Письма из Кавказского корпуса“ Ив. Радожицкого. „Тифлиссские ведомости“, 1829, № 41.

Записки о достопримечательностях в Донской области „Донские войсковые ведомости“, 1865, №№ 34 и 35.

Историческое описание Земли войска Донского. Особое прибавление к газете „Донской вестник“, т. 1, Новочеркасск, 1867, т. II, изд. Областного войска Донского статистического комитета, Новочеркасск, 1872. (Напечатано по рукописи, хранившейся в Донском статистическом комитете).

То же, 2-е изд. С предисл. Х. и Ив. Поповых, 1903, Новочеркасск.

Краткое историческое известие о бывшем на Дону городе Черкасске, „Северный архив“, ч. VIII, 1823, № 20, октябрь, отд. 1, стр. 88—109.

В. С. О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия. „Соревнователь просвещения и благотворения“, ч. XXVI, 1824, II, стр. 183—200.

Общежитие Донских казаков в XVII и XVIII столетиях. „Русская старина“, карманная книжка для любителей отечественного на 1825 г. Изданная А. Корниловичем. СПб, 1824, отдел II, стр. 163—342, 349—350 + 6 вкладных листов. (Пять песен донских национальных. Положены на музыку г. Коль-

бе). Содержание: Родине моей („Страна, где мы впервые... Жуковский), стр. 171, Вступление. 173—177. Рыцарская жизнь казаков. 178—247. Частная жизнь донцов в конце XVII и в первой половине XVIII в. 248—297. Свадебные обряды. 298—335. Донские песни. Здесь предлагаются песни для нот, приложенные в конце книги, прочие помещены в тексте. 336—342. Ссылки. 349—350. — Из предисловия издателя (А. Корниловича): „Второе отделение (книги) написано г. С., воинственным питомцем знаменитого Дона... Автор пользовался современными актами и отчасти преданиями, которые еще свежи в народе, сильно привязанном к родине и потому свято сохраняющем память о прошедшем“.

То же, 2-е изд., 1825.

Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк. Изд. ред. газеты „Донская речь“, Новочеркасск, 1892.

Рецензия: Броневский, Владимир. История Донского Войска, 3 ч., СПб, 1834. „Донской вестник“, 1867, №№ 27—29.

Письма к П. М. Строеву, „Сборник Областного войска Донского статистического комитета“, вып. 1, Новочеркасск, 1901.

Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822—1832 годах. Изд. Обл. правления войска Донского. Новочеркасск, 1891. (Напечатано по рукописи Сухорукова, принесенной в дар Донскому музею сыном Пудавова, который участвовал в разработке материалов, собранных Сухоруковым).

²⁰ В частности, не исследовано все собрание материалов Сухорукова по истории войска Донского, из канцелярии ген. Богдановича поступившее на хранение в Межевую комиссию или в атаманскую канцелярию. Судьба этих материалов не ясна. Часть их, видимо, сгорела во время пожара Новочеркасского войскового архива в 1858 г., когда огнем было уничтожено всего 335 254 дела. Часть материалов Сухорукова была потом в руках донского историка М. Сеньютина, — некоторые из них он напечатал в „Донских войсковых ведомостях“ в 1864 и 1865 гг.

В Азово-Черноморском краев. арх. упр. хранится лишь небольшая часть материалов, касающихся Сухорукова. Фонд, хранящийся сейчас в Азово-Черноморском краев. арх. упр., поступил сюда из Новочеркасского отделения Донского окружного архивного бюро в 1930 г., а до революции находился в Донском областном архиве.

²¹ Азово-Черноморского краев. арх. упр., историч. отдел, ф. Сухорукова, д. № 7.

²² Книга Ушакова „История военных действий в азиат

ской Турции в 1828 и 1829 годах". Две части с атласом карт и планов Изд. в 1836 г. в СПб, 2-е изд. — Варшава, 1843.

²³ Этот факт отмечен Х. Поповым и Ив. Поповым в предисловии ко 2-му изд. „Исторического описания Земли войска Донского“, 1903, стр. 5.

²⁴ Ср. характеристику донских песен и музыки, данную Сухоруковым в „Статистическом описании Земли войска Донского“, 1891, стр. 113.

²⁵ Документ этот имеет характер официального указа: „Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского войска Донского из Хоперского сыскаго начальства от Акишевского до Михайловского. В сем начальстве слушал рапорт г-на хорунжего Сухорукова, в коем он прописывает, продолжая разыскания сто о происшествиях, к военной истории донских казаков относящихся, он по рассмотрении дел отъедет на сих днях в Новочеркасскую крепость для рассмотрения тамошнего архива...“ и т. д.

²⁶ В „Общежитии донских казаков в XVII и XVIII столетиях“ Сухоруков приводил полные тексты следующих донских песен: песню о дуванах: „Как со славной со восточной со сторонушки протекала быстра речушка славный тихий Дон“; „богатырские“ песни: „У нас, братцы, на Дону, во Черкасском городе проявилась у нас, братцы, прирожденная тума“, „На заре то было, на зорюшке, на заре то было на утренней“, „Не травушка, не ковылушка в поле шаталась, как шатался, волочился удал добрый молодец“, „Как ты батюшка славный тихий Дон, ты кормилец наш Дон Иванович“, „Не великий там огоньшек горит, то-то в поле кипарисный гроб стоит“, „Как на славных на степях было саратовских, что пониже было города Саратова“ (о Ермаке), „Приуныло, приумолкло войско Донское, приужаснулась армейюшка царя белого“ (о Краснощекове).

²⁷ А. А. Карасев. „Чернышев на Дону“. „Исторический вестник“, 1903, кн. 7.

²⁸ В мае 1820 г. атаман Денисов жаловался Аракчееву на превышение власти Чернышевым, который стал „повелительным голосом“ диктовать решения Комитету и „объявил членам, что он адъютант императора, и слова его, которые он именем его величества объявит, должно исполнять в точности“. Аракчеев вскоре ответил письмом, не оставлявшим сомнений в отсутствии шансов у Денисова на победу. „До сего времени, — писал Аракчеев, — я был для вас, в полном смысле, человек чуждый, посторонний. Ваше превосходительство не имели со мной никакой переписки. Можете представить, как я был удивлен, видя ныне, что вы не только пишете ко мне, но избираете меня даже судьбою дел ваших...

Действия ваши обратили на себя справедливое негодование правительства". Аракчеев советует Денисову „стараться исполнить высочайшую волю, объявленную чрез такого генерал-адъютанта его величества, который заслужил к себе полное доверие не только от вас, но и от всех любящих государство... Надеюсь, что ваше превосходительство, любя, как говорите, правду, конечно, извинит и мне те истины, кои с сим ответом связаны, и позволите мне просить уволить меня от такой переписки, которая не может уже, кажется, не быть излишнею“.

²⁰ „Вся станица приглашалась к царскому столу во дворец, где была угощаема с удовольствием и потчевана романею. Тут подносили атаману, есаулу и каждому казаку порознь подарки... Всей станице выдавались на стол ежедневно деньги, вино, мед и пиво. Для езды в Москве отпускались атаману из государевой конюшни лошади и экипаж“ и т. д. („Общезитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях“).

³⁰ „Столетие военного министерства 1802—1902“. Главный ред. ген.-лейтенант Д. А. Скалон, т. XI, ч. 1. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. Составил подполковник А. Никольский, СПб, 1902, стр. 172.

³¹ Н. И. Краснов. „Алексей Васильевич Иловайский“. „Русская старина“, 1875, апрель, стр. 702.

³² Биографы Сухорукова (Х. И. Попов и др.) отмечают, что расположение Чернышева к Сухорукову стало охладевать уже с конца 1824 г., когда обнаружился разлад их во взглядах на донские реформы. После этого Сухоруков искал случая уклониться от личного нахождения при Чернышеве“, находя, очевидно, что Новочеркасск явится более плодотворной базой для оппозиционной деятельности. Надо отметить также, что еще летом 1824 г. писать историю войска Донского предложено было Строеву и только ввиду его отказа оставили это поручение за Сухоруковым. (См. Барсуков, „Жизнь и труды Строева“, стр. 91).

³³ См. Записки И. С. Ульянова, Азово-Черноморское краев. арх. упр., ф. Сухорукова, д. № 7. Также: А. Карасев, „Чернышев на Дону“, „Исторический вестник“, 1903, VII, стр. 230.

³⁴ Н. И. Краснов („Русская старина“, 1875, IV) говорит, что Иловайским поощрялась находившаяся в его штабе „лучшая наша молодежь — Сухоруков, Селиванов, Кушнарев, Кучеров, Колесников и другие университетские питомцы“ (стр. 718). Сам по себе представлявший довольно бледную в политическом отношении фигуру, действовавший раньше по указке Чернышева, Иловайский стал теперь орудием в руках казацкой старшины.

⁹⁵ См. „Донцы XIX в.“ Новочеркасск, 1907, стр. 438.

⁹⁴ Не надо думать, что чернышевское „положение“, введенное в 1835 г., коренным образом нарушило права помещиков. За помещиком закреплялось право на 15—20 десятин земли на каждую крестьянскую душу, а за казаком — 30 десятин. В этом положении, — замечает А. А. Карасев, — не было правды, по которому „на случай уменьшения надела от прироста населения, казаку отводилась бы недостающая земля из войсковой запасной земли, и получилось, что через 40—50 лет у казака осталось менее половины этой нормы (30 десятин), а запасные земли поступили в распоряжение войска, получающего с них доход, от которого казаку ни тепло, ни холодно“. („Исторический вестник“, 1903, т. VII, 233).

⁹⁷ Надо отметить, что увольнением Иловайского и расправой с его сторонниками правительству все же не удалось покончить с донской оппозицией. На должность наказного атамана был назначен чернышевский ставленник в Комитете по устройству войска Донского Дмитрий Ефимьевич Кутейников, причем был подтвержден указ 27 января 1821 г. о том, чтобы войсковое начальство действия свои согласовывало с решениями Комитета. В 1828 г. царем были утверждены права об управлении Донским войском, взятые из проекта комитетского положения. Однако, и Кутейников оказался неспособным угодить правительству. Положение об управлении Донского войска утверждено было 26 мая 1835 г., причем для введения его были командированы на Дон генерал Княжнин и ревностный помощник Чернышева Болгарский. Вскоре Болгарский донес о „равнодушии“ Кутейникова к приведению в действие положения. Последовал царский рескрипт на имя Кутейникова, требовавший особенно ревностной деятельности по наблюдению за точным и правильным исполнением положения, а одновременно Кутейников получил и секретное письмо Чернышева от 20 декабря 1835 г. Редакция письма была рассмотрена и исправлена императором. Письмо заключало в себе предложение атаману выйти в отставку, буде он чувствует себя не в силах отнестись с должным старанием и ревностью к этому делу. Атаман ушел в отставку (приказ 10 февраля 1836 г.), а вместо него назначен был М. Г. Власов, последний атаман из донских казаков, исполнявший эту должность до 21 июня 1848 г.

⁹⁸ См. „Новое о донцах-декабристах“ (сообщения об исследованиях историка А. Г. Стефанова). Газета „Молот“, Ростов-Дон, 25 декабря 1925, № 1319.

⁹⁹ Центрархив. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии, касающиеся государственных преступников, т. I, 1925, под ред. А. Покровского, стр. XVII.

⁴⁰ Такой характер имеет, напр. аргументация Шумкова который в ряде вопросов был единомышленником Сухорукова и стремился реабилитировать самого себя. Доказывая непричастность Сухорукова к декабризму, он, между прочим, ссылаясь на то, что во время бытности своей в Петербурге Сухоруков советовал Шумкову прекратить посещения вечеров Булгарина („Танты“, воспетой Пушкиным).

⁴¹ См. Азово-Черноморское краев. арх. упр., дело № 352, ф. Войскового штаба Области войска Донского за 1837 г.

⁴² Алексей Ираклиевич Левшин (1799—1879 гг.), автор использованного в „Истории Пугачева“ „Исторического и статистического обозрения уральских казаков“, получившего не менее одобрительный отзыв Пушкина, чем работы Сухорукова. Один из деятелей реформы 1861 г. В 1824 г. состоял правителем канцелярии гр. Воронцова. Упоминание о нем в „Евгении Онегине“, гл. VII, стр. 4. Сухоруков мог быть лично знаком с ним через А. О. Корниловича.

⁴³ Седьмого числа сего месяца, в прошедшую пятницу, — сообщал Сухоруков Строеву, — постигло столицу величайшее бедствие — потоп: от сильного ветра, дувшего с моря, вода выступила из берегов и покрыла почти весь город. Обе Коломны, Нарвская часть, все четыре Адмиралтейские, Васильевский остров, Петербургская и Выборгская стороны совершенно все были в воде; не оставалось ни одного клочка земли сухой. Вода на улицах местами возвышалась до 2½ сажень. Только некоторые места Литейной части, Московской и Рождественской не покрывались водою. Какая ужасная картина! На улицах плавают товары, вещи, люди: в глазах Ваших тонут и нет средств к спасению; несутся барки с сеном, дровами и проч., посреди реки распадаются, и Вы видите несчастных людей или утопающих или уцепившихся за бревна, чтобы провести еще несколько минут в мучении. Целые дома плавают по реке и по улицам, с трупами своих жильцов. Многие тысячи людей вовсе погибли, многие тысячи разорились в конец“.

⁴⁴ Письмо к Л. С. и О. С. Пушкиным. См. Пушкин. Письма. Под ред. Б. Модзалевского, ГИЗ, 1926, т. I, стр. 103.

⁴⁵ См. письмо Пушкина № 72 и комментарий к нему Б. Модзалевского (стр. 301) в 1-м томе „Писем“ Пушкина, 1926. Интересно отметить сходство взглядов Пушкина и Корниловича на вопрос расширения русского влияния в Азии, — ср. письмо Пушкина к брату 20 сентября 1820 г. и „Путешествие в Арзрум“ и П. Е. Щеголев, „Декабристы“, 1926, ГИЗ, стр. 324 и др.

⁴⁶ В эту работу вошли две прежние его статьи „Об увеселениях Русского двора при Петре I“ и „О первых ба-

лах в Россия" (напечатанные в альманахе „Полярная звезда“ за 1824 и 1823 гг.), составившие вторую и третью части монографии. Вновь написаны были 1-я часть: „Частная жизнь императора Петра I“ и 4-я „Частная жизнь русских при Петре I“. Монография Корниловича явилась одним из источников, откуда черпал Пушкин исторические сведения (см. П. В. Анненков, „Пушкин, Материалы для его биографии и оценки произведений“, 1873, стр. 191). Об интересе Пушкина к работам Корниловича свидетельствует и запись в дневнике Б. М. Федорова 12 мая 1828 г. („А. С. Пушкин“, изд. журн. „Русский библиофил“, 1911, стр. 35). А. О. Корнилович оказал также влияние на Пушкина, как автор предпосланного к поэме Рылеева „Войнаровский“ „Жизнеописания Мазепы“. См. сопоставление текстов „Полтавы“ Пушкина и „Жизнеописания Мазепы“ в статье В. В. Сиповского „Пушкин и Рылеев“ — „Пушкин и его современники“, вып. III, 1905, стр. 75—80.

⁴⁷ Б. Мейлах. Пушкин в литературных объединениях декабристов. „Красная новь“, 1936, № 1, стр. 200—205. См. также: предисловие к „полному собранию стихотворений Рылеева“, издательство писателей в Ленинграде, ЛГР, 1934, стр. XXIII и статью А. Н. Шебунина, „Пушкин и общество Елизаветы“ во временнике „Пушкин“, 1, изд. Академии наук СССР, 1936, стр. 53—90.

⁴⁸ См. Х. И. П. „В. Сухоруков“ в книге „Донцы XIX века“, Новочеркасск, 1907, стр. 438; также „Заметки“ И. С. Ульянова, Азово-Черноморское краев. арх. упр., ф. Сухорукова, д. № 7.

⁴⁹ В начале своей литературной деятельности в приятельских отношениях с Булгариным были, как известно, и Грибоедов, Рылеев, Бестужев, Кюхельбекер. В его „Северном архиве“ с 1822 г. деятельно сотрудничал А. О. Корнилович и Булгарин прикидывался лучшим его другом и клялся в неизменной любви к нему, а потом за дружеские услуги Корниловича отплатил ему доносом, по которому Корнилович был 14 февраля 1827 г. снова заключен в Петропавловскую крепость. Политическое лицо Булгарина — доносчика III отделения и холопа Бенкендорфа — стало ясным в литературной общности уже к 1825 г. В 1824 г. Пушкин еще участвовал в „Литературных листах“ Булгарина.

С Булгариным и Гречем мог свести Сухорукова П. М. Строев, с 1814 по 1822 г. печатавшийся в „Сыне отечества“ (до 1825 г. ред. Греч), а с 1823 по 1827 г. — в „Северном архиве“ (с 1822 по 1824 г. ред. Булгарин, с 1825 г. — Булгарин и Греч). В 1823 г. в „Сыне отечества“ сотрудничал и Сухоруков, а в октябрьской книжке булгаринского „Северного архива“ было напечатано его „Краткое известие о городе Черкасске“

29 марта 1824 г. Ф. Булгарин писал Строеву: „Я люблю вас душевно и почитаю искренно. Вам я обязан прекрасною статьею, но в миллион раз более знакомством В. Д. Сухорукова, с которым я искренно подружился. Что это за человек! Что за душа! Что за ум! Ангел и полно“ (Н. Барсуков, „Жизнь и труды П. М. Строева“, СПб, 1878, стр. 110). А. Кушнарев писал Сухорукову из Новочеркасска 28 февраля 1825 г.: „45 рублей не оставь отдать Фаддею Венедиктовичу на журнал „Северный архив“ для генерал-майора Степана Евдокимовича Грекова, коему и адресовать в г. Новочеркаск, он не прислал весовых денег и мне скучно платить за них свои деньги.. Северная Пчела обворожила меня.. Если угодно Фаддею Венедиктовичу, то для его Пчелы можно кое-что записать здесь в Черкасске. У нас иногда такие бывают происшествия, кои заслуживали бы всякого внимания; если тебе это понравится, то ты можешь уведомить о сем Ивана Федоровича (ген. Богдановича) и с позволения коего можно только приняться за сие дело“ (Азово-Черноморское краев. арх. упр., ф. Сухорукова, д. № 2)

Семен Аникеевич Селивановский, книгопродавец, издатель. Находился в деловом общении и переписке с Сухоруковым. В марте 1825 г. И. И. Пущин извещал Пушкина о желании Селивановского приобрести второе издание „Русалки“, „Плешника“ и „Фонтана“ за 12 тысяч рублей. Селивановский был главным комиссионером, с кем Пушкин имел дело по журналу „Современник“. Рылеев считал Селивановского „истинно почтенным человеком“. В типографии С. Селивановского печатались „Думы“ и „Войнаровский“. Судя по показаниям декабриста В. И. Штейнгеля, „Рылеев спрашивал его, нельзя ли в Москве приобрести членов (тайного общества) между купече твою, но Штейнгель отвечал, что на московских купцов рассчитывать нельзя, так как среди них нет ни одного, которому можно было бы безопасно верить тайну общества, что один только типограф Селивановский образованнее других, но что он и без привлечения его в общество содействует достижению его цели изданием книг, расширяющих свободные понятия“ („Общественные движения в России в первой половине XIX столетия“, т. I, СПб, 1905, стр. 306).

⁵⁰ Строев и А. Малиновский, таким образом, были сослуживцами Пушкина, который 14 ноября 1831 г. царским приказом был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел для работы над историей Петра. В доме Малиновского бывал и друг Сухорукова А. О. Корнилович (см. А. Грумм-Гржимайло, „Декабрист Корнилович“, сборник „Декабристы и их время“, 1932, стр. 328).

⁵¹ Иван Васильевич Малиновский (1795—1873), сын В. Ф. Малиновского,— о нем см. Н. Гастфрейнд, Товарищи Пушкина по Александровскому лицезу, т. III, стр. 269—319.

⁵² См. „Пушкин по документам архива М. П. Погодина“. „Литературное наследство“, № 16—18, стр. 708. О Малиновских упоминает поэт в письме к Н. Н. Пушкиной, см. Пушкин. Письма, т. II, ред. Б. М. Модзалевского, Academia, стр. 99, т. III, стр. 80.

⁵³ См. „Русский архив“ 1881, кн. 1-я, стр. 497—8 и 1902, кн. 1-я, стр. 53. Дочь А. Ф. и А. П. Малиновских, Екатерина Алексеевна (с 1833—княгиня Долгорукова) ухаживала (вместе с кн. Вяземской) за Пушкиным в часы его предсмертных страданий. См также письма Надежды Осиповны Пушкиной, журнал „Литературное наследство“, № 16—18, стр. 775—6 и П. А. Вяземского, там же, стр. 85.

⁵⁴ Константин Федорович Калайдович (1792—1832), археограф, историк и филолог, приятель М. П. Погодина. О Калайдовиче упоминание в письме Пушкина к Погодину (Пушкин. Письма, т. I, стр. 44, комментарий Б. Модзалевского, стр. 263).

⁵⁵ Ф. Шумков писал („А. О. Корнилович“, „Русская Старина“, 1878, октябрь, стр. 320): „По прошествии почти пятилетней жизни в казематах, Корнилович был доставлен в Тифлис и зачислен в Ширванский пехотный полк, расположенный на Царских Колодцах, где тогда стояла донская № 3 батарея, в которой служил пишущий эти строки. В это же время, при возобновлении знакомства с сим последним, также возобновились сношения Корниловича и с известным донским писателем Сухоруковым, проживавшим тогда в Новочеркасске по возвращении из Финляндии“.

⁵⁶ См. Письма В. Д. Сухорукова к П. М. Строеву, Сборник Областного войска Донского статистического комитета, вып. I, стр. 42. Здесь ошибочно вместо имени декабриста, члена московской управы тайного общества кн. Е. П. Оболенского, названо имя Одоевского, кн. Оболенский вскоре передал наблюдение за изданием „Дум“ И. И. Пущину.

В ответ на „хартию“ Строева Рылеев писал ему: „Весьма сожалею, что Муханов Вас растревожил, поступки его действительно заслуживают порицания, и вы в праве на него негодовать тем более, что хорошо не знаете его; но по праву приязни с Мухановым и по личному моему уважению к вам, должен вам с откровенностью сказать, что оскорбительные личности насчет Муханова, которыми наполнено письмо ваше, обидны и мне. По той короткости, которую вы не могли не заметить между мною и им, вам вовсе не следовало бы так поспешно объявлять мне, и еще письменно, своего мнения насчет

его поступков. Муханов истинно добрый и благородный человек—и вероятнее, какое-нибудь обоюдное недоразумение было всему причиною. Вот мое мнение: уверен, что имею дело с благородным человеком и для того пишу откровенно, чтобы ничто не осталось на сердце. Я был бы мерзавец, если бы мог хладнокровно прочитать письмо ваше. Я думаю, что вы уже виделись с Князем Евгением Петровичем Оболенским; я поручил ему, по случаю отъезда Муханова, принять на себя издание Дум и Войнаровского. В нем вы найдете человека с отличными свойствами души и с прекрасными правилами: он вас и без меня удовлетворил вероятно, если вы обращались к нему. Теперь я также пишу и к князю. Некоторые примечания ваши я уже имею здесь и душевно благодарю вас за них. Вы совершенно оправдали выбор наш. Прошу вас покорнейше сделать и ко вновь присланным мною Думам такие же примечания, если цензура была милостива ко мне". (Барсуков, „Жизнь и труды Строева“).

⁵⁷ Текст этого приписываемого Сухорукову стихотворения сообщил (в „Русской старине“, 1871, II и в „Сборнике обл. В. Д. статистического комитета“, вып. 7) А. Кар сев. В 30-х годах поэтесса графиня Раstopчина (автор „Неравного брака“), побывав на Дону, в Аксайской станице, писала в стихотворении „К Дону“:

Ты ль это, Дон? Какой ничтожный!
Как мелок, как спокоен ты!
О сколь ошибочны и ложны,
Раскаты шумные молвы!
Тебя ли, Дон, не величали
Преданья, песни прежних дней,
Тебе ль отцы не повторяли
Приветов дедовских речей?
И что ж теперь? Ты в ложе узком
Безжизненным болотом спишь,
Ты дряхл, ты хил; ты в царстве русском,
Цветущем жизнью молодой,—
Противомыслен Дон седой...

В ответе на это стихотворение, Сухоруков, упрекая Раstopчину за „неправедный позор“, писал от имени Дона:

Меня вы славить не хотите,
Я дряхл и хил, вы говорите.
Не хил, не дряхл, а древен я,
Во времени мне нет преданья.
И вечность — летопись моя,
Я современник мирозданья!
И недвижим я с этих пор,

Как говорит мне ваш укор.,
О как я вольно разливался,
Как часто грозно я шумел
Бессмертной славой русских дел
И, как они, не истощался!
Не я ль преграду протянул.
В своих волнах похоронил
И Русь святую возвеличил?
Не я ль преграду протянул
И безнадежно ограничил
Черкесской вольности разгул?
И вашу родину и вас
Спасал не я ли столько раз?
Я вам не нравлюсь не за то ли,
Что не даю моих я вод
На производ мятежной воли,
Ветров и буйных непогод?
Что глубину мою, стремнины
Я позволяю преплывать
И вольные мои глубины
Ладьям ничтожным промерять?
Пускай... быть может, для народа
Ношу я благо на волнах,
За что же мне своей свободой
Лишать нужду надежд и благ?

.....
Вы говорите: „грязен я“,
Но вы, видали ль, как объята
Бывает искрами заката
Моя алмазная струя?

Не грязен я, а кроток, тих —
Лишиться жаль лучей златых,
Но вы, графиня... О, теперь
Для вас я буду лютый зверь,
Я вам отмщу за поруганье,
Когда, презрев грозу, мятеж,
Моих страстей негодованье,
Дерзнете стать на мой рубеж;
Для вас я тишину нарушу,
Хребет мой гордо вознесу
И поэтическую душу
Я мыслью грозной потрясу...

²⁸ Статья Броневского напечатана в „Сыне отечества“, 1835, январь. Разбор Пушкиным этой статьи, под заглавием „Об истории Пугачевского бунта“, помещен был в „Современнике“, 1836, кн. 3-я.

59 „Заметки по поводу материалов для биографии Сухорукова и пояснений г. Шумкова“. Азово-Черноморское краев. а х., упр., ф Сухорукова, д. № 7. Выше мы отмечали указание И. Ульянова на факт „использования“ сухоруковского исторического описания военных действий в Азиатской Турции адъютантом Паскевича Н. Ушаковым. Такой факт был вполне возможен: все, написанное Сухоруковым и отобранное при его аресте Паскевичем, поступало в полную собственность штаба Паскевича и историческое описание (пусть даже доработанное Ушаковым по указаниям Паскевича) могло появиться под именем того, кто имел поручение Паскевича выпустить историю войны 1828—1829 гг. Если указание Ульянова справедливо, то материалы о взаимоотношениях поэта и донского историка дополняются свидетельством Сухорукова об участии Пушкина в перестрелке при р. Инджа-су на вершине Саган-лу. Сам Пушкин пишет в „Путешествии в Арзрум“: „Только успели мы отдохнуть и отобедать, как услышали ружейные выстрелы, Раевский послал осведомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрелку на передовых наших пикетах. Я поехал с Семичевым посмотреть новую для меня картину.“ Мы встретили раненого казака: он сидел, шатаясь на седле, бледен и окровавлен. Два казака поддерживали его „Много ли турков“,— спросил Семичев. „Свиньем валит, ваще благородие“, отвечал один из них. Проехав ущелие, вдруг увидели мы на склонении противоположной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около 500 турков. Казаки отступали медленно; турки наезжали с большой дерзостью, прицеливались в шагах 20-ти и выстрелив скакали назад. Их высокие чалмы, красивые доломаны и блестящий убор коней составляли резкую противоположность с синими мундирами и простою сбруей казаков. Человек пятнадцать наших было уже ранено. Подполковник Басов послал за подмогой. В это время сам он был ранен в ногу. Казаки было смешались. Но Басов опять сел на лошадь и остался при своей команде. Подкрепление подоспело“. М. И. Пущин внес существенное дополнение в описание этого эпизода. Он рассказал о том, что поэт, услышав выстрелы в цепи, вскочил на коня и исчез с глаз своих друзей. Семичев и Пущин отправились на поиски и увидели его скачущего с саблею на-голо против турецких наездников. К счастью, приближение улан с Юзефовичем, прискакавшим на выручку, заставило турок удалиться.

Сходный вариант этого рассказа дан и в „Истории военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах“, вышедшей под именем Н. И. Ушакова, как автора. „Перестрелка 14 июня 1829 года,— читаем во 2-й части этой „Истории“,

стр. 303 (изд. в Варшаве, 1843), — замечательна потому, что в ней участвовал славный поэт наш А. С. Пушкин. Когда войска, совершив трудный переход, отдыхали в долине Инжа-су, неприятель внезапно атаковал передовую цепь нашу. Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва не настигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устремился против неприятельских всадников.

Можно поверить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев перед собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке. Это был первый и последний военный дебют любимца муз на Кавказе. И. Ульянов в неопубликованных „Заметках по поводу материалов для биографии Сухорукова“ (Азово-Черноморское краев. арх. упр., ф. Сухорукова, д. № 7) говорит, что, делаясь с Ф. П. Хоперским своими впечатлениями о пребывании Пушкина на Кавказе, Сухоруков рассказал ему о том, как „при начатии одного сражения Пушкин в своем костюме и круглой пуховой шляпе вскочил на казачью лошадь и с пикой в руках замешался между казаками. Паскевич заметил рыцаря и велел силою вывести из огня“. (Ироническое наименование поэта „рыцарем“ и версию о заботливом Паскевиче надо, очевидно, отнести за счет И. Ульянова).

⁶⁰ См. „Донской вестник“, 24 ноября 1869, № 46. (Ср. также 1869, № 20 и 1867, № 17).

⁶¹ Имя Коновницына, скрытое под литерой К., названо Пушкиным в V главе „Путешествия в Арзрум“.

⁶² См. М. Нечкина. О Пушкине, декабристах и их общих друзьях, „Каторга и ссылка“, 1930, кн. 4-я, стр. 37.

⁶³ Вересаев в своей книге „Пушкин в жизни“, цитируя Пушину, приписывает к словам „наказного атамана“ фамилию Иловайского, которой Пушин не называет (см. Л. Майков, „Из заметок о Пушкине“, „Русский вестник“, 1893, сент., стр. 166 и Л. Майков, „Пушкин“, 1899, стр. 394). Приписка эта обнаруживает неосведомленность Вересаева: в 1829 г. атаманом был не Иловайский, а Кутейников.

⁶⁴ Название газеты точно не было известно, современники называют ее по-разному: „Вестник“, „Современник“, чаще — „Дневник“. Н. А. Муханов записывает в своем дневнике 29 июня 1832 г.: „Пушкин будет издавать газету

(Б/лудов/ выпросил у Государя на сие позволение) под заглавием Вестник, газета политическая и литературная; будет давать самые скорые сведения из министерства внутренних дел“ („Русский архив“, 1879, кн. 1-я, стр. 655).

Известие о пушкинской литературно-политической газете сразу распространилось в литературно-общественных кругах. 29 июля об этом сообщила „Молва“ (№ 61, стр. 243), а 16 августа, повторяя то же известие, писала: „Итак монополия гг. Булгарина и Греча, ко благу русской словесности — пала!“

Н. М. Языков писал брату Александру Михайловичу 28 июня: „Пушкин хочет издавать политическую газету. Говорят, что государь велел Нессельроде доставлять ему известия“ („Русская старина“, 1903, № 3, стр. 531). Из других записей дневника Н. А. Муханова видно, что 4, 5 и 7 июля 1832 г. происходили оживленные разговоры о газете между Пушкиным, Плетневым, Н. А. Мухановым, гр. А. П. Толстым, С. С. Уваровым и др. Так, под 5 июля записано: „Пришел Александр Пушкин. Говорили долго о газете его. Он издавать ее намерен с сентября или октября; но вряд ли успеет. Нет еще сотрудника. Я много ожидаю добра от сего журнала“.

Друг М. Н. Погодина, начальник отделения Азиатского департамента Министерства иностранных дел, впоследствии сенатор Н. И. Любимов, 9 июля писал Погодину. „Верно слышали Вы о предположении Пушкина — издавать ежедневную газету. От души желаю всякого успеха: Авось тогда несколько поумолкнут Полевые, Булгарины, Гречи и вся нечистая и не русская их братия. Пора зажать рот мерзавцам! „Конец концов! ведь мы не ослы!“ (из Хаджи-Бабы). Говорят, что издание сей газеты еще секрет, но дело решенное. Вы не будете Погодин, если не будете с своей стороны помогать столь доброму подвигу, во славу и пользу России предпринимаемому“ („Литературное наследство“, № 16—18, стр. 713—714). В поисках издательской базы Пушкин вступил в переговоры с Гречем, приглашая его стать соиздателем будущей газеты, но переговоры кончились неудачей.

16 сентября Пушкин выдал Н. И. Тарасенко-Отрешкову доверенность на ведение дел по газете (напечатана в книге „Рукою Пушкина“, 1935, стр. 761—2). В начале сентября был составлен пробный номер газеты „Дневник“ (См. П. В. Анненков, Воспоминания и критические очерки, отд. 3, СПб, стр. 259 и Пушкин, „Письма“, изд. Academia, т. III, стр. 495—498).

Тем не менее организация финансовой и издательской части не налаживалась. „Пушкина газета с большими замыс-

лами выдается,— писал 29 июля тому же Погодину С. Т. Аксаков,— на успех никто не надеется, он еще не нашел себе ни хозяина по финансовой части, ни водовозной лошадки: всех бракует». 21 октября А. Н. Мордвинов писал Пушкину: «На письмо ваше ко мне спешу Вас, Милостивый государь, уведомить, что я представил Г. Генерал-Адъютанту Бенкендорфу полученные мною от Вас образцы Вашего журнала; и сколько известно мне, Его высокопревосходительство располагал представить оные Государю Императору по возвращении своем из Ревельской губернии. До воследования же Высочайшего по сему предмету разрешения, не полагаю я благонадежным для вас приступить к каким-либо распоряжениям». Наконец, 1 декабря 1832 г. чиновник III отделения Б. А. Врасский сообщал Погодину, что «Пушкин будет издавать журнал Дневник, наконец, кажется это уже налажилось». Но это было уже запоздалое сообщение, ибо на другой день (2 декабря) Пушкин писал П. В. Нащокину: «Мой журнал остановился, потому, что долго не приходило разрешение. Нынешний год он издаваться не будет».

Но газета не появилась в свет и в следующем году. «Соглашение Пушкина с Тарасенко-Отрешковым лишало Пушкина самостоятельности в будущем издании, материальные выгоды от последнего, при отсутствии основного капитала и необходимости конкурировать с «Северной Пчелой», оказались также не очень значительными и вовсе не компенсировались двусмысленным положением официального журналиста, на которое обрекал себя Пушкин в случае напоминаний об осуществлении необдуманно взятых им на себя в 1831 г. идеологических обязательств («приблизить к правительству людей полезных»), исполнить которые в условиях 1832—1833 гг. он уже не мог и не хотел. Поэтому, воспользовавшись тем, что выпуск «Дневника» приходилось отсрочить до начала нового года, Пушкин от издания газеты решил отказаться». (Сочинения Пушкина, изд. «Красной нивы», том VI, вып. 12, стр. 126). Вопрос о неосуществившейся газете 1831—1832 гг. подробно освещен в статьях: 1) Н. К. Пиксанов, Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник»... «Пушкин и его современники», вып. V, стр. 30—74; 2) «Путеводитель по Пушкину», Полное собрание сочинений Пушкина, изд. «Красной нивы», 1931, т. VI, стр. 126; 3) Пискиным, Письма, т. III, изд. «Academia», комментарий Б. Л. Молчановского, стр. 487—500.

⁶⁶ Датируется по содержанию. Письмо, приведенное нами в выдержках, хранится в Архиве Черноморского края, арх. упр., ф. Сухорукова.

⁶⁷ «Телескоп» — журнал И. И. Чернышова, издававшийся с

1831 по 1836 г. В октябре 1831 г. Надеждин писал М. Погодину: „Извести, что говорят о Телескопе. Каково общее мнение? Чем довольны? Чего требуют? Особенно повыспроси Пушкина и Жуковского“.

⁶⁷ Пушкин приехал в Москву 21 сентября 1832 г. и пробыл в ней до 10 октября. (Поэтому цитируемое письмо П. М. Строева датируется началом октября). В Москве Пушкин вербовал сотрудников для газеты. Здесь,— пишет он жене,—„голова шла кругом при мысли о газете“ (Пушкин, Письма, изд. Academia, т. III, письмо № 513). С. П. Шевырев писал в октябре из Москвы С. А. Соболевскому „Пушкин здесь. Приехал вербовать сотрудников для политической литературной газеты, которую будет издавать с нового года“ (Литературное наследство, № 16—18, стр. 750).

⁶⁸ Николай Алексеевич Полевой (1796—1846), писатель, журналист, редактор издатель „Московского телеграфа“.

⁶⁹ Книга, которую посылал Строев Сухорукову,—„Андрей Безыменный“, старинная повесть, СПб., в типографии III отделения собств. Е. И. В. Канцелярии, 1832, вышла без имени автора. Автором ее был декабрист А. О. Корнилович. Книга эта имелась и в библиотеке Пушкина (см. Б. Модзалевский, „Библиотека Пушкина“, „Литературное наследство“, № 16—18, стр. 1000).

⁷⁰ Об этом Бенкендорф известил министра народного просвещения Уварова. См также письмо А. А. Краевского к Погодину, „Литературное наследство“, № 16—18, стр. 716.

⁷¹ В 1836 г. в Пятигорске Сухоруков женился на дочери статского советника О. В. Швецовой и имел от брака трех дочерей.

⁷² Если датировка письма (напечатанного А. Карасевым в „Историческом вестнике“, 1899, V и в переписке Пушкина, под ред. Саитова) верна, то речь здесь идет, вероятно, не о самом журнале (который ко времени написания письма еще не вышел), а о билете на получение „Современника“.

⁷³ Мы имеем в виду Сербинова. В доме Сербиновых (в Новочеркасске) — по свидетельству С. Соболева („Донской вестник“, 1868, № 3) — останавливался в 1829 г. Пушкин на обратном пути из Арзума. Бывал тогда в Петербурге и другой соотечественник Сухорукова, участвовавший в переработке „Исторического описания Земли войска Донского“, Василий Михайлович Пудавов, выехавший в апреле 1835 г. с Дона в Петербург. В письме, посланном с ним, М. Г. Кучеров рекомендовал его П. М. Строеву: „Это тот самый „Скалозуб“, которого статья против Броневского напечатана была в прошлом году в Сыне Отечества. Он страстный почитатель отечественной старины и ревнитель о славе родины“.

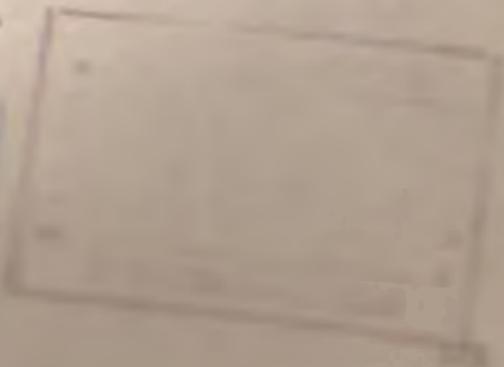
нашей, которую так черно описал г. Броневский... Г. Пудавов расскажет вам, где теперь В. Д. Сухоруков и что поделяет; да дает бог ему силу и крепость постыдить помрачителя славы нашей г. Броневского". Имя „молодого человека“, являвшегося посредником между Сухоуковым и его петербургскими друзьями, могло быть не названо в письме Пушкина из осторожности. А. Карасев („Исторический вестник“, 1899, V, 139), полагал, что этим „молодым человеком“ мог быть Ф. И. Шумков.

⁷⁴ См. „Литературное наследство“, № 16—19, стр. 722—723. Общая характеристика „Современника“ дана в статье Д. Максимова, „Современник“ Пушкина (1836—1837) в приложении к книге В. Евгеньева-Максимова, „Современник в 40—50 годах“. Ленинград, 1934.

⁷⁵ Упоминание о Сухорукове в „Путешествии в Арзрум“ является одним из аргументов, которыми доказывается написание „Путешествия“ не в 1835 г., а раньше. Очевидно, это упоминание явилось записью в кавказском путевом дневнике поэта. Она могла быть сделана Пушкиным до последовавшего за его ходатайством о Сухорукове ответа Бенкендорфа, датированного 29 августа 1831 г. В 1835 г. путевые дневниковые записки были, вероятно, переработаны и приготовлены к печати Пушкиным.

⁷⁶ В архиве Пушкина сохранилась писарская копия донесений Паскевича Николаю I от 16, 17, 20 и 28 июня 1829 г. с пометками, сделанными рукою поэта. „Сличение текстов свидетельствует, что Пушкин имел перед глазами донесения Паскевича, работая над „Путешествием“. См. „Из архива А. С. Пушкина“, комментарий И. Попова, „Летописи Государственного литературного музея“, кн. 1-я „Пушкин“, ред. Цявловского, Журнально-газетное объединение, Москва, 1934, стр. 197—212 и комментарий, стр. 212—217.

4/3

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. Пушкин на Дону и Кубани	7
Примечания	88
Историк войска Донского В. Д. Сухоруков и А. С. Пушкин	94
Примечания	152

1101

D

№ 11

Р О С Т О В С К А Я

Ростов н-Д., ул. Мухоморова, 11

С Е Л О Д Ы А С Т Р О В

ОБЛАСТЕЙ — Ростов н-Д., Мясницкая, 11

ОБЛАСТЕЙ — КАЧАН, 11

Ростов н-Д., ул. Школьная, 11